

настроение настроение настроение наст

Мир

в песочнице,

или

Стратегия

соблазнителя

Кристоф
Дюшатле

Если развод — это плохо, то свобода — отлично. Только надо разобраться, для чего она так уж необходима. Конечно чтобы заполучить женщину своей мечты. Именно этим после крушения брака занимается новоявленный холостяк Матье. Ему кажется, что поток очаровательных, не совсем очаровательных и совсем не очаровательных представительниц противоположного пола никогда не закончится и никогда не надоест. Да и что еще надо мужчине, не связанному никакими обязательствами? Вот только жизнь вносит свои коррективы. Что произойдет, если на горизонте появится та самая — единственная?

Кристоф Дюшатле

Игры в песочнице, или Стратегия соблазнителя

Моим подружкам

В какой-то момент я понял, что не стоит так усложнять свою жизнь, переделывать много дел, то есть заводить жену, детей, загородный дом, автомобиль. Я смог прожить холостяком гораздо дольше и легче, чем если бы преодолевал все естественные трудности жизни. По сути — это самое главное. Считаю себя большим счастливым человеком. У меня не было больших огорчений, грусти, неврастения. Мне также незнакома радость созидания, ибо описание бытия не было для меня способом отвлечься или насущной потребностью самовыражения...

Марсель Дюшан.

Из разговора с Пьером Кабанном

Keep cool, man!^[1]

Незнакомый прохожий

Парк Монсо, осень 1998

В будничные дни в парках чаще можно увидеть матерей, нянек и еще, конечно, детей, а иногда отцов-одиночек, в большинстве случаев не имеющих практически никаких прав на ребенка или находящихся в стадии развода. Как правило, эти отцы — совершенно неопределенные существа, озабоченные поисками какой-нибудь самочки, в объятиях которой они надеются освободиться от избытка семенной жидкости. И вот такой экземпляр сидит рядом со мной на скамейке и, кажется, ищет в пустоте утешение, светлое воспоминание или что-нибудь в этом роде, способное вывести его из оцепенелого состояния. Он сутулится и едва ли интересуется своим мальчуганом, который загребает песок пластмассовым ведерком. Совок, ведро — много ли надо, чтобы занять малыша? А пока идет игра, можно быстро выкурить сигаретку у железной решетки забора, стараясь

избежать укоризненного взгляда слишком ответственной мамы, как правило, католички с левыми взглядами и новообращенной защитницы окружающей среды, которая наверняка занимается сексом со своим мужем, не снимающим носков, как только отправит детей на выходные к дедушкам и бабушкам.

Держу пари, у папаши, сидящего возле меня на скамейке, ботинки за пять тысяч зеленых. То есть по две с половиной на каждую ногу. Убираю под скамейку ноги, пряча свои туфли, якобы дизайнерские, на самом деле — индонезийская подделка. На висках у соседа по скамейке серебрится седина, она придает ему вид зрелого мужчины, играющего иногда на бирже, интересующегося новыми технологиями, с радостью ожидающего появления высокоскоростного Интернета и довольного своей последней поездкой в пустыню Сахара. Интересно, означает ли его розовый галстук недавнюю феминизацию вкуса? По-моему, этот тип работает в конторе адвокатов на авеню Ваграм. Сюда он приходит на прогулку с сыном лишь в разрешенные для свидания дни. Он по-прежнему смотрит в никуда, а полжизни уже пройдено. Иногда он улыбается своему сынишке, у которого течет из носа, потому что в яслях инфекция.

Луна, моя дочурка с голубыми, чуть раскосыми глазами, отважилась на подвиг — перелезть через деревянную перегородку чуть ли не метр высотой. Наверху, в башенке несколько суперактивных мальчишек выкрикивают воинственные лозунги своим нянькам, возможно, незаконным иммигранткам. Моя маленькая Луна карабкается с трудом, одна нога застряла в выемке на стенке перегородки. Неловкость, с которой дочка штурмует препятствие, меня трогает. А она уже вообразила себя на вершине. Диву даешься, сколько всего приходится преодолевать с момента рождения. Ты появляешься на свет — оп! Стоит расстаться с плацентой, и у тебя взрываются легкие, а свет ослепляет. И сразу начинается борьба за выживание. Нет даже времени на то, чтобы повалиться на траве. Надо взрослеть быстро и быть максимально дееспособным.

— Девочка ваша дочь? — обращается ко мне папаша, носящий розовый галстук.

— Она славная, правда?.. Это ваш сын сделал большую пирамиду из песка?

Он улыбается мне и в то же время морщится.

— Смотрите, тот малыш может отдавить ей руку.

Бросаюсь на помощь Луне. Что это еще за драчун? Ругаю этого балбеса, сметающего все на своем пути. Это потенциальный убийца. Сейчас он у меня получит, я посажу его в мешок и зарюю в землю на глубину десять метров, чтобы не пророс.

Но меня опережает одна мамаша. Она останавливает возмутителя спокойствия и строго отчитывает его, сильно морща лоб, который уже нуждается в креме против морщин с экстрактом арахиса. Потом берет своего отпрыска на руки и прижимает к груди. Мальчуган все понял, он испытывает вину и поэтому начинает плакать навзрыд, пряча лицо между грудей своей родительницы. Маленький негодник, и тут приспособился.

Обращаю внимание на глаза матери: ну что ж, неплохо. Я тоже беру своего ребенка на руки. Дети смотрят друг на друга, взрослые обмениваются оценивающими взглядами, опасаясь новых выходов своих чад.

— Сожалею, мсье, Максимилиан настоящий сорванец. С вашей девочкой все в порядке?

— Думаю, да, — отвечаю я.

Она представляется:

— Изабель.

— А я — Матье.

На первый взгляд телесная оболочка Изабель тянет приблизительно на тридцать лет, а это уже изрядный кусок жизни. Светло-карие глаза, темные волосы, кончики которых, вероятно, обесцвечены, улыбка кошки, которая предвкушает, как будет лакать свое молочко, губы, подкрашенные помадой цвета мякоти ягод темного винограда.

— Вы часто сюда приходите? — спрашивает Изабель.

— Нет, я совсем недавно переехал в квартиру на площади Терн.

— Вероятно, этот квартал выбрала ваша жена?

— Я как раз с ней развелся.

— Сожалею.

— Не стоит. Мы расстались мирно. Без скандалов. Как цивилизованные люди.

— Bravo. Я считаю, это очень типично для сегодняшних отношений.

— А вы?.. Вам нравится этот квартал?

— Я живу в доме с видом на парк.

— У вас все хорошо?

— Да, пожалуй.

Наши малыши побежали вприпрыжку к похожей на турникет вращающейся крестовине, чтобы на ней покрутиться. Глупое занятие, до тошноты. Мы продолжаем разговор, краем глаз наблюдая за детьми.

— У вас усталый вид, — замечает Изабель.

— Я много работаю и мало сплю.

— Чем вы занимаетесь?

— Я — «негр». Ужасное слово. По-английски это звучит как ghost writer, писатель-призрак. Это лучше, не так ли?

— То есть вы пишете книги за других...

— Да, это всякие звезды, спортивные чемпионы, политики...

— Очень увлекательно. Для кого конкретно вы пишете?

— Профессиональная тайна.

— Ну назовите хотя бы одно имя.

— Имя? Постойте... вы знаете, в истории всегда существовали негры. Иисус, например, передавал свои послания через евангелистов. Никто его не видел, но все знают, что он сказал. Крутой парень.

Все ясно: мужчина в розовом галстуке за нами шпионит. Может, это муж Изабель, ее любовник или какой-нибудь вуайер, который ей докучает? В парках, помимо любовных парочек в определенных позах, определить статус человека или группы людей бывает иногда довольно сложно.

— Я верующая католичка, — сообщает мне Изабель. — У меня к этому другое отношение.

— А я верующий демон.

Она пытается улыбнуться.

— Это что, новая религия?

— Наоборот, очень старая.

— Ну нет, не говорите так! Подумайте о вашей дочке. Зачем преклоняться перед злом?

Она подзывает Максимилиана, и они уходят по аллее.

Большая квартира на улице Леклюз

В воскресенье вечером, когда истекает мое время общения с ребенком, Луна возвращается в основную квартиру, к своей матери Кларе. К счастью, в материнском гнездышке все гораздо лучше организовано, чем у меня, во втором доме. В шкафах в идеальном порядке высятся стопки одежды. Содержимое холодильника напоминает по своему богатству пещеру Али-Бабы, которого снабжают лучшие торговцы Парижа. Битва с пылью давно выиграна благодаря усилиям профессиональной домработницы Марианны, нанятой по устной рекомендации знакомых. Марианна настоящий гений домашней уборки, побивающий все рекорды, машина для чистки посуды, для отбеливания белья, для глажки; она неболтлива, настойчива, всегда здорова, не знает усталости, крепко стоит на ногах; она может при необходимости отвернуть зубами гайку и ни слова не сказать о своем подвиге.

При виде пустых полок моего холодильника кто угодно придет в уныние. Я не в состоянии составить список необходимых покупок. Тем не менее, приложив немного усилий, я научился готовить овощное пюре. У меня нет миксера, но я могу размять ингредиенты вилкой. Я добавляю масло, и это улучшает вкус блюда. Я знаю, что Луна еще любит макароны с сырами четырех видов, а также йогурты и еще не знаю что.

Прежде мы действительно ходили за покупками вдвоем: Клара составляла список нужных вещей и продуктов, планировала, вела домашнее хозяйство, а я соглашался, считал, что все хорошо, и попросту бездельничал. Прежде я участвовал в ведении домашних дел, случалось, что и отлынивал, сидел на несуществующих собраниях, но чаще я менял пеленки своей дочери, купал ее и рассуждал о роли отца в новых условиях глобализации.

Ночью Клара обычно вставала быстрее меня, чтобы успокоить проснувшуюся малышку, которой приснился страшный сон. В расслабленном состоянии я всегда был более медлителен. Кажется, это типично для всех мужчин, хотя я не уверен. Люди ведь столько всего говорят.

Раньше я ложился в постель с одной и той же женщиной, сегодня я довольно часто забираюсь под одеяло один, мечтая о каком-либо теле, но его нет.

Раньше я разглядывал свои жировые складки, которые появились на моем торсе, не особенно заботясь об этих изменениях. Сегодня я часами простаиваю перед зеркалом, скрупулезно разглядывая свою фигуру, оценивая черты лица, проклиная свою наследственность и анализируя каждый стареющий мускул. В то же время я размышляю, как бы я выглядел, если бы мышцы моего живота напоминали плитку шоколада, разделенную на кубики. Действительно, напрягшийся пенис, гордо вздымающийся на фоне рельефных мышц живота, — это производит неизгладимое впечатление. Но одна подружка умерила мой пыл по этому поводу, сказав, что «наличие жировой складки на животе придает уверенности женщине, совершающей половой акт». «Округлый живот умиротворяет», — добавила она. Ну, это как сказать.

С недавнего времени раз в две недели я провожу выходные вместе с моей дочкой. Без всякой двусмысленности из нас получается отличная пара. Вечером мы обычно устраиваемся на диване, чтобы посмотреть телевизор. Я сижу, а Луна кладет мне голову на колени и вытягивается на диване, чтобы так посмотреть передачи «Звезда Ас» или «В поисках новой звезды». Успокоенная и устало-нежная, она надеется, что я поглажу ее волосы и лицо. Любопытно, что на следующий день я иногда принимаю такое же положение, но на этот раз в компании с моей очередной подружкой. Она жеманничает, лежа на диване, и тоже ожидает моих ласк, когда мы смотрим фильм на DVD, обычно

классический фильм, который мы выбираем вместе и заказываем в магазине по телефону. Я разрываюсь между желанием заняться любовью и стремлением воздержаться. На самом деле я тайне мечтаю о других эмоциональных переживаниях и о переориентации моего сентиментального ампула.

Регулярно статистические службы анализируют изменения в отношениях между людьми и отмечают, в частности, сокращение традиционных форм общения, в которых участвуют оба родителя и ребенок, живущие под одной крышей (иногда сюда добавляется еще какое-нибудь домашнее животное, а у очень молодых пар семейным дополнением являются мягкие игрушки, японские роботы или сексуальные аксессуары). Некоторые аналитики говорят о постоянно меняющихся формах отношений. Быстрота этих изменений — одна из ключевых характеристик нашего духовного и социального пространства. На практике, когда моя дочь задает мне какой-нибудь вопрос, когда она падает или плачет без видимой причины, мне приходится принимать решения без всякой помощи со стороны матери. И тогда мне ужасно не хватает специализированной службы или консультационного центра, работающего двадцать четыре часа в сутки.

В воскресенье вечером Луна возвращается к матери. Страх поджидает меня уже на лестничной клетке. Дверь в квартиру открывается, и лицо Клары светлеет. Она раскрывает свои объятия, готовая заключить в них свою «сладкую любимую конфетку с начинкой из всякой всячины». Луна, которой скоро исполнится четыре года, отворачивается от меня и направляется к матери. Так малышка попадает с одной планеты на другую; в ее маленькой головке сознание лишь формируется, но она уже наблюдает беспрестанные изменения жизни, сценарий которой едва проступает в дымке неизвестности.

Возвращение в родные пенаты — это прекрасно: поцелуи, морщинки в уголках глаз. Клара сияет — наш ребенок прижат к ее груди. А я, отец-одиночка, отодвинутый на второй план, придумываю себе эдипов комплекс. Я, в будущем почтенный старец, которому дарят замороженные каштаны на Рождество, топчусь у дверей, собираюсь уходить. Снова расстаться, уйти одному — обычный солдат из совсем обычной жизни. Не хочу, чтобы они смущались при новой встрече, поскольку в течение нескольких первых интимных минут требуется некоторая эмоциональная корректировка отношений между мамой и дочкой после выходных, проведенных дочкой с воскресным папой. Клара и Луна стоят обнявшись, и это разрывает мне сердце: в идеале мне следовало бы к ним присоединиться. Но наши новые правила поведения после развода не позволяют мне этого сделать. Кажется, из-за двусмысленности положения все только запутывается. Слишком уж хорошо мы подкованы в вопросах психологии.

Иногда я пытаюсь продлить свое пребывание в квартире бывшей жены, стараюсь найти себе место между двумя полками или за шторами, я — временный гость со старыми воспоминаниями и забытыми привычками. Иногда ухожу почти сразу, словно беглец, отягощенный каким-то неясным чувством вины.

Возвратившись домой, я ругаюсь и клянусь все, не подбирая выражений. Моя дочка забыла свою игрушку под одеялом. Ну, так и есть, на этот раз это конец света.

— Алло? Клара? Извини, я забыл игрушку.

— Приезжай скорей! У нее истерика!

Черт, у меня нет даже проездного билета на метро и ни одного су в кармане. Являюсь к Кларе, запыхавшись после вынужденной пешей прогулки от площади Терн до площади

Клиши, на грани обморока. Таковы наши маленькие беды.

Будучи по своей природе довольно прилежным мальчиком, стараюсь во всем разобраться. Читаю женские журналы. Спрашиваю совета, слушаю старших. Штудирую справочники. Составляю списки, заполняю карточки. Мне говорят, что после сексуальной революции начинается метафизическая стадия. Тогда кого стоит любить и за что? При каких условиях? Можно ли говорить о стопроцентной надежности этих отношений? Нужно ли, чтобы познакомиться с женщиной, обладать определенным уровнем компетенции или специальным образованием? Какие методы соблазнения были протестированы в лаборатории? Существуют ли модные позиции в сексе?

Если я не имею никакого интереса к мальчикам, возможно ли, что у меня проявятся гомосексуальные тенденции, прячущиеся в моем подсознании? А чтобы проверить это, нужно ли мне вступать в интимные отношения с особями своего же пола? С животными или растениями? Стать транссексуалом? Иногда жить вдвоем или втроем? В общине? Присоединиться к какой-нибудь секте? Схемы существования, предложенные в каталоге, кажется, не подразумевают никаких гарантий.

Судя по данным недавнего исследования Центра по изучению поведенческих механизмов (спонсор — компания «Профильтекс»), для которого были произвольно выбраны мужчины и женщины от двадцати до тридцати лет, живущие в Европейском сообществе, девяносто процентов сексуальных связей заканчиваются неудачей. У шести из десяти оставшихся процентов нет перспективы для продолжения отношений, а половой акт не вызывает удовольствия у большинства партнеров. Следствием таких неудачных контактов являются тяжелые нервные расстройства. Выводы, сделанные в результате этого исследования, побудили компанию «Профильтекс» продолжить разработку новой формулы: средство, возбуждающее либидо, плюс анксиолитические препараты. Если верить этим прагматикам и представленным фактам, мое положение не из лучших. Нужно срочно придумать план развития личных качеств.

Квартирка Фаделы

В небольшой квартире Фаделы сыро и темно. Это крохотное жилище находится недалеко от станции метро «Ги Моке» на первом этаже здания, которое появилось в 1950-х годах в результате сумасшедших излишеств при городской застройке. Влажные пятна различимы на штукатурке, которая рассыпается под окнами. Очевидно, теплоизоляция не попала в смету планировщиков из конструкторского бюро. После войны считалось: чем больше дыма клубится над трубой, тем больше достаток в доме. Это было время идеологического противостояния, моды на береты и повсеместного строительства временного жилья.

Терпеливая Фадела ждет, пока я проявлю инициативу. Моя задача — взять у нее интервью и изложить ее исповедь хорошим французским языком. Потому что я добросовестный маленький «негр». Флориан, мой редактор-издатель, рассчитывает на мою оперативность и профессионализм. «Вытряси из нее все, — попросил он меня. — Мне нужна сенсация и настоящие откровения».

Небольшая проблема. Фадела оказывает на меня какое-то странное воздействие; она наливает мне чай, предоставляя моему взору низкое декольте, что действует на меня возбуждающе. В моих потайных мыслях сразу возникают порнографические образы, в

которых соединяются акробатические трюки с видением голов со всклокоченными волосами. Иначе говоря, рабочий визит рискует превратиться в китайскую головоломку, причем довольно скучную.

Фадела приехала из Туниса, она заканчивает третий цикл обучения во Франции, что позволит ей стать дипломированным специалистом по международному праву; потом она вернется домой, чтобы попытаться изменить судьбу своего народа. Диктатура исламистов и интегрисов — новая идеологическая чума — не пройдет. Цель Фаделы — донести до широких масс вероисповедание своего брата Мохаммеда, раскаявшегося террориста, обученного фанатами религиозного экстремизма. Она собирается говорить от его имени, а ее брат предпочитает сохранять инкогнито, опасаясь ответного удара кинжалом в спину, который мог бы быть нанесен кем-нибудь из его близких. Только Фадела знает, где скрывается ее брат.

Отопительные приборы волнами испускают искусственный теплый воздух, и лицо моей собеседницы розовеет, если только этот неожиданный прилив крови к лицу не означает, что... Главная проблема крайне эгоцентричных и себялюбивых людей, в глубине души сильно неуверенных в себе (к числу которых я принадлежу), это напрасная трата времени. Подобные типы посвящают время тому, чтобы показать себя во всей своей мужской красе, как только на горизонте появляется вызывающий желание объект. Тут же возникает якобы непослушная прядь волос (невольный взгляд на постель), сладострастный взгляд, полузакрытые глаза, словно перед тобой мир несказанного блаженства, склоненная голова, имитация смущенной улыбки, означающая наличие сердечной раны, открытой материнскому вожделению избранницы, рубашка с открытым воротом, обнажающая грудь, джинсы, выгодно подчеркивающие мужское достоинство... положение, которое рано или поздно вызывает отвращение или даже жалость.

Включаю магнитофон. Он урчит. Фадела ведет свой рассказ: по мере того как она погружается в воспоминания, ее лицо становится одухотворенным. Сначала детство. Отец, мать, братья, сестры, дедушки, бабушки. Это большая крепкая семья, традиции, рассказы старейшин, запахи бакалейной лавки, детские игры. В целом, все очень мило, настоящее счастливое детство. Это трогательно. Потом естественный ход вещей нарушается, безмятежная и прекрасная жизнь идет на разлад, появляются трудности, которые являются настоящим испытанием на твердость воли. Потом годы учебы в университете, но все в рамках восточных традиций. Позже старшие сестры эмансипируются, одна из них влюбляется. Ее поведение постепенно меняется, и вот это уже дама: она потеряла девственность, и у нее на пальце обручальное кольцо. Но совсем скоро ее волосы покрывает чадра, платья удлиняются, колени путаются в складках тяжелых одежд, на лице остается открытым лишь небольшой треугольник, откуда выглядывают два глаза, начисто лишенные всякой мысли.

На территорию университета проникают идеологи. Религиозный интегризм получает поддержку сильных мира сего для того, чтобы противостоять марксистским воззрениям студентов. Мохаммед тоже отрывается от реальной действительности и теряется в своих тайных мыслях. Протест против западного образа жизни выводит его из себя, он встает на сторону своей сестры, закутанной в чадру, проникается еще большей любовью к своей матери и просит ее больше молиться. В семье полный разлад: мать плачет, бабушка умирает, отец замыкается в себе. Все дни напролет льются слезы. И вскоре восставший брат исчезает.

Несколькими годами позже, когда он возвращается в полном смятении, истратив все

свои средства, Фадела заключает в свои объятия эту заблудшую душу. «Я никогда не теряла надежды, — говорит она брату. — Я тебя искала, а теперь ты здесь, рядом со мной. Я буду бороться за тебя, чтобы спасти мусульманский мир от ужасов интегризма. Расскажи мне все, мой любимый брат». А что, если современный Аллах воплощен в женщине?

У Мохаммеда тернистый путь. Он попадает под влияние мелких главарей террористов, которые заматают за собой все следы, судьба забрасывает его в Сирию, он ждет, его проверяют инструкторы, потом бросают его одного, ставят ловушки. Сможет ли он стать верным слугой Аллаха, умереть смертью героя, чтобы потом, наконец, предаваться любовным утехам с пылкими девственницами, когда получит свое заслуженное место в раю? Предполагается, что окончание священной войны сулит неведомые блага. Остается только узнать, каким образом верующие их получают.

Затем, в 1981 году, напичканный инструкциями новообращенный террорист приезжает в Тегеран. Аятолла Хомейни, старец с седой бородой, вынуждает шаха бежать из страны. После возвращения в Иран 1 февраля 1979 года Хомейни захватывает власть и устанавливает свою религиозную диктатуру, обещая довести до конца исламскую революцию. Вот суть дела: существует какой-то тип, скрывающийся в пещере (это имам), он настоящий наследник Пророка, шиит, который в один прекрасный день выйдет из своего укрытия, чтобы осчастливить людей всей планеты. Никто не знает, в какой момент это может произойти. А пока надо молиться, надевать на женщин чадру, распространять исламскую революцию на все страны мира. Единственный человек, за которого можно выйти замуж, — это Аллах. Ему пойдут все свадебные подарки, деньги и спокойная жизнь. А мы, холостяки, вынуждены смотреть на самую ужасную картину в истории: похищение наших избранниц исламской революцией.

А ты, моя нежная и обожаемая Луна, что с тобой станет в этом противостоянии? В каком творческом пространстве ты будешь вращаться? А что, если вследствие изменения климата, экономической нестабильности тебе придется вступить борьбу с этими бородачами и религиозными идеологами? Если бы ты знала, как я мечтаю, чтобы ты жила в свободном мире без политики. Чтобы в твоей жизни была легкость, поэзия, чувственность. Увы, не все будет в розовом цвете. Будут и другие загадочные цвета: я знаю, ты полюбишь и будешь любима, а потом все закончится. Ты испытаешь безграничную радость, странную сердечную тоску, получишь незабываемые впечатления от книг. Ты будешь любить свою повседневную жизнь и в то же время ее ненавидеть, два этих чувства будут чередоваться, сопровождаемые чудесными переживаниями. Ты будешь жить в мире искусства, спортивных соревнований, при изобилии экологически чистых продуктов и минеральной воды. Ты будешь королевой среди королей, ты будешь править в хаосе чувств, ты постоянно будешь стремиться вперед, ты будешь жить в сверкающем мире на вершине блаженства.

Да, мой ангел, я мечтаю для тебя о мире, отличающемся утонченной элегантностью, одновременно нелепом и учтивом. Весной ты поедешь в деревню по дороге, изъезженной автомобилями и мотоциклами, вдоль берегов, звенящих от голосов тибетских «диджеев», мимо титановых статуй. Маленькая девочка, ты вырастешь и будешь любить своего отца до его последнего вздоха. Ты попрощаешься со мной почти без слез.

Нажимаю клавишу «стоп» на магнитофоне и договариваюсь о встрече с автором.

После полудня расшифровываю пленку и начинаю редактировать материал. По телефону объясняю своему издателю суть откровений, полученных от моей революционерки

из Магриба^[2]. Он убежден, что у него в руках — сенсация, документ чрезвычайной важности, способный затмить все журналистские расследования. Он советует мне быть осторожным при выходе из дома. Я: «А ты получил телохранителей от официальных властей?» Он: «А ты как думаешь, дорогой?»

Через пять лет после трагических событий 11 сентября 2001 года, разрушения башен-близнецов в Америке, я еще раз поразмыслил над откровениями Фаделы. И тогда они обрели для меня иной смысл. Потрясенный человеческой трагедией и кадрами крушения — их постоянно прокручивали средства массовой информации во всем мире, — я увидел странную картину. Мне показалось, что я стал, если так можно сказать, еще большим холостяком, без любви и совсем одиноким. Кроме того, я был выбит из седла каким-то мистическим образом: казалось, падающие башни насмеялись над моим любовным фиаско. Испытывая душевные страдания, погружаясь в гипнотические картины террористической атаки, я увидел, как груди Фаделы разрывают лифчик и становятся на место, где раньше находились башни; поднявшись высоко в небо, они образовали две восхитительные горы, предоставленные всем Сизифам земли, которые хотели бы взять реванш над всеобщим непониманием. И тогда я сказал себе: падение этих башен фаллической формы — всемогущего знамени — означает конец власти мужчин. У них был шанс. Но они его потеряли. И отныне только женщины смогут изменить судьбу человечества. Теперь любовь обретет новую форму, в мире возникнут новые отношения, но не бесполох властных матерей, а радостных и творческих женщин. В странах, сгибающихся под гнетом обскурантизма, появится надежда, что эти женщины вскоре объединятся, скинут чадру, длинные одежды и начнут контрнаступление, демонстрируя свою красоту. В других странах, например в западном мире, им сегодня предстоит взять власть в свои руки. Что касается меня, я согласен, чтобы меня буквально взяла женщина. Не важно где — за столом, в постели. Я хотел бы, чтоб она меня унесла, подняла и изменила. Пусть меня увезет на серебряной лошади украшенная гирляндами эротичная безумица, обещающая счастливое будущее.

Частный особняк на краю парка Монсо

Несколько раз я встречал Изабель, мать Максимилиана, неугомонного «альпиниста». В булочной, в цветочном магазине, перед подземным переходом и, что самое странное, перед моей квартирой на лестничной площадке, где у нее якобы была встреча с нашей консьержкой, которая согласилась приходить помогать ей по дому. И действительно, в тот день Изабель выходила от консьержки, а я был с Луной на руках, с чемоданом ее вещей для выходных, пакетами с едой и перекинутым на ремне через плечо рабочим портфелем. В портфель я положил пачку презервативов, упаковку парацетамола, цитрат бетаина «УПСА», а во внешний карман пиджака — книгу «Порнография» Витольда Гомбровича. На мне была пара рваных носков, спортивные трусы, которые я не менял вот уже три дня, и к тому же я чувствовал голод, так как с утра наскоро съел лишь небольшой кусок курицы, хотя все время работал языком, что меня страшно возмущало. И в довершение ко всему повторные счета из министерства финансов высыпались один за другим из почтового ящика.

Другая неприятность: из носа у моей дочери текло, а я, как последний идиот, забыл купить бумажные салфетки «Клинекс» в супермаркете «Монопри». Кроме того, я все еще не

смирился с потерей последних файлов из-за поломки жесткого диска. В то же время на воскресный вечер у меня было намечено свидание (после возвращения Луны ее матери) с новой избранницей. Мне хотелось по максимуму развлечься с ней, немного расслабиться и прямо в постели поразмыслить над возобновлением своей человеческой деятельности, отмеченной тревогой конца столетия, причины которой, если верить нашим аналитикам, восходят к нефтяному кризису 1973 года.

Постепенно, в результате безобидных и якобы случайных встреч, наши отношения обрели какую-то форму. Изабель пригласила меня к себе, в частный особняк, окнами смотрящий на парк Монсо и построенный, вероятно, семьей Сернуши после получения в собственность в XIX веке равнины Монсо братьями Перейре, банкирами.

Я был несколько растерян, так как сам живу в невзрачной двухкомнатной квартире, окна которой выходят на черную кирпичную стену. Чтобы увидеть небо, мне нужно просунуть голову сквозь прутья оконной решетки, вытянуть шею так, что кости начинают скрипеть, — тогда наверху между стенами появляется квадратик света, где иногда можно видеть небольшое облачко на голубом фоне. Во время этого упражнения, которое производится с сигаретой во рту, мой взгляд судорожно цепляется за последние завитки лепнины под крышей. Каждый раз, когда сигарета гаснет, я клянусь, что она будет последней, пока не закуриваю следующую.

В салоне, обустроенном в стиле ампир, Изабель приблизилась к свету, который льется из застекленного оконного проема, выходящего в сад. В этот момент она стоит ко мне спиной, устремив взгляд на аллею парка. Эта дама из парка Монсо говорит, что она счастлива, полностью сознавая свою избранность. Ее муж, адвокат, работает в нефтяной промышленности, точнее, он консультирует саудовских принцев. У него бесконечные командировки, и в домашнее гнездышко он наведывается довольно редко. А потому дни ей кажутся долгими; поскольку она перечитала все иллюстрированные женские журналы и занимается фитнесом в престижном клубе, то теперь она проводит благотворительные акции в пользу африканских сирот, а также ищет другие занятия, более соответствующие ее глубоким духовным устремлениям.

Эта встреча сулит мне блестящую партию в постели, а иначе зачем Изабель пригласила меня в свой дворец? Действительно, надо же быть последовательной. Достаточно одного взгляда, чтобы оглядеться и представить мизансцену. Я рассчитываю сначала аккуратно уложить Изабель на софу, медленно снять с нее шелковые брючки, сделав остановку на уровне колен, чтобы полюбоваться ее сокровенным местечком — чудесной складкой плоти — и уверить ее, что этот вид волнует меня и заставляет робеть и таять перед такой еще не познанной красотой. Затем — раздвинуть ее розовые губы, полные надежды, и вскрикнуть от возбуждения и удивления, так, словно я сейчас заплачу, смущенный и опьяненный вновь обретенной невинностью; касаться ее языком, делая короткие и мягкие движения, нежно ласкать разбухшие складочки плоти, стонать вместе с ней, как девственница, стискивать руками ее бедра.

А потом — будет видно. Нельзя же всего предвидеть. Но предположим, что все пойдет как надо, и мне удастся довести ее до безумия, завладеть ею, чтобы она чувствовала все интимные места моего тела и потаенные уголки моей души. Я использую все средства, чередуя изъяснение моего лихорадочного желания и периоды преднамеренного сексуального воздержания. Каждый день я буду рассказывать ей новую историю о нашем огромном мире,

удивляя ее острым чувством юмора и вовремя пуская в ход все мое мужское обаяние. Я буду убеждать ее порвать со своим мужем, сделать так, чтобы всю тяжесть вины испытал этот мерзавец, который эксплуатирует нищету народов, и вырвать после тяжелых переговоров значительную субсидию на питание.

Когда я буду обеспечен, то предложу ей переехать в новую квартиру в квартал Марэ, близ площади Вогезов. И наконец-то мы будем вместе после стольких плотоядных встреч. Наши дети подружатся, будут рисовать вместе, сидя за столом. У Луны появится приятель по играм, сводный брат Максимилиан. А по воскресеньям мы будем изнывать от скуки всей семьей, но, во всяком случае, будем стараться выглядеть при этом утонченно.

Изабель по-прежнему стоит ко мне спиной, заинтересованная чем-то, что происходит на улице. Тихо подкрадываюсь к ней, смотрю в сад через ее плечо и замечаю над забором, увитым плющом, чью-то голову.

— Что это там за тип?

— Не знаю, — смущенно говорит она. Я продолжаю на него смотреть.

— Да я знаю его, это тот мужчина в розовом галстуке. Он мог хотя бы сменить галстук.

— Да, верно, теперь я припоминаю...

— Он часто приходит в парк со своим сыном, — говорю я. — Я заметил, что малыш обожает делать пирамидки из песка. Он не занимается ничем другим. Добро пожаловать в клуб тех, кто страдает навязчивой идеей, мой мальчик.

— Бедный ребенок, — грустно произносит Изабель.

— Скажи, а это случайно не агент твоего мужа? Он за тобой следит?

На самом деле я хочу оказать ей услугу, отдать немного своего семени, быть учтивым, внимательным слушателем исповедей, произносимых с мокрыми от слез глазами, для того чтобы исполнить свой номер, чуть преувеличивая свои подвиги. Но мне совсем не хотелось бы погибнуть в ванне с кислотой из-за ревнивого мужа. Ведь это разумно, не так ли? Конечно, мой GPS, который помогает мне передвигаться по дорогам судьбы, часто дает сбои, тем не менее я остаюсь отцом, папой, всемогущим героем. Моя дочка сильно нуждается во мне, в моих крепких руках, которые постоянно ее поддерживают; когда у нее горе, когда кружится голова от созерцания звездного неба, бесконечного и необъяснимого, когда ее мучают гормоны, вызывающие сомнения, я прижимаю ее к груди, и ей это нравится. Не хочу быть папой-паникером; не хочу терять контроль над многочисленными переживаниями, вынужденный прятаться, поворачивать голову при каждом косом взгляде, прерывать битву, которая уготована любому мужчине; не хочу скрыться без предупреждения на дорогах Невады, пробираясь к Большому Западу. Это неминуемое скольжение к трагической развязке, которая оставит меланхолическое воспоминание о мифическом отце, малодушие которого, в конце концов, вскрыется в результате проведенного следствия и нескольких лет усилий, предпринятых моими потомками.

— У меня не так много времени, — говорю я.

— Может быть, сок? Чай? Или что-нибудь покрепче?

Она утверждает, что я славный, привлекательный, не в смысле красивый, глуповатый, нет, тут другое... Действительно, я ей нравлюсь, я напоминаю ей животное, она только не знает какое... «Быть может, куницу? — предполагаю я. — Или нутрию?»

Изабель неуверенно смеется: не понятно, то ли она расхохочется, то ли будет жалеть меня.

Вероятно, я ее очень смущаю. Но теперь ее голос становится более строгим, и это

признак того, что она собирается сообщить нечто важное. Вот уже несколько месяцев она кое-что обдумывает, прежде чем принять решение. Сегодня она его примет, совершит большой шаг. Она напишет роман, который станет сенсацией, который повлияет на умы, заставит мир обратить внимание на глобальные вопросы, такие, как дружба между народами, понимание другого человека и все такое, право быть самим собой, есть ли предел богатству. Ее сюжет прост, но книга будет содержать значительное и универсальное послание. Она расскажет историю одной палестинской семьи, усыновившей еврейского ребенка, родители которого погибли в результате террористического акта в Иерусалиме. Она опишет мученическую судьбу этой семьи и этого ребенка, воспитанного в тайне, потом его бунт, потом, когда он узнает о своем настоящем происхождении, — его страдания, его метания между двумя культурами. Она напишет о том, как, будучи уже взрослым, он начнет участвовать в политической жизни, и о его борьбе за установление мира между евреями и палестинцами. «Сюжет занятный, — вежливо говорю я, — но слишком рискованный».

— Ты сможешь мне написать эту книгу?

— Ты знаешь, я не хочу участвовать в написании фантастического романа.

— Но это очень важно для меня, даже принципиально. Я уже набросала заметки. Но я не способна написать книгу одна. Ты умеешь писать книги, у тебя есть навык, и ты сможешь меня направлять.

— Уф! Да я по-настоящему не умею писать.

— Не скромничай.

— С профессией «негра» покончено. Теперь я для себя буду писать. У меня уйма мыслей в голове. Пришло время писать от своего собственного имени.

— А эта книга будет нашей, словно общий ребенок...

Опускаю голову и задаюсь вопросом: партия любовных утех в постели отменяется?

— Гм... Непросто писать вдвоем. В чем моя роль?

Она достает конверт из своей сумки.

— Держи, это для тебя.

Открываю конверт, дрожащей рукой достаю пачку денег и взвешиваю ее на ладони.

— Пятьдесят тысяч для начала, хорошо? А потом гораздо больше...

— Это нефтедоллары твоего мужа?

— Нет, это мои собственные деньги. У меня есть свои сбережения. Я получила наследство.

Поскольку я изображаю отсутствие интереса, Изабель взывает к моему сознанию и приводит свои аргументы.

— Разве народ может существовать без земли? Евреи и палестинцы имеют на нее одинаковое право. Земля — это мать и отец, объединенные одной территорией. В этой книге будет написано о наших отцах и матерях. Это книга о браке. В этой истории с усыновлением, с борьбой и многочисленными встречами после разлуки я хотела бы показать мощь силы убеждения, всепобеждающую жизнь, только и всего... А также разоблачить некоторые неблагоприятные поступки, которые я могла наблюдать в дипломатическом мире и в мире бизнеса. Это также будет политическая книга, — заключает она.

— Ты хочешь скандала?

— Я приняла решение.

— А зачем я нужен?

— Ты способен на многие вещи. Я это знаю.

— Это непростое решение, — говорю я. — Мне надо подумать.

— Возьми деньги, так лучше думается.

— До свидания, Изабель.

— Я на тебя рассчитываю.

Нет, конечно, я не прикоснусь к деньгам. Кладу пачку в конверт и ухожу даже без поцелуя. Еще многое остается для меня неясным.

Наступает ночь. Пора бы и подкрепиться.

Включаю компьютер, шлифую предложения, переделываю записи. Потом вытягиваюсь на диване. Что же происходит на потолке? Ничего особенного. Погружаюсь в мечты. Моя кровать — в нескольких метрах, но кажется, что она далеко. Голоса рэперов из группы *Public Enemy* разносятся по всей квартире. Вообще-то, Изабель возбуждает меня сильнее, чем я мог предположить. Прежде всего, она неглупая женщина, у нее есть стиль, легкость. У нее притягательные глаза. И она очень неплохо сложена. У нее не только славная фигурка, но и светлая голова. Без глупостей. И это очень хорошо. Говорить обратное — все равно что самому себе вредить. Гм... Желание овладевает мной, все мои внутренности горят: может, наброситься на эту симпатичную пачку денег, которую она мне великодушно предлагает. Наброситься, как дикий зверь, выпустив когти, улыбаясь, оскалив белые зубы, и сказать: «Прощай, моя курочка». И испариться навсегда. И не поминайте лихом. Ведь у каждого своя судьба. Но что потом? Изабель, жена адвоката нефтяных магнатов, пустится за мной в погоню? Подожди, подумай немного.

В супермаркете

Луна улыбается мне, сидя по-турецки в тележке для покупок. Проезжаем вдоль длинных продуктовых рядов в супермаркете «Монопри», набираем скорость. В карманах у меня почти ничего не осталось. В ожидании, что деньги упадут с неба, внезапно ускоряю шаг. При этом издаю странные звуки, похожие на урчание мотора болида «Формулы-1», набравшего полную скорость. В отделе фруктов и овощей берем упаковку зеленого салата, потом делаем резкий поворот. Проезжаем мимо прилавков с продукцией в упаковке «Тетра Пак». Берем направление на йогурты и мясо. Рискованно. Мчимся к большим холодильникам и замороженным продуктам.

Тележка наполняется. Я торможу ногами об пол. «Гоночная машина» кренится набок. Мы наталкиваемся на бедную женщину, которая сначала возмущается, а потом сияет, увидев мою счастливую дочку, которая смеется, широко открыв рот, и меня со слезами на глазах — от радости, от надежды (все чувства перемешаны) и от сомнений, что выбрать на ужин сегодня вечером. Но я уже задумываюсь о будущем, когда колесо совершит полный оборот и остановится перед моей дверью. Луна будет носить красивые платья, в шестнадцать лет я благословлю ее на ношение стрингов (но только в пятницу вечером), я приглашу ее на концерт Принца. Мы пойдем в ночной клуб «Барон» танцевать под психоделическую музыку, она представит мне всех своих подружек, и я стану их любимым папашей. Наши политические споры будут острыми и патетическими. Потом она сойдет с ума, станет курить, нюхать наркотики, переспит со всеми моими приятелями, превратившимися в старых сердцеедов, а я стану ревновать, буду злиться. Она получит свою первую роль в фильме Жака Одияра, потом сведет с ума лиричного американского режиссера Теренса Малика, а затем станет тайной советницей Софии Копполы^[3].

Мне всегда нравилось петь в супермаркетах. В очереди у кассы замечаю отца с маленькой девочкой. У нее бледное личико и раскосые азиатские глаза. Она тащит его за руку и требует какую-то дрянь, выложенную на полках возле кассы. Он остается невозмутим. Ему больше тридцати, он внимательно рассматривает штрихкоды на продуктах и советы по приготовлению блюд. На нем спортивный костюм, и выглядит папаша неряшливо, как будто он только что проснулся после нескончаемой снесты, проводимой под медицинским контролем. Парень кажется страшно подавленным, глаза заплыли, под ними — темные круги, взгляд словно вопрошает о помощи Всевышнего после недели медитаций, проведенных в монастыре. Полный крах в эмоциональной жизни. У его дочери, наоборот, вид довольно радостный. У нее одна цель: съесть как можно больше сладостей. Она пытается растормошить своего родителя, негибачеого и невозмутимого снаружи, но очень хрупкого внутри. Его дочь вся переполнена желаниями. А он — нет. Представляю себе его супругу на грани эмоционального срыва, потерявшую всякое доверие к своему партнеру и вообще ко всему мужскому населению планеты. Ты знаешь, я чувствую, что мы близки, мой младший брат. Хочу тебе сказать, что, несмотря на все мои усилия, мне не удастся преодолеть 2 метра 38 сантиметров, которые нас разделяют. Самое большее, что я могу сделать, так это научить тебя танцевать с тележкой.

Квартирка Фаделы

В ходе интервью Фадела раскрывает мне планы третьей мировой войны, войны религиозной, то есть худшей из всех. Словно цветные кинокадры, прокрученные в убыстренном темпе, перед моими глазами возникают жуткие видения: взрывы бомб, расчлененные тела, линчевание нечестивцев обезумевшей толпой, обесчещенные знамена, испачканные мочой или спермой в ходе апокалипсических поминовений, народные восстания, охватившие все города, изнасилование наших женщин и наших детей. И наконец, триумфальное явление Эль-Махди^[4], Спасителя в голубых одеждах, с посохом пилигрима и в светящихся сандалиях.

Фадела, кажется, совершенно убеждена в правомерности этого рискованного мероприятия. Следуя ее объяснениям и используя ее концепцию, я отождествляю себя с героем антиинтегристского сопротивления, выдумываю, как буду совершать героические подвиги, незабываемые в глазах человечества, представляю сцену своего возвращения: я получил ранения, иду, прихрамывая, по перрону, а моя дочь бежит мне навстречу, раскинув руки. Теперь все происходит как при замедленной съемке, повторяющейся несколько раз на пронзительном эмоциональном фоне.

Удастся ли этой розе Магриба объединить политические силы, способные противостоять контрнаступлению фундаменталистов? Станет ли она героиней новой феминистской революции в исламском мире? Появится ли она на первых страницах корпоративного журнала «Вэнити фэйр»^[5] в военной форме и с португеей?

Вечером я, словно краб-отшельник, сижу за компьютером, оттачиваю формулировки. Мастерски вонзаюсь в сознание автора и даже глубже. Я проникаю в самое сердце его существа полудьявола или полуангела. Как только исправления внесены и книга закрыта, я удаляюсь, исчезаю в расплывчатых воспоминаниях и возвращаюсь к своей холостяцкой жизни. От моего пребывания в мире Фаделы остается лишь дыхание мечты, смутное ощущение присутствия.

Все эти дни у меня были серьезные опасения: как бы у меня не поехала крыша из-за муллы, отправляющего службу.

Частный особняк на краю парка Монсо

Перед приездом к Изабель я вновь столкнулся с мужчиной в розовом галстуке. Случайность или совпадение? Как сказать...

На улице холодно и сухо. Январь.

Голые деревья в парке Монсо дремлют, сложив ветки. Изабелла угощает меня чаем. Максимилиан взял Луну за руку и увел ее в свою комнату. Они будут играть вместе.

На Изабель какая-то совсем короткая одежда. Она уже начала писать, когда обрела надежду проникнуть в глубины собственной души, дрожа от волнения, стараясь понять суть вещей, упорядочить свое воображение. По ее словам, публикация этой книги должна помочь воссоединению двух враждующих народов. Ни больше ни меньше. Она мечтает о том, что территория будет между ними поделена. Изабель ничего не сказала мужу и ждет от меня полной конфиденциальности. Рот на замке. А об остальном я еще ничего не знаю. Теперь ей хочется, чтобы я прочитал первые страницы. Щекотливая ситуация. Автор произведения — это не нормальное человеческое существо, это нечто другое, машина с пультом управления, которую случайная искра может вывести из строя. Вижу на столе конверт — в нем наверняка деньги. Мне их не хватает. Мне нужно на что-то жить.

Изабель протягивает мне стопку листов. Ее рука дрожит. Глаза умоляют.

— Это начало моего романа, — сообщает она.

— Ах, вот как? Очень мило.

Ищу слова, чтобы заполнить паузу и скрыть тревогу.

— Я смотрю, ты — трудяга.

Присвистываю, хочу показать свое восхищение проделанной работой, но звук, вылетевший из моего рта, получается слишком пронзительным. Залпом выпиваю стакан воды, потом читаю первые строчки: «Солнце клонилось к земле. Вдалеке завывали сирены. Повсюду еще оплакивали мертвых. Быть может, это конец света?»

— Да, здесь чувствуется стиль, сразу погружаешься в атмосферу.

— Ты думаешь?

— Ну... да, а что?

Вторая страница: «Земля была усыпана дымящимися обломками автобуса. Спасатели собирали остатки тел. В это время Самир, находящийся на другом конце города, спал сном праведника в детской коляске под присмотром няньки».

— Это хорошо, как в жизни. Остатки тел и детская коляска, это впечатляет. Смерть и жизнь рядом, не так ли?

— Да, это именно так. Я рада, что тебе нравится.

Мое лицо каменеет. Я — в ступоре. Продолжение романа этой дамы смущает меня еще больше. Текст буквально распадается на куски. Синтаксис не соблюдается, повествование превращается в побоище слов, нанизанных одно на другое без всякой логики.

— А это уже больше похоже на современную поэзию.

— Я не нарочно, — виновато произносит Изабель.

Мне становится жарко. Как выйти из этого щекотливого положения?

— Мне пора уходить. Нужно заняться стиркой. За месяц накопил много грязного белья.

У тебя есть план?

— Вдохновение покинуло меня. Не могу написать первые десять страниц. Помоги мне закончить эту историю. Пожалуйста.

— Ты знаешь, я никогда не пишу фантастические истории для других.

— Ты будешь соавтором. Будем писать вместе и вместе пойдем на телевидение.

— Пойдем за детьми, — говорю я.

Идем по коридору. Открываем дверь в детскую. Максимилиан не скучает, он оседлал Луну. Не знаю, видел ли он порнографические фильмы, но думаю, что малыш в этом разбирается.

— Ну и выдумщики эти дети! — всплескивает руками Изабелла.

— Иди сюда, дочка, пора домой.

В кафе «Маронье»

Среда. Литературное собрание и чаепитие в кафе «Маронье» на улице дез Аршив. Артист Бернар Ламарш-Вадель отвечает на вопросы учредителей журнала «Ревк Перпандикулер», устраивающего еженедельные диспуты. Зал на втором этаже, помещение с низкими потолками заполняется за несколько минут самыми неожиданными поклонниками Бернара Ламарша: артистами с многочисленными визитными карточками, журналистами, богатыми промышленниками, целителями и в особенности красивыми девушками, чрезвычайно общительными. Приглашенный гость Бернар Ламарш проповедует ясность стиля. Два года назад он опубликовал в издательстве «Галлимар» свой впечатляющий роман «Сметая все на своем пути». Это очень неглупый человек, умеющий жонглировать концептами, имеющий склонность к поэзии и способный делать философские умозаключения. Его влияние на дам, сидящих за столиками, потрясающе. Большая конкуренция. Мысль сексуальна, а молодые девушки, которые мечтают о несуществующем мире, любят мыслителей.

Общество «Перпандикулер» появилось в 1985 году, и я счастлив, что мое имя стоит в списке его создателей рядом с такими личностями, как Николя Бурьо, Жан-Ив Жуанэ, Кристоф Ким, Лоран Кентро. Все началось с дружбы сначала в лицее, потом в университете, затем последовали необыкновенные заявления, эстетические искания и, наконец, выработка манифеста. Это общество оформилось первоначально как компания, но вместо того, чтобы продавать людям страховые полисы и всякую другую дребедень, она предлагала различные фантазии и определенный порядок действий.

Как заметил Лоран К., член исторической секции, слово *перпандикулер* включает в себя два слова: «пер» («отец») и «пан» («сторона, грань»). Это, вероятно, одна из самых замечательных выдумок. Идея отцовства лежала в основе нашего сообщества. У всех нас, и это правда, были довольно странные отношения с нашими отцами. Мы были нерешительными сыновьями стыдящихся нас отцов, не имеющих голоса, живущих под ужасной угрозой холокоста. Вследствие этого искусство стало нашим прибежищем, вымысел — смыслом жизни, генеральной линией, поддерживающим фундаментом. Однако неприятности только начинались.

Деятельность компании продолжалась довольно долго. Она достигла своей кульминации к моменту создания одноименного журнала в 1995 году и начала проведения литературных вечеров в кафе «Маронье».

Рассматриваемые прессой как первый литературный *boys-band*, члены «Перпандикуляра» охотно заявляют о себе как о банде полных бездельников. Мы свободны, красивы, мы вызываем интерес у публики, и это классно.

В нашей группе я первый, кто поменял свой социальный статус: я — отец, недавно разведенный супруг, к тому же небольшая звезда на литературном поприще. Это — счастливый билет.

В глубине кафе, у стены можно заметить Мишеля Уэльбека, он тоже один из членов-создателей журнала «Ревю Перпандикулер». Как обычно, у Мишеля хмурый вид, мысли его витают неизвестно где, но он держит ухо остро. По прошествии нескольких месяцев нам предстоит схлестнуться с ним в литературной полемике. Дело получит широкий резонанс. Не знаю, злится ли он еще на нас за этот период нашей литературной жизни. С тех пор мы с ним не разговаривали. Бывает, отношения никогда не восстанавливаются, сколько бы воды не утекло со времени конфликта. Разрыв — это одна из вех человеческих отношений. Уметь правильно расстаться так же ценно, как уметь вовремя объединиться.

Волнительные воспоминания, которые я храню от этого сотрудничества, непосредственно связаны с историей о преемственности. В начале нашего знакомства Мишель Уэльбек как-то вскользь упомянул о своем сыне и о трудностях, связанных с отцовством. Я тогда счел его рассказ трогательным. В сущности, мы все плывем на одном корабле посреди океана, где дуют разные ветры и один шторм следует за другим. Среди вымышленных персонажей Улисс был нашим самым давним отцом-любимцем. Вернуться в объятия своей жены, увидеть своих детей и надеяться на лучшее, когда кончится мрачный период жизни. Возможно, он кончится довольно скоро. За пару месяцев до нашей ссоры Мишель обедал у нас в гостях. В то время как он расправлялся с куриной ножкой, его вилка соскользнула, и кусочек птицы упал на юбку Клары. На юбке образовалось сальное пятно, ставшее причиной неловкости Мишеля.

Бернар Ламарш-Вадель, в свою очередь, умел приворожить аудиторию. Среди его навязчивых идей была одна идея, которая до сих пор остается необъяснимой: его глубокая ненависть к французскому государству. Мы так и не нашли этому объяснения.

Я вспоминаю об одном визите год спустя: вместе с Николя Б. я отправился в замок Бернара. Наш друг говорил с нами много и доверительно... Это был волнующий день, насыщенный по содержанию и пропитанный ощущением уходящей надежды. Помимо дружеских чувств, которые Бернар выразил при нашей встрече, он принял нас так, словно мы были его сыновьями. Он хотел нам что-то передать. Не знаю что. Но это было. Прогуливаясь по его владениям, мы придумали такую сцену: вернемся к нему через две-три недели с камерой и снимем его как агента по недвижимости, описывающего достоинства своего замка анонимному клиенту, рассказывающего о произведениях искусства, висящих на стенах, о книгах, о своих привычках, то есть о своем взгляде на жизнь.

Когда настал вечер, Бернал захотел, чтобы мы остались переночевать. Он смотрел на нас умоляющим взглядом, когда поезд на Париж приближался к перрону. Мы уехали с чувством сожаления и облегчения одновременно.

Мы ехали молча, неспособные довести до конца сюжет нашего гипотетического фильма. Через полгода мы узнали, что Бернар наложил на себя руки в своем замке.

Диван-кровать

Рано утром, когда начинает светать, прогуливаясь после выпитого джина с тоником вдоль набережной со стоящими не ней такси, видишь Париж, который завораживает и придает новые силы. Это известная штука, но это происходит каждый раз: едешь от моста Альма до острова Сен-Луи, головой прижавшись к стеклу автомобиля, уходя от действительности. Фасады домов, освещенные огнями реклам, пробуждают ненужные воспоминания, вспыхивают обрывки мыслей, не имеющих никакого значения. Бред. Ассоциации бедных мыслей. Перед глазами еще мелькают сверкающие силуэты танцующих, их ритмические движения. Едва покинув танцплощадку, вспоминаешь, что Париж — это праздник. Если оставить в стороне общеизвестные истины, возможна ли счастливая жизнь?

Суббота, на следующий день после возлияний. Валяюсь на просторном диване-кровати. Новая полоса бездействия на 2,85 квадратных метрах несвежего белья. Его давно уже надо было выстирать, судя по количеству пятен странной формы, природу которых установить невозможно: здесь отметились творожные сырки «птисюис» и представительницы Швейцарии, овощное пюре и ром. Пойди теперь разберись. Внизу, сидя на ковре, Луна что-то строит из пластмассовых игрушек, тут же валяются куклы, кубики, карты таро. Она живет в своем собственном мире, сделанном из шагов на ощупь, впечатлений и сиюминутного настроения. Об этом никому никогда не будет известно, ни ее психоаналитику, ни самому современному сканеру.

Лучше всего будет, если я встану с кровати и начну играть с Луной. Боже мой, какое жуткое похмелье. Наконец, дочка подходит ко мне и проводит куклой по моим волосам. Это так сладко, что я выхожу из своего летаргического сна. Но тут же наталкиваюсь на бесконечные настойчивые звонки, которые только усиливают мою головную боль: мало того, что мне приходится сидеть за компьютером и мараить страницы ее романа, так Изабель тренирует свои пальцы, набирая мой номер телефона каждые десять минут. Она оставляет странные послания на автоответчике и безумные мольбы о помощи. Обложили со всех сторон. Заберу ее денежки и исчезну. И все будет закончено. И не будем больше об этом говорить.

В пиццерии

Воскресенье, вечер. Ужин в ресторане с Абделем Иллахом Салхи. Заказываем себе пиццу, огромную, больше тарелки, слегка непропеченную по краю. Я встретил Абделя во время литературного вечера в кафе «Маронье». Он показал мне свои сочинения, и мы стали друзьями в считанные минуты. Абдель написал сборник рассказов под названием «Убить в себе араба». В результате он нажил себе немало врагов в Марокко, своей родной стране. И естественно, как истинный кочевник в поисках новых приключений, он присоединился к группе безродных мятежников, скачущих на лошадях в перерыве между удовольствиями и возлияниями. Обожающий американскую литературу, он, в частности, перевел Ричарда Бротигана и Чарльза Буковски на арабский язык. Он также любит остроумные, модные у молодежи остроты философа Жилия Делёза и его знаменитую теорию «ускользающей линии», из которой он выводит правила поведения, чтобы применить их в своей повседневной жизни: как стать *другим*, занимаясь любовью? Как не утонуть? Это денди, лишенный всякого тщеславия, слишком прозорливый, чтобы верить в положительный результат предпринимаемых усилий. Он пописывает поэмы, придумывает «бомбы», но не те, которые прикрепляют к поясу и прячут под одеждой, а те, что проникают в самую глубину

сознания. Как, скажем, это изречение, родившееся после пробуждения от наркотического опьянения, странное и обжигающее, как удар кинжала: «Я сплю с большой ошибкой».

Или вот еще что:

Франция энд Компани.

Мы жаждем твоей любви,

Арабы и негры,

Красноречивые и голодные.

Мы страдаем без слез

И по-французски, несмотря

на наш акцент.

У тебя нежный и пронзительный взгляд,

Однозначный

И интровертный,

Как эта дыра на твоих колготках.

Ты слышишь голос своего сердца.

В наших пластиковых пакетах

Скрыты разные религии

И табак для самокруток.

В твоем теле — тепло,

А в наших намерениях полно спермы.

Мы не можем больше бороться,

И нам трудно это признать.

Кассириши нам сочувствуют

Как могут,

Когда мы объясняем им в любви

Среди консервных банок.

Иногда они злятся

И посылают свои слова

на движущийся эскалатор.

Враг в очередной раз

Изменил свою тактику.

Статистика указывает на это строго,

Волоски же на твоём теле

Говорят об этом с нежностью.

Я с любопытством разглядываю компанию девушек, ужинающих в глубине зала заведения. Двое из них управляют со спагетти, наматывая их на вилку, третья режет на куски эскалоп. Мне с трудом удастся сконцентрироваться на разговоре с Абделем. Интересно, находят ли девушки меня привлекательным? Я выпрямляю спину и расправляю плечи.

Абдель, кажется, тоже заинтересовался какой-то группой, сидящей за соседним столиком. У этой «группы» округлые формы и длинные волосы. Мы явно не в своей тарелке. Быть может, в тарелках наших будущих подружек? Ещё одно усилие, и они посмотрят на нас и поймут, что мы лучшие парни на данный момент.

— С Анни все кончено, — сообщает Абдель. — Мы разводимся. Я думаю о моем сыне Фариде. Что я ему скажу?..

Я бормочу:

— О'кей... добро пожаловать... в клуб холостяков.

Слезы застилают ему глаза.

— Ты видишь, я переживаю, — добавляет он.

Смех девушек, так сладко звучащий для солдат, потерявшихся на фронте рентабельности, снова возвращает меня к действительности. Но я тут же ощущаю резкую боль в шее — невозможно повернуться. Напрасные надежды.

Абдель с удовольствием разглядывает хорошенькую брюнетку, а его глаза ребенка превосходно скрывают его постоянное желание заниматься сексом. Он большой любитель нежно раздвинуть лепестки сладостного цветка. Однако девушки за соседним столиком, кажется, заметили, какое дикое желание он испытывает. Они поглядывают на него с настороженностью. Женщина всегда более проницательна.

— Ты котировешься, — говорю я.

— Это потому, что я не мылся сегодня. От меня пахнет сексом.

— Хитрец.

Потом я осмеливаюсь дать ему совет:

— Главное для тебя — это твой сын, защити его. Потому что позже, когда ты станешь стариком, страдающим недержанием, он будет менять тебе пеленки. Подумай об этом.

— Спасибо за совет. А как ты себя чувствуешь после развода?

— Я купил абонемент в бассейн.

— Это помогает?

— Плаваю на длинные дистанции.

Алкоголь провоцирует на философские рассуждения в пиццерии. Абдель считает, что всякий европеец обречен на искания. Они ведутся в пределах одного и того же пространства, но в трех направлениях: прежде всего, это Эго, потом Банковский счет и, наконец, Любовный идеал, источник постоянных кризисов.

Я соглашаюсь и вношу в схему свои дополнения. Наши реплики, сдобренные одинаковыми порциями алкоголя, указывают на близость наших позиций. Мы поняли мысль друг друга, но принимаем доводы с оговорками и проповедуем различные подходы. Сходимся на некоторых умозаключениях, которые верны только на одну минуту. Проблема Эго по Абделю заключается в зависимости от возраста количества сожалений, иллюзий, с которыми пришлось расстаться, или побед. Проблема Банковского счета всегда требует радикальных мер. Что же касается Любовного идеала, встает вопрос: одинаков ли он у мужчин и женщин?

У гетеросексуальных животных, приспособленных к современной социальной среде, можно, по крайней мере, проследить различие судеб в зависимости от возраста. Слава богу, пресвятой маркетинг предоставляет нам схему сегментации рынков и способов поведения. Влюбленных женщин можно разделить приблизительно на четыре основные категории. Первая категория — от двадцати одного года до двадцати пяти лет, или «молодуха», возвышенная чувством новизны, спокойная, еще остерегающаяся ловушек, которые поджидают ее за углом, одевающаяся в магазинах компании НЕМ, романтическая, готовая пойти на эксперименты во время случайных встреч, любящая путешествия, гуманная, охотно переключающая телеканалы, склонная к «кочевому» образу жизни, проникающаяся мифом о Новом Свете, имеющая безотчетное влечение к отцу, а потому часто соблазняемая зрелыми мужчинами.

Следующая категория — от двадцати шести до двадцати девяти лет, то есть те, кому под тридцать. Они испытывают на себе последствия первого серьезного метафизического кризиса в ходе своего профессионального становления, имеют неосознанное стремление к материнству, расположены к замужеству, когда встречают человека надежного, необязательно интеллигентного или красивого, но солидного, крепко стоящего на ногах. Мужчина при встрече с такой женщиной, как правило, сомневается: а не стоит ли воздержаться от такого знакомства?

Категория от двадцати девяти до тридцати восьми лет, то есть те, кому за тридцать. Часто не имеют детей, горожанки, воспринимаются холостяками как самые нудные женщины, уже пережившие ряд любовных неудач, жертвы сложных семейных обстоятельств (даже если их детство было счастливым), склонные к истерикам.

И наконец, категория «зрелая женщина» (старше тридцати девяти лет). Она — кладезь неожиданностей, имеет за спиной богатый жизненный опыт и свои тайны. Эта женщина — жертва уходящей молодости, она — эксперт, чья красота сочетается с чувственностью, она находит удовольствие благодаря нескольким мимолетным любовникам — в большинстве случаев это проходимцы, находящиеся не в ладах с законом. Это женщины без предрассудков, и они доступны для всех мужчин.

— Ты знаешь, не стоит слишком жаловаться, — говорит Абдель. — В Марокко, в некоторых отдаленных районах, да даже здесь, во Франции, некоторые парни вынуждены жить с овцами за неимением подружки. Вот это действительно мука.

— Хочу бросить курить, — заявляю я.

— Черт! Эта пицца — настоящая резина!

Мы расплачиваемся и прощаемся с девушками, посетительницами заведения, по-своему, не очень деликатно, прямолинейно: пристальный взгляд и особое внимание к области груди. Моя избранница — молодая африканка, супермодная, как будто вышедшая из клипа, слишком хорошо одетая. Когда я первый раз был близок с африканкой, мне было восемь лет и я жил на Мартинике. Помню, было много нежности под кокосовой пальмой на песчаном берегу океана на пляже Салин, долгие лихорадочные ласки, потом отдых и шум пассатов. А затем тело ящерицы проникло в приоткрытую щель раковины. Это правда, клянусь. Как в порнографическом фильме на канале М6. Но тогда мы были детьми, стоящими на пороге рая, под солнцем невинности. Как же звали мою возлюбленную? Живительная смазка? Контакт-жар? Объятие-соединение? У меня все еще остались воспоминания о ее теле, пахнущем морскими ежами и гуаявой.

В процессе фантазирования составляю список девушек, с которыми я хотел бы иметь любовное приключение. Неисчислимое множество. Например, я мечтаю о китайской принцессе, знающей приемы «воздушного» кун-фу. Мы бы занимались любовью на дереве. Мы перепробовали бы приемы Камасутры, летя сквозь облака, наполненные полуденным светом. Это — моя утопия.

— Ну, ты идешь?

Выходя из пиццерии, замечаем, что на улице идет дождь. Капли влаги освежают наши покрасневшие от алкоголя лица. Автомобили проезжают мимо затопленных водостоков. Какой-то сторож выкатывает урну на тротуар. Повернувшись спиной к дешевой гостинице, одна парочка ссорится. Конец истории. Помарка в конце страницы. Улица — место нескончаемых встреч. И мы видим Фаделу, Робин Гуда антиинтегрисов.

— О, привет! Как дела?

— Неплохо, — отвечаю я. — Даже хорошо. Смотри-ка, а ты — кокетка. Придешь на свидание?

И я вижу, как Абдель начинает дрожать, когда я представляю ему мою знакомую. Она тоже, та же реакция: ее тело вздрагивает, как от странного озноба.

— Ну, хорошо... до встречи...

— Да, согласен, так и сделаем... *Постарайся.*

Фадела быстро уходит, не сказав ни слова больше.

Я возбужден и подозрителен.

— Скажи, дорогой Абдель, ты ее знаешь?

— Да-да-да, я встретил ее на литературном вечере и, думаю, чуть было с ней не переспал.

— Чуть было? Это как? Объясни.

— Ну, хорошо... она показала мне свою грудь. А я так настаивал... но нет, баста! Дальше этого не пошло — она не захотела. Я был безумцем. А откуда ты ее знаешь?

В бассейне

Выныриваю из воды, судорожно глотаю воздух над небольшой волной, образовавшейся вокруг моей головы, и устремляюсь вперед.

По мнению специалистов, кроль — это королевский стиль. Тогда да здравствуют королевы: через некоторое время замечаю перед собой в облаке пузырьков выпуклые ягодицы пловчихи, которая рассекает воду, не обращая ни на что внимания, словно небольшая сексуальная ракета. Стараюсь не выпустить из зоны своего внимания ее многообещающие ягодицы, почти идеального изгиба. Вода — это жизнь. Во всяком случае, так говорят.

Пловчиха обгоняет меня, я ускоряюсь, но неудачно, так как слишком тороплюсь, вместо того чтобы совершать синхронные движения. Теперь плечевые мышцы и мои легкие горят. Вот уже сорок дней как я бросил курить. После последней затяжки и применения лейкопластыря я в течение недели валялся на диване, как агонизирующий червь, страдал от невозможности курить и двигаться. Я был жалким существом, бьющимся головой о невидимую, но непроходимую преграду моего будущего. У меня был сильный жар, я созерцал бутылки с алкоголем, стоявшие на шкафу. У них тоже был идеальный изгиб.

Эта пловчиха — чемпионка. Не знаю, о чем она думает. Она следует по намеченному пути, и у нее есть цель. Если судить по внешнему виду, она приложила немало усилий, чтобы достичь таких результатов. Вообще-то, моя цель состоит не столько в том, чтобы узнать у нее номер телефона на выходе из бассейна, сколько просто оставаться на воде как можно дольше, не захлебнуться, опростоволосившись у всех на глазах, иначе меня будет спасать при помощи сачка энергичный и мускулистый тренер по плаванию. Он наверняка использует эту возможность, чтобы угостить плиткой шоколада изумленную пловчиху. Осторожно, идет жесткая конкуренция. Все борются, правда, неизвестно зачем, но так было всегда.

Пловчиха оказывается возле меня после по-настоящему сложного кульбита. Она вновь набирает скорость, ее тело хорошо обтягивает цельный купальник марки «Арена», лицо наполовину спрятано за очками, произведенными по высоким технологиям, защищенными от запотевания, а ее купальная шапочка из латекса подчеркивает форму ее головы. Она словно создает живую материю, образуя вокруг себя небольшие волны, вереницу пузырьков, которые вырываются у нее изо рта и кружатся в водовороте, так что создается иллюзия сверхзвуковой скорости.

В тот момент, когда наши тела сближаются, мне кажется, я вижу, как ее губы кривит насмешливая улыбка. И правда, ногами я касаюсь дна бассейна, мои плавки, купленные в дешевом магазине, наполнились воздухом, как парашют, они натирают мне ягодицы, это неудобство лишает меня всякой надежды стать чемпионом по плаванию.

Тем не менее сочетание гармонии и эффективности — это основная цель моей жизни.

Длительное плавание в бассейне подразумевает не только успокоение... после того, как я в девяносто седьмой раз за утро посмотрел на свое тело в зеркале, все разом прояснилось. Отныне я буду мужчиной, чье телосложение должно покорить всех на свете, но не объемом мускулов, а чисто натуралистическим аспектом: моя мускулатура будет словно выточена резцом, миллиметр за миллиметром, и ориентирована на ловкость, быстроту и мгновенную адаптацию, что характеризует представителей семейства кошачьих, обладающих великолепной осанкой.

В целом, этот контроль над собственной телесной оболочкой соответствует нескольким перспективным сценариям, предусмотренным списком моих желаний. И вот их перечень, чтобы не забыть.

- Компенсировать психологические трудности более выразительным характером своей мускулатуры, добиться того, чтобы появилось чувство гордости и ощущение силы. (Надеюсь, это не имеет ничего общего с нацистскими замашками, но все-таки осторожно!)
- Стать боевым отцом, чтобы защищать свою дочь от всех недобрых людей, от сексуальных маньяков, педофилов и всяких прочих, от янки и полицейских-алкоголиков...
- Сделать так, чтобы моя дочь чувствовала себя уверенной и защищенной, когда я заключаю ее в свои объятия. (Ремарка: подумать о том, как помочь ей потом не страдать слишком сильно от эдипова комплекса — почитать литературу по этому вопросу).
- В общем плане: вплотную заняться изучением реальных последствий увеличения своей физической массы.
- Носить обтягивающую одежду, подчеркивая свои природные достоинства, заставить замечать себя на улице спешащих женщин с высокой покупательной способностью, у которых, как правило, нет времени смотреть вокруг и обнаруживать достойных мужчин или потенциальных хороших производителей потомства, несмотря на обычную внешность.
- Настолько развить мускулатуру ягодиц, чтобы мой зад походил на зад чернокожих.
- Угощать кусочками шоколада будущую возлюбленную каждый раз, как я буду заниматься с ней любовью в позе миссионера, чтобы она могла слегка приподнять голову и восхищенно смотреть на возвратно-поступательные движения моего тела.
- Больше не бояться скакать в толпе танцующих и продолжать изображать казацкие пляски, чтобы эпатировать публику.
- Показывать себя в выгодном свете в бассейнах, в парках и на пляжах, вытягиваясь на полотенце, напрягая мускулы.
- Создать для себя все благоприятные условия на случай, если однажды я решу переехать в Майями.
- Предоставить себе возможность участвовать в конкурсе на должность мастера-демонстратора (в случае безработицы) в специальных телепередачах по продаже оборудования для наращивания мускулов (не забыть перед собеседованием отбелить зубы и уничтожить «гусиные лапки» у глаз путем инъекций ботокса или с помощью специального лазерного прибора).

В конце концов, я пытаюсь встретиться с пловчихой у выхода из раздевалки.

— Вы так хорошо плаваете, не так ли? Вы занимались в клубе?

Она отвечает мне взглядом, полным презрения.

— Пожалуйста, прекрати бегать за мной как собачонка.

Вообще-то, мужчины предлагают, а женщины располагают. Шансы мужчины добиться встречи зависят от того, как он умеет себя преподнести. Немного похоже на первые кадры фильма. Нужно суметь окружить себя некой загадкой, чтобы получить возможность стать потенциально желаемым объектом. Нужно также уметь поддерживать разнообразные контакты для того, чтобы подпитывать длительные отношения. Есть еще и другие аспекты, входящие в список любовного обольщения: необходимо, чтобы черты лица претендента будили в сознании избранницы забытое воспоминание, например напоминали лицо отца, какого-нибудь значимого для нее человека, или пейзаж, или образ, причем воспринимаемые под особым углом зрения. Но это уже области, входящие в компетенцию таких наук, как геометрия и химия. Пресловутый вопрос точного распределения времени остается наиважнейшим. Любовная коллизия двух существ может не соотноситься напрямую с историей интимной встречи влюбленных. К этому надо добавить условия, в которых произошла встреча, благоприятная или нет, для усиления желания. Часто индивидуум мужского пола заостряет свое плотоядное внимание на какой-нибудь одной физической детали, которая, как ему кажется, определяет всю сущность индивидуума женского пола; женщина, в свою очередь, больше интересуется интеллектуальным потенциалом претендента, его происхождением и становлением. Сексуальное видение мужчины фрагментарно, а у женщины оно приобретает мистический характер. Когда желание мужчины увеличивает его возможности и распространяется на его духовность, он может сильно за это поплатиться, безумец. И ни к чему хорошему это не приведет.

На парковке возле бассейна сверхскоростная пловчиха дает выход своей злости. Она садится на велосипед и уезжает, не сказав мне ни одной колкости, не взглянув на меня с какой-либо гримасой. Этот эпизод я могу воспринимать только как негативный. Если не считать пота, усталости и многочисленных неудач, которые я пережил за последние полчаса, плавание в бассейне принесло реальное удовлетворение, как только я очутился на улице. Это чувство умиротворенности, появляющееся благодаря возникновению эндорфинов, а также вид пасмурного или ясного неба вызывают у меня эмоциональные ощущения и даже волны экстаза. Этого хватит, чтобы жить дальше, по крайней мере, до завтра.

В холле жилого дома

Мне все меньше и меньше нравится проходить мимо почтового ящика в моем доме. Каждый раз это как несостоявшееся свидание, разочарование ввиду отсутствия пылкого письма, написанного таинственной незнакомкой, которая вскоре объявит о себе или выйдет из своего укрытия. Вероятно, она заметила меня в бакалее на углу и теперь тайно наблюдает за мной, не осмеливаясь подойти. Ее любовь велика. Она никогда не ощущала ничего подобного, никогда у нее не было такого глубокого чувства. А теперь она ищет спортивного тренера. Но у меня появляются все причины для того, чтобы приходить в отчаяние от деятельности почты: вместо дружеского письма я раз за разом получаю напоминания от моего профсоюза о трехмесячной задержке в оплате квартиры. Просмотр почты тут же вызывает у меня учащение сердцебиения. Сидя на мели, я подсчитываю в колонке расходов маленькие белые крестики, похожие на те, что ставят на кладбище в Нормандии. Здесь, в этом демократичном мире, работодатели разговаривают со служащими, экономическая война незаметно ужесточается. А мое единственное спасение — это многократный кредит. Моя единственная гарантия — это устные обещания, сделанные дрожащим голосом. Но не

все так плохо, я тешу себя надеждой относительно колонки доходов: моя дочь скоро станет чемпионкой по теннису, а я буду ей ассистировать, как бескомпромиссный тренер и грозный и расчетливый бизнесмен.

Включаю свет в холле. На ступеньках лестницы замечаю фигуру в сидячем положении; длинные ноги согнуты в коленях, на них покоится голова. Голова медленно приподнимается, и я вижу иссиня-бледное лицо Изабель. Сажусь с ней рядом. Наши бедра соприкасаются. Она кладет мне голову на плечо. Волнующий контакт, к тому же чувствую полезность моего мужского веса.

— Ты неважно выглядишь, — замечаю я.

— Я счастлива тебя видеть. Ты больше не звонишь, не делишься новостями.

— Да, но... у тебя неудачный макияж, что это?

— Это синяк.

— Ты упала и ударилась об угол шкафа?

— Нет, это меня муж побил.

— Вот идиот!

— Он стал безумным.

— Как безумным? Он что-то нашел в твоих бумагах? Адреса, имена?..

— Он обнаружил рукопись моей книги «Дитя народа». Он разозлился, — объяснила Изабель.

До сих пор он был очень доброжелательным. Внимательный муж, прекрасный любовник, глубоко преданный, готовый пойти на все, чтобы сделать ее счастливой. Теперь он уже не тот. Он готов ее четвертовать, и это не смешно. Он положит ее тело в железный сундук и отправит на дно моря. Почему он отказывается объяснить причину своего бешенства? Чем эта книга ему так помешала? Другой удручающий факт: Максимилиан наблюдал за несколькими семейными ссорами с применением насилия. Он начал заикаться, отказывается ходить в школу, мальчику страшно. Ей пришлось вести его к психиатру, скрыть правду. И это нехорошо, ох, как нехорошо. Но ничто ее не остановит, и она допишет роман.

— Ты очень красивая, — говорю я ей. — Ты смелая. Это меня восхищает. Но я думаю, что ты заходишь в тупик.

— Мне нужна твоя помощь.

Хорошо. Всем нам что-нибудь нужно. Но наши желания почти никогда не совпадают. Ее просьба практически невыполнима. К тому же эта женщина удаляется от меня все больше и больше. Хотя в некотором роде мне бы хотелось с ней быть. Это неясное, необъяснимое чувство. В идеале, да, я желал бы ей помочь, только без больших потерь. С одной стороны, ее упорство восхищает. С другой стороны, она меня пугает. Я понимаю: Изабель мечтает о мире, о послании человечеству, которое ее книга должна до него донести. Это мило, это славно. Собраны все материалы для этой легенды. Но я уверен, что она открывает все тайны своему мужу. А этот нефтяной адвокат совсем не хочет терять свой бизнес. Если хорошо подумать, то он может разрезать нас на части и превратить в кусочки льда для аперитива, которые немедленно растают.

— Дай мне посмотреть новые страницы романа, и я скажу тебе свое мнение.

— Вспомни, я тебе их уже посылала.

— Ты знаешь, как сейчас работает почта...

Она опускает голову — типичный признак уныния. Или она что-то заметила на полу.

— У тебя красивые ботинки, — замечает она.

— Да, я потратился.

— Теперь потребуется приличный костюм, — добавляет она.

— Очень мило.

Тоска в ее глазах разом заставила меня встрепунуться. Ловлю себя на том, что разглядываю Изабель. Она приближает ко мне свои губы. Ее лоно источает влажный запах. Я узнаю его, он немного кисловатый. Изабель покрывается испариной, и я тоже.

Когда между нашими губами остается не больше двух сантиметров, мы останавливаемся: какая-то парочка, обнявшись, входит в холл — такие же влюбленные, как и мы. Можно сказать, что они неистово целуются. Слышен звук поцелуев. Горячие птички. Да, это моя соседка с нижнего этажа. Последнее время мы часто встречаемся. Мне кажется, это ее третий парень за две недели. Значит, всем места хватает. Прочитала ли она мою записку, которую я подсунил ей под дверь?

В зале для собраний

Большинство стульев еще пустуют. Те, что заняты, скрипят под тяжестью ерзающих ягодиц и затекших тел, — люди пытаются разрешить здесь вопросы, на которые ответа нет. Я пришел одним из первых, чтобы не встречаться взглядом с участниками сегодняшнего собрания.

Открываю окно, вижу в окне здания напротив уборщицу, которая в офисах выворачивает корзины с мусором; потом уборщица включает пылесос. Вывески сверкают. Автобус гудит. Движение транспорта стопорится. Двигатели через выхлопные трубы изрыгают угарный газ. В автомобильной пробке, растянувшейся на длину всей улицы, женщины и мужчины подводят итоги. Все надеются избежать будоражащих мыслей, которые регулярно доводят их до спазмов желудка, а именно: давление со стороны начальства, страх перед будущим, сексуальное желание на нуле, мечты молодости канули в лету, детские комплексы не преодолены, впереди — тупик, ненадежные отношения с противоположным полом. Главная трудность: никто не знает, сколько времени живет надежда.

Бернар, руководитель собрания, приветствует вновь прибывших. Его доброжелательный жест, адресованный каждому в отдельности, тем не менее выглядит довольно сдержанным. В целом, Бернар хорошо разбирается в человеческих отношениях, у него почти десятилетний опыт в этой области. Прежде чем найти эту работу общественного характера, он занимал должность начальника отдела по использованию человеческих ресурсов. Он занимался продвижением людей по карьерной лестнице, трудовыми конфликтами, увольнял неэффективных работников. А теперь пришел его черед: смещенный своей администрацией при наихудших условиях в канун Рождества, измученный неразрешимыми проблемами развода, выгнанный из дому своими собственными детьми, преданный своим банком, он решил придать новый смысл своей жизни, работая рядом с домом и решая социальные вопросы. «Анонимные холостяки» — первое доверительное собрание, посвященное восстановлению «моего мужского начала». Сюда пришли мужчины, измученные душевной раной, принадлежащие ко всем социальным категориям: недавние и закоренелые холостяки, выгнанные отцы, сексуальные маньяки, коллекционеры женщин, мужчины-дети, фанатичные одиночки, безработные, неудачники, типы с неустойчивой психикой, диктаторы и извращенцы... Бернар считает своей задачей вернуть веру в себя этим мужчинам, уже опустившим руки, заблудившимся в лабиринте производственного конвейера. В своих

созидательных начинаниях он отдает предпочтение неспешности, замедленному действию в условиях слишком быстрого развития событий и потока информации. Он хочет вновь придать силу слову и восстановить умение слушать.

Бернар принадлежит к тому типу людей, которые «начинают издалека». Обычно, объясняет он, вслед за любовным разрывом наступает новый этап жизни. Но иногда окончание отношений заводит просто в тупик: пустой экран, сплошная рябь. Ничего не происходит. Конец программы. Это то, что называется временем бездействия, уточняет он. Нужно вообразить себе одинокого индивидуума, затерянного в бескрайних просторах, раздавленного своей неуверенностью, автоматическидвигающегося неизвестно куда, хватающегося за последнюю надежду, которая все-таки маячит на горизонте, и это еще лучший вариант.

Морщины, вероятно углубленные жгучими слезами, пролегли от его глаз до уголков губ, свидетельствуя о мучительных переживаниях прошлого. Оттуда же его скрипение зубами и ночные бдения. Рядом с ним сидит женщина, Элеонора, молодой доктор наук по психологии, ей поручено слушать и делать записи, чтобы собрать материал для изучения вопроса о супружеских взаимоотношениях в городской среде. Элеонора — молодая упитанная женщина в облегающей одежде. Она очень похожа на трудоголика, которая вряд ли ответит на заигрывания претендентов. Она присутствует на наших собраниях как профессионал, чтобы наблюдать за определенным типом мужского пола. Вот и все.

Несколько мужчин уже покинули нашу дискуссионную группу. Но приходят другие, у которых нервы на пределе, с опущенными плечами, с характерными потемневшими лицами. А есть те, что бодрятся: грудь колесом, ангельское выражение лица, — они приносят хорошие новости, гордые своим возрождением до следующего падения. А потом появляется этот тип в розовом галстуке. Привет, я вернулся. Глупец! Я думал, что от него избавился. Но нет, он решил следовать за мной по пятам, настырный сопун. Вероятно, придется идти в наступление. К тому же он садится напротив меня и смотрит неподвижным взглядом.

Бернар, волосы которого на висках убелила седина (признак мудрости), рассказывает о шести этапах программы возрождения.

1. Исповедь (речь).
2. Умение выслушать (фраза).
3. Искания (разрушение, хаос, приближение к бездне).
4. Встреча после разлуки (катарсис, «общие точки соприкосновения»).
5. Свободное дыхание (возобновление, перевоспитание).
6. Соблазнение (возвращение к покинутому супругу).

Прохождение всех этих этапов требует немалых усилий — философского отношения к этой акции и в особенности полной расслабленности, абсолютного подавления всех чувств.

Кто начнет? Молчание и напряженность. В горле встает ком.

С улицы через окно доносится городской шум. В коридоре раздается телефонный звонок. Бернар встает, закрывает окно, снова садится и говорит:

— Мы здесь прежде всего отцы, но в то же время и братья. А теперь мы станем чудесными мужчинами. Повернемся друг к другу с обновленным выражением лица. Проявим нашу женственность...

Даниэль, тридцать лет, темноволосый, инженер по информатике, бросается с головой в холодную воду:

— Здравствуйте, меня зовут Даниэль, но моя мать звала меня Аш^[6], когда я был мальчишкой. Позже я узнал, что эта буква входит в название одного лекарства, успокоительного бальзама для лечения геморроя. Мне показалось это любопытным. Это совсем не смешно. Моя мать умерла в прошлом году, она ушла, так и не узнав о моих страданиях, и я даже не успел ее спросить, почему она дала мне такое прозвище. Вот уже два года как я живу холостяком. У меня две дочери. Они живут в Италии со своей матерью. Мне не удалось переделать свою жизнь. Я боюсь женщин. Они чувствуют это и поэтому меня избегают. Я нередко хожу в ночной клуб и часто терплю неудачу. Тем не менее именно я плачу за шампанское и пытаюсь всех веселить. Это оскорбительно. Когда я сказал своей жене, почему моя мать называла меня Аш, она обезумела. Два месяца спустя мы расстались. Я так и не понял почему. Сейчас моя бывшая живет с профессором философии. По ее словам, она стремилась к более интеллектуальной жизни. Любовью мы занимались достаточно регулярно. Я никогда не знал, действительно ли она находила удовольствие в моих объятиях. Мы об этом никогда не говорили. Впрочем, я никогда не говорил об этом и с моими прежними подружками. Кстати, их у меня было очень мало. Сегодня у меня две основные цели. Прежде всего, я хочу восстановить отношения с моими дочерьми, показать им, что я настоящий отец. А также изменить свой характер, постигнуть свою глубинную сущность. Ведь у каждого что-то есть, не так ли?

— Здравствуйте, меня зовут Эндрю... (Начинает плакать.)

— Здравствуйте, меня зовут Лоран, шестьсот двадцать три дня холостяцкой жизни. Мне двадцать восемь лет. Я специалист по рекламе. Сегодня я хочу добиться устойчивых эмоциональных отношений. Это не так-то легко. У меня много проблем. Странно то, что мне нравятся мои проблемы. Они все завязаны на любви и отвращении. У меня, возможно, более сложная проблема, чем у других: когда я занимаюсь любовью с женщиной, я очень быстро начинаю себя чувствовать отстраненным, как сказал бы режиссер об игре актера. Как только я замечаю слишком большую мочку уха или складку на шее — все кончено, мое сексуальное желание исчезает. В будущем я, наверное, захочу создать семью, но боюсь, что не способен привязаться к одной женщине. Я не вынесу, если мне одному придется воспитывать ребенка. Но самое жестокое в этой истории то, что мне нужна женщина, чтобы смотреть в будущее. Последний раз, когда я влюбился, моя страсть длилась ровно двое суток, ни больше ни меньше. Больше всего мне нравятся девушки, которых я встречаю на улице. Я хорошо зарабатываю. Возможно, скоро я получу лицензиат^[7]. И я надеюсь в ближайшем будущем найти хорошее место, несмотря на то, что в моей области кризис. Хорошо умею налаживать отношения. Во всяком случае, думаю переехать в Барселону, чтобы начать все сначала.

— Я — Поль, здравствуйте. Я не занимаюсь чем-то конкретным, но моя жизнь сложная. Я много размышлял, прежде чем перед вами заговорить. Моя первая жена меня бросила и вышла замуж за моего отца, который вскоре умер. Потом она вышла замуж второй раз за швейцарского банкира. На этом дело не кончилось: сестра-близнец моей бывшей жены соблазнила моего брата, заставила его бросить работу в клинике, а затем оставила его и теперь живет со мной. У нас родился ребенок. Несмотря на страдания брата, этот ребенок лучшее, что у меня есть в жизни. Надеюсь, что жизнь моего сына будет счастливой, что ему удастся преодолеть семейные обстоятельства, так как все значительно осложнилось, когда мой брат стал требовать признания своего отцовства. А мать моего сына отказывается иметь со мной любые контакты: она снова живет с моим братом. Несмотря ни на что — и это

трудно понять, — я люблю своего брата, а он любит меня. Это ужасное огорчение для нас обоих. Недавно появилась моя первая жена: она утверждает, что все еще испытывает ко мне нежные чувства. Говорит, что влюбилась в моего сына. Вы видите, насколько сложна моя жизнь. И я еще не все рассказал. Невозможно уследить за ходом развития событий. Теперь я решил жить один. Возможно, мой сын вскоре захочет меня видеть. Вот так. Убежден, что целибат — это будущее мужчины. Спасибо, что меня здесь выслушали.

— Здравствуйте, меня зовут Патрик. Один уже тысячу пять дней. Вы заметили, что мне нравятся розовые галстуки (смотрит на меня) и хорошие костюмы, сшитые на заказ. Розовый — это именно тот цвет, который мне подходит. Меня бросила жена, так как ей хотелось чего-то нового в жизни, а со мной она быстро старела. Она сказала мне: «Знаешь, дорогой, женщины быстро увядают, а я хотела бы воспользоваться прекрасными днями, которые меня ждут в будущем». Я отпустил ее молча, из-за любви к ней. Чтобы показать, что я уважаю ее свободу. Это был единственный способ сказать ей, что я ее люблю. Со времени ее ухода прошло около трех лет, а я так и не завязал новых знакомств. Не могу забыть дни, проведенные с моей женой... впрочем, я не знаю, могу ли я ее еще так называть. Скажем, она та, кто меня любил. Иногда она присылает мне открытки, на которых пишет несколько слов. Говорит, что счастлива, у нее кто-то есть, я это знаю. Пишет также, что я всегда буду для нее много значить. На что я ей отвечаю: «Учусь жить рядом с тобой, но без тебя». Вот уже год, как она ничего о себе не сообщает.

— Спасибо за ваши откровения, — говорит наш председатель. — Кто-то может прокомментировать сказанное? На этой неделе я рекомендую вам прочесть последний номер журнала «Психиатрия восстановления», посвященный одиночеству отцов.

Мужчина в розовом галстуке поднимается и покидает собрание, не дожидаясь его завершения. Ну погоди же, паршивец, ты не уйдешь от меня сегодня. Привет, папаши, меня ждет дочка у няньки! До следующей недели.

Спускаюсь по лестнице бегом, едва не вывихнув ног, на ходу надеваю куртку.

Стемнело. Час окончания работы, интенсивное уличное движение, шум. В неоновом свете витрин передо мной беспрестанно мелькают лица. У станции метро «Вилье» нагоняю таинственного типа.

— Минутку, дорогой.

Он оборачивается.

— Вам что-нибудь нужно?

— Чего вы хотите?

Тусклый взгляд в никуда. За горизонт.

— Ну, выкладывай! — я повышаю голос.

— Однажды придется заплатить...

— Заплатить за что? За стиральную машину?

— Да нет, должок.

— Какой должок?! Ты знаешь, я контролирую расходы.

— Я говорю не о деньгах, а о моральном долге.

— Тебя послал кто-то из моих близких?

— Нет, никто. Я и знать тебя не желаю. Достаточно посмотреть на тебя. А это я умею.

— Ах, так? Дело осложняется. Хотя нет, понял. Ты принадлежишь к обществу умственно неуравновешенных?

— Ничего подобного.

- Слушай, не глупи, у тебя что-то есть...
- Однажды ты прислушаешься к своей совести.
- Бедняга, ты начитался Кафки.
- Ты поймешь это со временем.
- О'кей. От тебя ушла жена, она любит другого, а ты страдаешь.
- Умник, где твой всевидящий хрустальный шар?
- До свидания, друг.

И мой крольчонок исчезает в толпе в мгновение ока, унося с собой свои тайны и то, что осталось недосказанным. А у меня ум заходит за разум, когда я начинаю думать о будущем.

У издателя

Он сидит за столом, и его лицо возникает между двумя стопками рукописей. Флориан сдвигает эти бумажные нагромождения, обладающие хрупким равновесием, ослабляет ворот рубашки, потеет, выключает телефоны и предупреждает меня:

— Сейчас я тобой займусь, старина.

— Не беспокойся, — говорю я, стараясь подавить зевок, из-за чего у меня начинают слезиться глаза.

Ну что ж, хорошее начало, во всяком случае, я не чувствую себя стариком. А вообще, что я тут делаю? Атмосфера в редакции всегда вызывала у меня тревожные чувства. От папок, скопившихся на полках, исходит неопределенный запах; лампы дневного света, освещающие помещения, искажают цвет кожи людей и превращают всех присутствующих в зомби; более того, цвет мебели и стен говорит о дурном вкусе; традиции иерархического подчинения — это полное занудство, что, конечно, не способствует творческой деятельности. Понятно, почему в таких неудобных местах девушки полностью теряют свою сексуальную привлекательность. Вот почему совершенно необходимо, чтобы они взяли под контроль весь этот базар. Феминизация и эротизация жизни в редакции — единственное эффективное средство для преодоления экономического кризиса.

— Хорошая работа! — восклицает Флориан.

Он перелистывает страницы моего интервью с мисс Фаделой, Робин Гудом антиинтегрисов, отмечает карандашом две-три опечатки.

— Думаешь, это может иметь успех? — спрашиваю я. — Скажу тебе, это бы поправило мои дела.

— Все будет зависеть от обстановки в момент опубликования.

— Может, где-нибудь взорвать маленькую исламистскую бомбочку?

— Маленькую? Да нет, большую!

— Кстати, ты уже отдал распоряжение бухгалтеру о выплате мне гонорара?

— Не беспокойся, ты получишь свои денежки после опубликования.

— Это будет через сто лет! Я сделал работу, отредактировал, все в порядке. Хочу денег через неделю.

— Почитай внимательнее контракт.

— Только этого еще не хватало!

— Книжка выйдет через три месяца, это не так долго.

— А что мне до этого делать? Может, здесь где-нибудь деньги лежат?

— Возможно, у меня еще будет для тебя книжонка.

— Что-то интересное?

— Да, пожалуй. Девушка из известной семьи, которую изнасиловали братья, потом отец, причем, заметь, с согласия матери. И это еще не все. Она решила об этом рассказать. Думаю, такая исповедь достойна пятнадцати тысяч экземпляров.

— Надо посмотреть. Девушка хорошенькая?

— Придет ко мне завтра. Я тебе скажу. Ну, я думаю, мы договорились. Вопросы есть?

— Хорошо... а как ты?

— Не беспокойся, я тебе позвоню.

В булочной

После обеда мы с Луной проводим время вместе с Абделем и его сыном Фаридом. Отцы сегодня присматривают за детьми. После несъедобного перекуса в «Макдоналдс» наши дети катались по траве в парке Бют Шомон. Мы, взрослые, вдыхали запахи наших несбывшихся надежд, рассказывали о наших сердечных делах и сексуальных победах, уставшие от житейских невзгод, неспособные создать какой-либо серьезный проект, ну, быть может, только с помощью какого-нибудь филиала крупной холдинговой компании. Скоро наши дети станут взрослее нас, родителей. Мы переругаемся и будем не в состоянии отвечать на уроки морали, преподнесенные нашими детьми. Какой стыд. Образ отца рассыплется на мелкие кусочки. Мы упадем с пьедестала и шлепнемся на пятую точку.

Очередь за хлебом выстроилась на тротуаре. У тех людей, которые намереваются купить венские булочки или пирожные, возникают и другие желания. Появляется аппетит. Время приближается к четверем часам дня. Каждому нужно свое: детям, отцам, а также женщинам, стоящим в очереди. Неизвестно, что они захотят в четыре часа. Мы же с Абделем знаем это хорошо. Для нас все гораздо проще. Нам нужно изделие из плоти и крови. Они же предпочитают различные пирожные с кремом, но перед покупкой производят сложные подсчеты калорий, которые они уже набрали с утра. Они пересчитывают, определяют, какие физические усилия они проделали за предыдущие часы: шестьсот тридцать метров ходьбы от дома до парка, несколько спусков и подъемов по лестнице, это не просто, но в любом случае недостаточно, чтобы сжечь излишки.

Одна женщина не выдерживает и уходит в смущении, зажав в руках горячую булочку, но вдруг под неуместным взглядом мужчины вспоминает о том, как в детстве ее выпорол взбешенный отец, и об испытанном удовольствии заодно с легким чувством вины, когда ее заперли в комнате, а по коже побежали мурашки.

Теперь любительница сладостей думает о том, как быстрее смешаться с толпой, вернуться домой, выкупать малыша, уложить его спать и... Уф! Все заканчивается сидением перед телевизором, у мамы подавленное настроение, тяжесть в животе, женский журнал «Эль» раскрыт на странице, вверху которой написано крупными буквами: «Строгая диета».

Во второй половине дня, пока дети карабкались на горки и лесенки, увлеченные своей игрой, Абдель рассказывал мне сомнительные истории о своем разводе. У него совсем другой случай. Его бывшая жена уехала в Овернь вместе с ребенком и присоединилась к религиозной секте, занимающейся бодибилдингом, проповедующей вегетарианство и живущей в лесу, в мерзкой деревне, под предводительством депрессивных священников. Члены секты едят редкие корни и занимаются трансцендентальной медитацией, болгарской

гимнастикой и то и дело поднимают гантели. К тому же они развратничают без удержу, то и дело обмениваясь сексуальными партнерами. Они издают экстатические крики во время коллективного совокупления у подножия больших деревьев при свете полной луны. Самое ужасное, что это первобытное зрелище наблюдает мальчуган. Бедняга, он ничего в этом не понимает, несмотря на тот образ жизни, который предлагают ему новые покровители. Была предпринята попытка отправиться в эту глубинку Франции и уничтожить лагерь умалишенных. «Правда, это сделали не мы, — говорит Абдель, — а знакомые, занимающиеся регби в Тулоне».

Под воздействием отрывочных впечатлений, перескакивая с одного приключения на другое, я вынудил Абделя рассказать мне как можно подробнее об его отношениях с Фаделой, Жанной д'Арк из стран Магриба. Он стеснялся. Тогда я ему признался, что она скоро опубликует сногшибательную книгу: исповедь своего брата, раскаявшегося террориста-исламиста. Побледнев, Абдель согласился мне все рассказать. Вообще-то, он встретил эту розу песков в студенческом городке в Тунисе, где она находилась по обмену учащимися между университетами. После трех или четырех недель настойчивых ухаживаний ему удалось с ней переспать...

Вот каким образом действовал упорный обольститель и к каким неожиданным последствиям привели его деяния. Он залезает в постель к Фаделе, якобы чтобы прочитать ей поэму Ричарда Бротигана, а красавица практически безотчетно на это идет. Затем он мнет ее груди, сделав паузу в чтении поэмы, и вдруг «эта, как там ее» начинает кусаться и ругать его последними словами. В целом, это скорее походило на спортивное состязание. Когда ее брат узнает о происшествии, он приходит в ярость и хочет оторвать голову Абделю. Тому удается усмирить гнев родственника Фаделы; Абдель ублажает его, как только может. Чтобы добиться расположения брата Фаделы, он приводит его на вечеринку к своим друзьям. И там опьяневший и растерявшийся брат позволяет проводить себя до туалета одному из гостей. Практически речь идет об изнасиловании. Хотя в алкогольных парах анус может быть перепутан с любым другим круглым отверстием. Детали похождения этого пьянчужки доходят до ушей Фаделы. Дело принимает серьезный оборот. Абдель балансирует между правдой и выдумкой. И запутывается. Что касается брата, он отныне примыкает к сторонникам религиозного фундаментализма.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Все получилось не очень здорово, мой дорогой Абдель, ведь теперь приходится отвечать за последствия вмешательства в судьбу довольно хрупкого парня». — «Быть может, он участвовал в любовных утехах более активно и не осмелился мне в этом признаться?» — «Но какая теперь разница — зло уже сделано». Однако по воспоминаниям поэта будущий террорист испытывал большое удовольствие, когда кто-то обработал его сзади. Удовольствие, в котором он не мог признаться, принимая во внимание семейные устои. Вот почему он, возможно, так пристрастился к взрывчаткам.

Луна и Фарид прижимают мордочки к витрине, в которой выставлены аппетитные пирожные. Папа, вот это! Хочу это! Это! Это и это! А еще вот это! Представь себе, дочка, я тоже хочу это и вот это! Но так не получается. Да, я слышал, не беспокойся, моя нежная куколка, я также скуплю весь магазин на мою сицилийскую кредитную карточку. А что ты думаешь? Я твоя сладкая вата, беспрекословно выполняющая твои сокровенные желания.

Мы, приходящие папы, по-своему любим своих детей. Наш стиль? Компенсировать свое

отсутствие чрезмерным, не свойственным нам вниманием, заполнить вынужденную эмоциональную пустоту до последней минуты. Мы покидаем булочную после молниеносного налета, оставшиеся без денег, но утолившие капризы наших детей. Позже, сидя на скамейке, Луна и Фарид радуются, их рты перепачканы шоколадом и клубникой.

В ресторане во время обеденного перерыва

Клара осторожно отламывает кусочек хлеба и подносит его ко рту. Она задумывается, и я не знаю, какие мысли ее занимают. В другое время она бы поднесла этот мягкий хлебный шарик к моему рту, нежно коснулись бы моих губ пальцами, я облизал бы их, слегка прикусил, и мы бы улыбнулись одновременно, как два дурачка, готовые раствориться друг в друге на поле с цветущей люцерной.

Основная часть ресторанный публики — люди из сферы оказания услуг: советники по финансам, юристы, подрядчики, рекламные агенты... В центре VIII округа на улице Вашингтон находится квартал сделок и стратегических союзов.

Официант ставит тарелки на стол. Клара безучастно рассматривает свой салат с перепелиными яйцами. Не знаю почему, я заказал кровяную колбаску с пюре, блюдо, сомнительное на вид, двусмысленное по значению и вообще мало подходящее к нашему деловому обеду после развода, когда надо думать о воспитании Луны, а не заботиться о поглощении калорий.

После подведения итогов в сфере профессиональных компетенций приходится подводить итоги в житейской области на родительском поприще. Ничего не обходится без арифметических подсчетов. Также подводится черта под суммой событий, произошедших во время бюджетного года. В целом это разбор полетов, итоговый доклад в трех экземплярах. Моя вилка скользит, так как локоть съезжает со стола, в то время как Клара что-то тихо напевает. Живущие раздельно уже целый год, мы путаемся в воспоминаниях. Это первый сезон. Сценаристы судьбы придумывают для нас новые повороты жизни.

Есть некое затруднение, но в то же время и желание все делать как надо, жить по-честному. И слезы подступают к глазам и слышатся в словах. Совместно прожитые годы иногда дают о себе знать. Клара объясняет мне, как она с этим справляется. У нее напряженность на работе, масса дел по дому, которые надо переделать до того, как укладывать спать малышку, недавно начатое лечение у психоаналитика, любовники, которые переругались между собой, неуверенность в слишком консервативном обществе, поиски новой няньки, переезд на новую квартиру, которую она только что купила, семейные хлопоты и сложные отношения с призраками прошлого. В тот день, когда в автомобильной катастрофе мать Клары погибла, она находилась в машине и ничего не помнила. Ей было три года, а матери — тридцать семь. Они ехали на крестины кузена Николя Б., который впоследствии стал одним из наших лучших друзей. Они хотели отпраздновать рождение ребенка, но смерть сама пригласила себя на бал.

— Представь себе чистый лист бумаги, — говорит мне Клара. — Белую точку в одном уголке, черную точку — в другом. Теперь надо сложить лист пополам, обе точки налагаются друг на друга и вступают в конфликт. Кто победит? Когда я был ребенком, Николя часто меня навещал. Мы развлекались тем, что скатывались с лестницы, бессознательно воспроизводя шум катастрофы. Мы падали и смеялись. Ведь мы были живы.

Большое беспокойство вызывает у Клары мысль о смерти в тридцать семь лет, в том

возрасте, в каком погибла ее мать. Страх роковой случайности, повторение несчастья — вот что ей досталось в наследство. Через два года она обо всем узнает.

— Не думай об этом, — говорю я.

Сжимаю ее руку, но она тотчас ее отдергивает. Я, неиссякаемый источник здравого смысла, продолжаю приводить аргументы, говорю о беспочвенности ее нелепых страхов:

— Фатальность существует только у тебя в голове.

Но ужас охватывает Клару вот уже несколько лет. Мне кажется, она не слышит моих доводов.

— В конце концов, мы не так уж плохо выходим из положения, — произношу я чуть сдавленным голосом.

— Да, неплохо. Луна растет хорошо.

— Мы родили малышку. Это уже вершина чего-то.

— Мы дали ей жизнь, — говорит Клара. — Ты сможешь оставаться на высоте?

— Ну... я стараюсь двигаться в этом направлении, я не думаю, что...

— Ты сможешь хорошо ее воспитывать? Удовлетворять ее потребности, красиво одевать? Чтобы она всегда оставалась красавицей?

— Я сказал бы, что вообще все идет хорошо. Все в порядке. Я это чувствую. У тебя ресничка на щеке.

— Я знаю, ты хороший отец. Но может, ты тоже повзрослеешь?

— Пью гормоны роста вот уже целый месяц. По ускоренной программе. Это эффективное лечение.

— Не забудь снять крылья Питера Пена, а то наша дочь вырастет быстрее тебя.

Клара закрывает глаза. Минутная пауза.

— Позже, когда Луна вырастет, я оставлю профессию адвоката и буду что-то делать своими руками, — добавляет она. — Мне бы хотелось делать мебель, работать по дереву. Это солидно.

В этот момент я понимаю, что она проживет больше тридцати семи лет.

Бассейн в Шампере

Скоро уже будет полтора километра, как я плыву. Дышать все труднее, мускулы горят, еще чуть-чуть, и я лопну, но мне все равно, лишь бы мои близкие пришли в восторг от моих спортивных достижений. Мне нужна цель на ближайшие годы. Мне хочется в потусторонний мир: вернуться к истокам человечества, к существам, покрытым чешуей или густым мехом, беспощадно жестоким, способным выжить при экстремальной температуре и обратить в бегство буйволов-мутантов, только лишь испуская громкие крики.

Я толкаю мальчишку, который пересекает мою дорожку без предупреждения. Любопытно, у меня создается впечатление, что он плавает, как бревно. Инструктор по плаванию (это женщина, напоминающая пловчих из Восточной Германии после падения Берлинской стены) отчитывает неосторожного нарушителя. Я, кажется, приглянулся хозяйке бассейна. Теперь каждый раз, проплывая перед ее постом наблюдения, я привношу в свои движения спортивную злость и стараюсь выглядеть заинтересованным парнем.

Приблизившись к краю бассейна, делаю кувырок, чтобы продолжить свои подвиги. Выдыхая, издаю стон, похожий на предвестие оргазма. Обдаю водой двух испуганных беременных женщин на соседней дорожке. Они отчаянно бьют ногами по воде, стараясь

победить неминуемо подступающий целлюлит. Их круглые животы шокируют меня. Мне хочется, чтобы эти водные мамы взяли меня в свою утробу и покормили бы своим молоком. Ведь я такой трогательный младенец. К тому же я умею хорошо сосать молоко.

Пауза. Восстанавливаю дыхание. Руками ухватился за бортик бассейна, возвращаюсь к действительности.

— Привет, как дела?

— А, это ты? Привет.

Изабель садится на борт бассейна и погружает ноги в воду. Она такая же, как и прежде, но и немного другая. Изменения не заметишь невооруженным взглядом. Они микроскопические. С ней какой-то тип совершенно неопределенного вида; он сразу мне не нравится.

— Ты сюда часто приходишь? — спрашивает она.

— Да, иногда. Я здесь расслабляюсь.

— Слушай, ты как-то раздался!

— Ты находишь?

— Тебе так лучше.

В то время как я краснею от удовольствия, она рисует круги на воде — на ноги нанесен защитный слой крема против хлорки — и поясняет:

— Я больше не пишу книгу «Дитя народа», решила перейти сразу к экранизации. Я убедил своего мужа пойти на эту авантюру. Он нашел мне продюсера и сценариста. Мы двигаемся вперед семимильными шагами и скоро приступим к озвучению. Это изумительно, уверяю тебя.

Совсем не глупо со стороны ее мужа «нефтяника». Финансируя капризы своей строптивой принцессы, он все держит под контролем.

— Счастлива была тебя повидать, — говорит Изабель. — На днях созвонимся?

— Хорошо.

Она выпрямляется, ныряет, грациозно, по-спортивно, как это сделала бы героиня романов Скотта Фицджеральда, отдыхающая на Ривьере. Ее спутник, постоянный телохранитель, собачонка на побегушках, потенциальный любовник, с подозрением на меня смотрит. Нет, приятель, я не стану развлекаться с твоей сиреной, играя с ней в прятки в бассейне.

За обеденным столом

Теперь Луна сама может сидеть на высоком стуле благодаря двум подушкам, подложенным под ягодицы. Я приготовил для нее настоящий пир. Встав сегодня рано, в пять часов утра, я стал размышлять о том, что бы приготовить на ужин для нас двоих. К полудню у меня еще не было ни одной дельной мысли в голове. А потом появилась замечательная идея: овощное пюре и ломтик ветчины для малышки; мексиканский салат из банки и рыба в панировке для меня. Апельсиновый сок в качестве лучшего французского вина (выжатый из фруктов, привезенных из Южной Африки). Букетик фиалок также поможет оживить наш стол.

После дня, проведенного в метро, и посещения театра кукол мы, наконец, вдвоем. Чудесная постмодернистская пара.

Луна уронила вилку. Я поднимаю вилку с пола, иду на кухню и приношу другую,

совершенно чистую. Мое блюдо остыло (в любом случае я не люблю рыбу, просто мне понравилась упаковка), но у меня тепло на сердце, поскольку моя дочка получает удовольствие. Кстати, сколько раз в жизни я ронял вилку? Мой отец всегда был рассеян. Я — тоже. Луна, кажется, идет по той же дорожке. Подражание или атавизм? Однажды, в четырнадцать лет, когда мысли носились неизвестно где, я поставил свои ботинки в холодильник. Моя мать рассмеялась, обнаружив мой «подвиг». Все в семье стали шутить и приплясывать. Это походило на праздник языческого племени.

Луна улыбается мне.

— Папа... сока... апельсинового сока.

Она тянет ко мне стакан. Пей, моя девочка, это мякоть фруктов без косточек. Я хочу быть твоим королем. Хочу стать самым популярным персонажем твоего воображения. Номером один в твоём списке. Луна снова роняет вилку, а я успеваю подхватить накренившуюся тарелку.

Кнопки телефона

Я уже отправил пять или шесть посланий Флориану, моему редактору-издателю. Он мучает меня невероятно. Я даже не понимаю, на каком уровне он существует. Чуть выше нуля? Во всяком случае, он практически неуловим. Клер, его ассистентка, сказала мне, что в головное издательство прибыли контролеры из Парижа. (Негодница не захотела мне сказать, что делает вечером. У нее есть парень, даю голову на отсечение; вместе с этим балбесом она проводит все вечера у телика. Иногда они ходят в ресторан за углом, и это называется насыщенная жизнь.) По ее словам, Флориана не будет в течение двух недель. Нечего биться. Вновь набираю его номер. Мои пальцы скользят по кнопкам, словно я пианист; я уже слился с телефонным аппаратом и являюсь его продолжением, — во мне заговорил инстинкт выживания. Гудки опьяняют, и у меня появляется навязчивая идея войти в контакт со своим абонентом и узнать, имеют ли еще смысл наши профессиональные отношения. И наконец удача! Флориан отвечает:

— Ну, говори, у меня две секунды.

— Мой счет! Пока ничего не пришло!

— Невозможно. Я дал указание. Это сбой в бухгалтерии. Они там ничего не делают. Странно!

— Мне нужны деньги завтра! Иначе я стану странным! Меня осаждают агенты из налоговой службы!

— Ну, я им задам жару, в бухгалтерии. Ты увидишь!

— А как та девушка, которую изнасиловала вся семья?

— Она колеблется. Я еще должен с ней поработать. Сенсационное дело.

— Тебе не кажется, что с ней уже достаточно поработали?

— Эта книга для нее новый шанс.

— А у тебя нет другой работы? Например, быстренько что-нибудь переписать?

— Нет, пока ничего. Но может возникнуть в любой момент. А твой роман двигается?

— Литература — это ДЕРЬМО!

— Прости, мне звонят. Пока.

В кафе «Маронье»

Быть может, я забыл, что на улице лето. В моей памяти всплывают какие-то эпизоды отдыха на океане. На языке — вкус жареной рыбы соль, которую я попробовал в Нуармутье. Принесет ли сентябрь желаемые перемены? Я всегда принимал решения в начале осени, а не в Рождество, праздник искусственного веселья. Мои основные задачи: заплатить за снимаемую квартиру и остаться на плаву, заниматься любовью с замечательными женщинами и преодолевать вплавь большие дистанции в различных бассейнах Парижа. Пока я не желаю большего. В этом — реализм и скромность моих притязаний.

Друзья вернулись после отпусков, накопив кое-какой опыт, и их потребности имеют мало связи с действительностью.

На улице дез Аршив, на террасе кафе «Маронье», снуют люди, пресытившиеся витаминами, — результат применения питательных кремов, употребления экстази и обильного загораения на летних курортах: Ибица, Хорватия, Гоа...

Чувствую похотливые взгляды на своих ягодицах. Животное гомосексуальное, кажется, завоевывает свои позиции, как и животное гетеросексуальное, но часто его оптические радары посылают сообщения более быстрые и менее завуалированные: «Пойдем в заднюю комнату. Я могу сосать, стоя на коленях. Войди в меня. Я еще поработаю рукой. Незащищенные отношения не запрещаются». Некоторые контакты завязываются и без слов — всего лишь несколько кивков и какое-то хрюканье во время проникновения.

На втором этаже я вновь вижу своих друзей по «Ревю Перпандикулер». На литературном вечере сегодня чествуют двух писателей: Жана Фока, который пишет также тексты песен для французских звезд эстрады, и Жака Анрика, пришедшего со своей милой супругой Катрин Милле, которая возглавляет журнал «Арт-пресс».

Я всегда испытывал слабость к этой женщине; за мнимым обликом интеллектуалки скрывается большая любительница любовных приключений, эксперт по сексуальным позам, королева фантастических оргий, одинокая женщина, имевшая тысячу и одного любовника, жизнь которой видна как на ладони, как в плохом, так и в хорошем.

Позже, когда она опубликует свою успешную книгу «мемуаров» «Сексуальная жизнь Катрин М.», я лучше пойму природу ее шарма: в 1970-х годах она накопила странный опыт, анализируя животную сущность мужчин, исследуя желание до его истоков. Катрин перепробовала все сексуальные позы и приемы, чтобы изобразить чувственную картину потребности нравиться и быть заполненной (до краев) мощью чужого тела. Как Катрин и Жак Анрик, ее давний партнер, смогли преодолеть ревность в течение ряда лет, когда они практиковали групповые совокупления? Они занимались любовью по-авангардистски, по-минималистски, по-маоистски, по-пролетарски и анонимно... Им очень нравилось совокупляться на свежем воздухе. Жак фотографировал Катрин на фоне пейзажей, он запечатлел образ богини с широкими бедрами, невинной девы атлетического сложения в обнимку с приапическими призраками. Сегодня, после этих бурно прожитых лет, после либерализации рынков, нигилистического индивидуализма, Катрин и Жак по-прежнему живут вместе, не исповедуя никакой религии, — вероятно, они ожидают последнего шанса, который им может подарить судьба.

Жан Фок и Жак Анрик — старинные друзья. Мы хотели знать, как создаются песни. Откуда они берутся? Почему у каждого из нас имеется стойкое воспоминание, связанное с той или иной популярной мелодией? Во всем мире не счесть «смятых простынь» после ухода любимого человека. Бумажные салфетки «Клинекс» и пустые бутылки —

единственное оставшееся доказательство прежнего счастья. В сущности, «зачем нужен жареный картофель, если у тебя нет тарелки»? Верь мне, детка, «мы пойдем, куда ты захочешь», нравится тебе это или нет. Несмотря на парадокс, добро уживается со злом и наоборот. «Так как любовь сильнее нас».

И все-таки я продолжаю мыслить трезво: ищу вокруг себя особей в мини-юбке. Затем утешаю себя надеждой, что смогу познакомиться с потенциальным объектом большой любви на ближайшие три дня. На самом деле, чувствую себя как бедолага, который не может сделать выбор. И вот, наконец, какой-то призрак появляется в моем оптическом поле зрения: мужчина в розовом галстуке... Последний раз я видел его на собрании анонимных холостяков несколько месяцев назад. Его навязчивое появление начинает тревожить. Хотелось бы знать, что он тут делает, в кругу моих друзей, но я боюсь услышать вопросы: «Какой тип? Что за галстук? Я ничего не вижу. О чем ты говоришь?» А это означает, что я спятил. Готов пройти небольшой курс лечения в психушке. Лучше повременить, быть старомодным. И не высовываться. Призрак садится рядом со мной и улыбается. Кажется, ему нравится жить на этой земле. Он устраивается как можно удобнее — того и гляди, начнет насвистывать песню Синатры «Незнакомцы, странники в ночи...».

— Я знал, что мы встретимся, — говорит он мне.

— А в чем проблема? Ты что, хочешь переспать со мной?

— Нет, я люблю одну женщину.

— И ты думаешь, она вернется?

— Думаю, что она обо мне вспоминает.

— А тебе этого достаточно?

— Я привык жить с тем, что есть... Но ты? Ты подумал? Как ты будешь платить свое должок?

— Ты меня утомляешь...

Отвечая на мое сопротивление, призрак приводит аргументы в трех частях: тезис, антитезис, синтез. Классически, но тревожно.

Он еще говорит со мной, но напрасно, поскольку я переместился за соседний столик, чтобы заказать официанту порцию джина. И вдруг на верху лестницы появляется группа необыкновенных молодых женщин, можно сказать, десант какого-нибудь «Союза женщин международных сил», нечто вроде «голубых касок», роскошный куст, огненный астероид, сверкающий в зале. Они идут, опустив голову, очевидно в поисках идеального мужчины. Подождите, дамы, я не только существую, но я к тому же мужчина с большим потенциалом, и я вам это докажу. Во мне пробуждается инстинкт дикого зверя из саванны, зов леса. Втянув живот и ощущая дрожь в ногах, сажусь в засаду, облизывая сухие губах.

И тут меня как током ударяет. У меня впечатление, будто я горю, словно спичка, которую чиркнули о дверь бесконечности, служащую границей между адом и раем: в группе молодых женщин я замечаю чудное создание с гибким, как у растения, телом, с темными кудрявыми волосами, в пальто из искусственного меха и в красных сапогах... После нескольких минут разглядывания, кажется, понимаю, что меня поразило, — эта тридцатилетняя красавица похожа на киноактрису Сигурни Уивер...

Анонимные холостяки: зал собраний

«Получать наслаждение, быть счастливым, это действительно смысл жизни?» —

спрашивает Бернар, ведущий наше собрание. Чем сильнее нас одолевает желание обрести счастье, тем больше мы от него отдаляемся. Сегодня мы отмечаем два возрождения: вот уже полгода и Жюльен, и Давид ведут любовную жизнь. Они буквально следовали программе, и это сработало: при каждом кризисе в их отношениях с подругами они сумели выждать, найти нужные слова, завязать диалог, использовать свой шарм, и конфликт рассеялся сам собой. Рефлекс рационального участия — это основное правило процесса возрождения.

Элеонора вернулась из Соединенных Штатов цветущая как никогда: она побывала в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне, Лос-Анджелесе, Сакраменто... Там она встретила других членов ассоциации и обменялась информацией со своими коллегами-учеными: психологами, социологами, статистиками, специалистами по бихевиоризму. «В этом положительная сторона глобализации», — заявила она. Приверженцы многогранной культуры, американские отцы-холостяки создали целую сеть: у них есть свои собственные клубы развлечений, школы, торговые учреждения... Самые активные из них создали рабочие группы в университетских кружках, так называемые Студии гомосексуалистов. Таким образом, можно констатировать сближение между различными течениями геев, транссексуалов и тех, кто вобрал в себя новую культуру отцов-холостяков, называемых *New Dads*.

Стоит бабье лето, и через открытое окно вливается в помещение горячий воздух, хотя утром бушевала гроза. Вспоминаются морские купания. Меня одолевает жгучее желание проникнуть во влажное лоно прекрасной незнакомки. Борюсь с этим непреодолимым желанием, вызванным присутствием нашего психолога. Хорошо все обдумав, прихожу к выводу, что Элеоноре пора переходить к практике. Конечно, можно с милым видом слушать нашу мужскую дребедень, но к чему это ее приведет, если даже написанный ею очередной доклад вряд ли будет прочитан заинтересованными службами? Согласно недавнему исследованию, проведенному частным институтом Вериф-Штат, семьдесят процентов документов не доходят до адресата.

Настоящий вопрос, который надо решать в данный момент, таков: как соблазнить эту стойкую интеллектуалку? В своих предыдущих выступлениях я попытался показать новые черты своей личности в надежде пробить ее броню. Во время предыдущего собрания я разразился целой тирадой, выступая против эксплуатации Африки Западной Европой. Некоторые из слушающих холостяков прослезились, и я даже заслужил аплодисменты. Я набрал очки, без всякого сомнения. В следующий раз рассчитываю выступить с обличительной речью в адрес Турции, не признающей себя виновной в геноциде армян. А если этого будет недостаточно, чтобы взволновать доктора по психологии, расскажу после ошеломляющего нервного срыва о том, что ребенком я стал свидетелем ужасной сцены... «Нет, об этом невозможно рассказывать...» Доктор психологии будет настаивать с возбужденным любопытством, она будет подбадривать меня, просить, чтобы я высказался, чтобы разорвал цепи, сковывающие мое сознание. Но я буду непреклонен, замкнусь, как устрица в раковине, в состоянии полного смятения. Моя тайна будет срываться с моих губ, она станет почти осязаема, но я так о ней и не расскажу.

А несколько дней спустя я приду к Элеоноре домой, подрисовав черной тушью глаза, дрожащий, в рубашке, изрезанной вдоль и поперек перочинным ножом. Ее сердце будущей матери забьется сильнее, она раскроет мне свои объятия, проявляя полнейшее сострадание. Мы тихо пройдем в комнату, и я упаду без сознания на постель Элеоноры. Она приведет меня в чувство, нежно поглаживая мне лоб, а я стану заниматься с ней любовью всю ночь

напролет. Мое тело будет содрогаться во время оргазма, а рано утром на моих губах, помнящих вкус ее поцелуев, появится улыбка, знак моего искупления и моей благодарности за ее любовь. Это хорошая стратегия, я уверен. Но пока Элеонора даже не удостоила меня взглядом, однако это не за горами. Будущее принадлежит терпеливым мужчинам.

— Мне кажется, Даниэль хочет выступить, — говорит наш руководитель.

— Здравствуйте, мне уже все лучше и лучше, я, наконец, понял, почему моя мать звала меня Аш, когда я был маленьким. Я расспросил членов моей семьи и узнал, что в молодости у нее была большая любовь: Анри Белле, который руководил лабораторией по производству известного лекарства «Препарат Н». Молодой человек бесследно пропал во время экспедиции в амазонских лесах Бразилии. Его тело так и не было найдено. А моя мать не смогла его забыть и ожидала его возвращения. Всю свою жизнь она тайно его оплакивала. И вспоминая об этой большой любви, она дала мне это прозвище — Аш, не думая о том, что первая буква имени Анри^[8] также входит в название основного лекарства, разработанного в лаборатории ее возлюбленного. Вы видите, как иногда недостающая деталь может разбить всю жизнь. Кажется, я даже похож на этого Анри. Тогда я подумал, что, возможно, я его сын. Моя бывшая жена узнала, в чем дело, и послала мне ободряющее письмо. Мои дети навещают меня раз в две недели. Жена отказывается платить за авиабилеты, и они стоят мне целого состояния. Но в целом ситуация нормализуется. Мои дети хорошо учатся в школе. Мой сын Стефан хочет стать биологом. Мне кажется странным его увлечение биологией, без знания которой невозможно стать медиком. Об этом нужно подумать, и я все еще сомневаюсь, стоит ли мне идти к психоаналитику. Кроме того, этим летом у меня была любовная связь со служащей полиции. Не так плохо для пляжного романа. Ее зовут Селин, я встретил ее в клубе развлечений в Марракеше. По возвращении в Париж она сказала мне, что встречается с другим мужчиной. Она была немного растеряна и показалась мне искренней. Селин попросила меня дать ей немного времени, чтобы все обдумать. А на днях я увидел ее в очереди за билетами в кино, она была со своим мужчиной, и они то и дело обнимались. После фильма я вернулся домой и мастурбировал, думая о Селин. А вечером мне никак не удавалось уснуть. На работе это не отражается. Кто-то перекупил нашу контору, и уже поговаривают об увольнении. Но я все-таки сохраняю надежду: в моей профессии, информатике, рынок рабочей силы довольно широк.

— Спасибо, Даниэль, за твою искреннюю исповедь, — произносит председатель собрания.

— Здравствуйте, я здесь впервые, мне очень страшно начать рассказ. Столько надо всего сказать... Кто вы такие? И зачем это нужно? (Он не выдерживает и покидает зал под аплодисменты.)

В телестудии

В коридорах бегают какие-то люди. Они приходят в офисы, пьют, держа стакан в руке, смотрят друг на друга и уходят в другие помещения. Служба объявлений «Франс Х» празднует день рождения некоего С., одного из звездных редакторов отдела. Это настоящий пулемет, сорок пять искрометных шуток в минуту, блестящий, обворожительный и холостяк. Все его любят, но ни одна женщина не хочет с ним спать. Он слишком эмоциональный.

На стенах офиса, занимаемого редакторами, развешаны порнографические фотографии. Показывать сцены соития крупным планом — это модно. Эти декоративные картинки

сопровождаются бесчисленными фантазиями: «Хей-хоп! Хей-хоп! Возвращаемся с работы» — припев семи Гномов. Коллаж, задницы и поэзия.

Куча вспотевших людей толпится перед кофеварочной машиной в коридоре. Мне улыбается какая-то красавица. Смотрите-ка, я нравлюсь женщинам. Вперед, Матье, двигай задницей! Пока я придумываю предлог, чтобы познакомиться, моя красавица исчезает в толпе смотрящих на нее с вожделением парней. Все они с трехдневной щетиной на щеках, в рваных джинсах и обтягивающих футболках выглядят как поставщики кокаина, прикидывающиеся группой специального контроля на автодорогах. Радикально, и они похожи на хиппи. Не могу соперничать. Гиблое дело. Еще некоторое время топчусь среди незнакомых людей; возможно, в будущем их адреса окажутся в моей электронной записной книжке.

Зайдя в один из залов, попадаю на демонстрацию фильма какого-то актера (забыл его имя), который выставляет напоказ свои конечности в сценах механического соития, прокрученных в убыстренном темпе в сопровождении мрачной синтетической музыки. Нигилистическая штука — продукт 1980-х годов. Реклама и дешевка.

Каждый из тех, кто созерцает эти порнографические картины, принимает какой-то вид, встает в определенную позу. Челюсти сжимаются, тела напрягаются, лица краснеют, некоторые люди критикуют увиденное, другие начинают дискутировать.

— Это что, искусство? Да?

— Парень пойдет далеко.

— Нет, действительно, у него было большое вдохновение.

— В третьем измерении это обретает свой истинный смысл.

— Моя бабушка может сделать так же, она как-то была дублером в порнографическом фильме.

— Искусство — это первое проявление жизни.

Элен, подруга, которая пригласила меня на эту телевизионную вечеринку, ищет способ познакомиться со своими подружками. Место знакомства похоже на скользкую дорожку: мои собеседницы отворачиваются и теряют интерес так же быстро, как застегивают молнию на брюках.

Одна:

— Привет, ты друг Элен?

— Верно. Эта девушка гений...

— Чем ты занимаешься?

— Я — автор, немного «негр», понимаешь? Я создал литературный журнал с моими друзьями. Журнал назы...

— Классно! Ты знаешь, я тоже гений. Не такой, как она... Ну, привет! Меня ждут.

Другая:

— Извини, я тебя прерву. У меня длинная история. Я еще ношу траур, и у меня нет желания разговаривать.

— Бедняга.

— Я шучу.

(Мне неловко.)

— Все хуже и хуже.

— ?..

— Хватит, так ты увязнешь еще больше.

— Ты уже была в Хорватии?

— СТОП!

Следующая:

— Ты хочешь переспать со мной. Это видно. И ясно как день.

— Вовсе нет.

— Это написано у тебя на лице.

— Так не пойдет!

— Там на лбу надпись: «Сладострастный пенис ищет теплую кошечку».

— Да нет же! Что ты себе позволяешь?!

— Жаль, а я бы охотно с тобой переспала. Пока.

Еще одна:

— Кажется, у тебя есть маленькая дочка?

— Да, я ее обожаю. Я смотрю, как она растет...

— Лапочка... Тебе повезло.

— А ты... любишь детей?

— Тебе я могу сказать, поскольку ты отец: я сделала второй аборт...

— Очень жаль...

— Завести ребенка в одиночку — не мой стиль. Я знаю, что это уже тенденция. Но смотрю на вещи по-другому. Они меня обрюхатили и удрали. Сволочи.

Не знаю, каким образом, но мне удалось избежать всех этих случайных контактов, и я, победитель нашего условного мира, устремился к другим территориям — ближайшей встрече с «третьей категорией» женщин. Эта встреча случается в назначенное время по истечении определенного количества минут, давно предусмотренных необъяснимой волей Мисс провидения. Она сидит в большом винтажном кресле, положив ногу на ногу. Вижу младшую сестру Сигурни Уивер, которую повстречал несколько недель назад в кафе «Маронье». На этот раз на ней нет ни пальто из искусственного меха, ни красных сапог, вместо них — брюки «милитари» с боковыми карманами, белая футболка с прорехой на левом боку, на ногах кеды «Конверс». Сейчас ее темные волосы очень коротко пострижены а-ля рецидивист. Я смущен: она не только похожа на американскую актрису, но на ее лице то же выражение воинственного напряжения, что и у героини культового фильма «Чужой» лейтенанта Эллен Рипли, которая наносит удар беспощадному монстру... будучи в обтягивающих брюках. Эта сцена запечатлелась в темных тайниках моего сознания... От волнения перехватывает дыхание. Эта девушка в костюме астронавта разбудила во мне воспоминание о моих давних фантазиях.

Иду к ней, подхожу все ближе и ближе, переполненный необъяснимым предчувствием. Все в порядке? Да. Элоди, так ее зовут, встает, смешивается с толпой, одаривает поцелуем двух или трех друзей, возвращается, улыбается мне, высокомерно разглядывает меня и спрашивает, люблю ли я кино, телесериалы и участников музыкальной телепередачи «Тагада». Ну конечно, я все это люблю. Но не только. Я хочу сказать, что люблю много другого в этой жизни.

В Люксембургском саду

Стою, как на посту, на выходе из здания социологического факультета на площади Пантеон, при мне все «снаряжение», которое должно быть у опросчика. Это уже моя

пятидесятая попытка. Мне удалось подцепить одну студентку с социологического факультета. Ее зовут Жеральдина, и ей двадцать четыре года. Думаю, я сочинил довольно достоверный сценарий для охмурения: я — журналист и готовлю репортаж об отношениях матери и дочери. Сначала Жеральдина смотрит недоверчиво, но потом соглашается откровенно ответить на мои вопросы. Я сказал ей комплимент, и мне даже удалось ее рассмешить. Благодарю друга, который посоветовал мне применить эту стратегию обольщения, основанную на настойчивости и вероятности: из определенного количества женщин, встреченных случайно на улице, по крайней мере одна согласится на длительный диалог. Все искусство состоит в том, чтобы приучить свое самолюбие к повторению неудач. Мы расположились в кафе на территории Люксембургского сада. Отсюда можно с интересом наблюдать за привычками гуляющих. Жеральдина заказала колу, а я — чай. Девушка смущается и краснеет. Надо перестать смотреть ей прямо в глаза с такой страстью. Продолжая смущаться, она признается мне в большой необходимости высказаться. По ее словам, в жизни ее матери нашли отражения все проблемы конца двадцатого века. Сегодня маме Жеральдины сорок восемь лет, и на своем веку она разбила сердце стольким мужчинам...

«Все очень просто, — начинает рассказ Жеральдина, — как только я привожу нового друга, она начинает со мной соперничать. Первый звончок прозвучал во время моей первой вечеринки. Я помню, она сама напросилась и танцевала медленные танцы с тринадцатилетними мальчиками из моего класса. Когда я была подростком, у нее случился кризис среднего возраста, ей было сорок. После трех беременностей она слишком сильно похудела. То есть у нее был такой же вес, как у меня. Каждое утро она приходила в мою комнату и брала что-нибудь из моей одежды. Она носила конский хвост. Со спины нас часто пугали.

Проблема в том, что она живет в стеклянной клетке. У нее никогда не возникает сомнений. И она считает себя безупречной. Моя мать — как мыльный пузырь, от которого щиплет в глазах. Она любит все: природу, море, кемпинг, прогулки, костер, нудизм (и я ее понимаю — ведь это так романтично). Ее родители были хозяевами небольшого предприятия, мелкая буржуазия из провинции. Ее мать обожала свою собаку, которая охраняла ее депрессивного сына. А мамин отец, бабник, всегда хотел переспать с дочерью.

Сейчас моя мать преподает естественные науки в лицее в провинции Овернь. Как-то она подцепила молоденького мальчика в ночном клубе. Голосом восторженной девочки, которая радуется всякой уловке, она сообщила мне: „Потрясающе! Я встречаюсь с юношей двадцати двух лет! Романтический вечер в кафе «Макумба». В белой мокрой футболке!!!“ Я сказала ей: „Мама, твой приятель — ровесник моего парня“. Она словно не услышала меня и продолжала гнуть свое: «Когда он вновь захотел переспать со мной, я сказала, что могла бы быть его матерью. Он принялся плакать, бедняга, и я должна была его утешить. Мы занялись любовью в моей машине, на этот раз на парковке перед магазином «Ашан», окруженные металлическими тележками! В это время началась ужасная гроза, и мы кончили одновременно с раскатами грома. Вау! Это потрясающе! Мне снова пятнадцать лет!“

Когда моя мать влюбляется, она вновь обретает свои детские привычки. Она страстная. Необычная. Ведет себя как проказница. На улице раздает поцелуи направо и налево. Все время подпрыгивает, ее конский хвостик и разноцветные ленточки хлещут ее по лицу, она кричит от счастья, слушает всю эту несусветную чепуху о вечной любви и красоте заходов солнца. А ее наряды — это странный фольклор. Она носит широкие клетчатые комбинезоны

приглушенных тонов на манер бродячих музыкантов из группы „Биг базар“^[9] и поет так же, как они, призывая громким голосом: „Ну, давайте же, пойте, это романс, это красивая история, произошедшая во время каникул. Ля-ля-ля! А теперь все вместе!“

Самое плохое то, что моя мать потрясающе выглядит даже для своего возраста. Она привлекает своим пышным бюстом, полными губами и глазами сиамской кошки. С ямочками на щеках, она похожа на актрису... как там ее зовут? Полная, с белой кожей, повсюду родинки, ягодицы упругие, и все это еще находит спрос. Мама как огненный шар вторгается в чужую жизнь и разрушает все на своем пути.

Утром она неожиданно появляется в ванной и заставляет меня осматривать себя в зеркале, потом восклицает своим восторженным девичьим голосом: „Смотри, Жеральдина, какая я стройная!“ Представьте себе, моя мать живет в зеркальном отражении. Она ест перед зеркалом, ходит в туалет перед зеркалом, спит перед зеркалом. Она просыпается и смотрит в глаза своего любовника. Чтобы позвонить, она запирается в ванной комнате, садится на бортик ванны перед зеркалом, разглядывает себя, разговаривает, курит с бокалом вина в руке, потом слегка приглаживает волосы расческой, накладывает косметику, а во время этих ритуальных движений делает комментарии: „Гм... неплохо, да, вот так хорошо... можно сказать, что это“... Говорить по телефону в коротких штанишках — это, очевидно, предлог. За рулем автомобиля она буквально сражается с зеркалом заднего вида. Она постоянно следит за своей мимикой, никогда не бывает удовлетворена тем, что видит, разве что иногда в течение секунды. Странно, что мы все еще живы.

Моя мать рассталась с отцом при жутких обстоятельствах. Однажды, будучи в гостях у родителей, мой отец собирался написать картину... Мне рассказывали, что мама набросилась на него, как кошка, поцарапала, разорвала эскиз, повсюду разбросала клочки бумаги и после этого ушла. Через три дня ее нашли в лесу в полной прострации, в разорванной одежде. Она разговаривала с папоротником. Кто его знает, что она рассказала этим несчастным растениям. Моя мать обожает все, что имеет растительное происхождение.

Утром я часто застаю ее медитирующей в странных позах. Она говорит мне: „Накапливаю энергию на весь день“. Понимаешь, моя мать горожанка, антиглобалистка, приверженец экологически чистых продуктов, имеющая склонность к терроризму.

Как-то летом нам с братьями довелось проводить время в Лорзаке вместе с Жозе Бове^[10] и его бандой деревенских олухов, этаких псевдоинтеллигентов с грубыми манерами. Они, считая себя новыми антилиберальными сторонниками Ганди, провели акцию — уничтожили поле трансгенной кукурузы. Мои братья были разочарованы. Им было все равно, трансгенная кукуруза или нет, просто им не нравилось, когда вырывают растения. Им было не по себе. В любом случае, везде одна химия. Ведь даже мы, человеческие существа, тоже были генетически модифицированы.

Для моей матери декоративное искусство — это всего лишь использование старых вещей. Она может сказать: „Смотри, дорогая, я смастерила новый абажур!“ На самом деле она просто приклеила к лампе мешок из-под лука. Моя мать коллекционирует абажуры из джутовой ткани и еще бог знает что. Она — королева пресловутого деревенского дизайна, но с явными элементами стиля ретро. Например, она часто украшает мебель венками из засушенных цветов. Она также кладет цветы в салат: одуванчики и лепестки фиалки. Для нее это совершенно необходимо, чтобы оставаться модной. К тому же она все время ест семечки. Говорят, это полезно для здоровья. Но у меня впечатление, что она откармливает меня как индюшку.

Ко всему прочему, мама верит в таинственные силы. Она даже примкнула к секте оккультистов, группе сумасшедших, которые крутят столы и вызывают духов. Но не для того, чтобы узнать счастливый номер в лотерее, а чтобы выяснить первую букву имени будущего возлюбленного! Поскольку они ничего не находят оккультными путями, они спят друг с другом. Это более практично. Обмен партнерами и спиритизм. А еще они все берут себе уменьшительные имена, это им кажется более натуральным: Иза, Каро, Фло, Ноно, Крис, Пат... Их последняя акция — вечеринка викингов в горах: одетые в звериные шкуры, они танцуют вокруг костра до тех пор, пока не впадают в транс. Мне кажется, они посмотрели какой-то репортаж по телевизору о танцующих дервишах и решили: мы сделаем нечто подобное, но только на фоне северных пещер.

Моя мать подцепила двух своих дружков именно благодаря этой секте. Сначала появился Анри (Рири). Она сразу стала специалистом в социальной области. Такие потерянные парни, интеллигентные, носители западной культуры ее возбуждают. Ей хочется их спасти, но на самом деле она желает придать себе больше значимости. Это героизм или преданность, за которой часто скрывается гипертрофированная невротическая потребность в благодарности. Я уверена, что настоящих, бескорыстных, искренних бойцов можно пересчитать по пальцам. Но все-таки лучше сумасшедшая Мать Тереза, чем ничего. Анри тридцать пять лет, он преподаватель, лысый, беззубый, живет в грузовике, почти как бомж. Его самый любимый трюк — убегать в горы. Он считает себя самым главным друидом на земле. Он чувствует, как дрожат камни, то есть то, чего не слышит никто. Он все время ест реблошон^[11] и запивает его ликером „Шартрез“ — чудесным лекарством, изобретенным монахами.

Последние выходные я проводила у матери. Обычно я сплю на первом этаже на раздвижном диване. Но вот она с безумным выражением на лице повелительным жестом отправляет меня в мезонин, не говоря ни слова. Невозможно ее послушаться: это почти как объявление третьей мировой войны. Поднимаюсь в мезонин и там испиваю до дна всю чашу моего несчастья... Да, это действительно была война, со стрельбой и патриотическими возгласами. Моя мать и Анри всю ночь занимались любовью. Рано утром, с тяжелой головой после бессонной ночи, спускаюсь вниз и застаю их в самый разгар любовных игр. „Умоляю вас, — говорю я, — ради всего святого, хватит! В понедельник мне сдавать промежуточные экзамены“. Моя мать убивает меня взглядом наповал. Позже, провожая меня на поезд, она говорит: „Нет, ты действительно эгоистка! В первый раз кто-то захотел меня приласкать!“

Теперь она встречается с Полем (Пополем), англичанином, который мнит себя аристократом; ему сорок три года, он живет на антидепрессантах со времени своего последнего развода, алкоголик. Каждый раз, когда он встает с постели, его начинает бить дрожь. Это лесной человек с шевелюрой, как у Тарзана, но более отвратительный, ходит в шортах и зимой, и летом, носит ботинки только фирмы „Катерпиллар“. В его деревенском бараке ноги можно переломать, такой жуткий там беспорядок. Он собирает старые вещи и чинит их. На это уходит уйма времени. В гостиную маминого дома он притащил около двадцати чугунных радиаторов, соединенных вместе в духе инсталляций современного искусства цыганского стиля. Он лепит космос при помощи сварки, используя для этого барабаны от стиральных машин. „Ты понимаешь, дочка, он будет создавать вселенную своими руками при помощи одного только взгляда. У него пламя вырывается из ушей. Он — СОЗДАТЕЛЬ!“ Моя мать от него в восторге. Во всяком случае, пока... Небольшой плюс:

Пополь бисексуален. Никаких хлопот. Наоборот, это придает отношениям определенную пикантность. Благодаря своим редким душевным качествам моя мать смогла превратить своего любовника в гетеросексуала. Каким образом? Да очень просто: она играет роль мужчины и предлагает два половых органа вместо одного. Ловко придумано. Об этом следует подумать. Во время рождественского ужина она деликатно сообщила мне: „Мы с Пополем приобрели игрушку, сексуальный пояс — последний крик моды. Понимаешь, Жеральдина, у него есть женское начало, спрятанное глубоко в душе. А у меня всегда были некоторые мужские качества в подсознании. И мы нашли друг друга. Поль — мужчина моей жизни. В наших отношениях я смогла выразить себя не только как женщина, но и как мужчина. Ведь жизнь так прекрасна, не так ли?“

Туризм во всех формах — великая страсть моей матери. Летом мы часто ездим на мыс Ферре и устанавливаем там палатку... Моя мать приходит в восторг, когда видит океан. Чтобы отпраздновать свою очередную встречу с океаном, однажды она решила не прибегать к помощи эпиляции. Волосы на лобке видны из-под купальных трусов... Ей на это наплевать. Плавки слипаются у нее между ягодицами... Ничего, это нормально. И не надо церемониться. Она приходит на пляж и кричит голосом истеричной девчонки: „Море, это я!“ Затем снимает лифчик, и две ее молочные груди обнажаются. Она в экстазе восклицает: „Я свободна!“ Потом начинает изображать Памелу Андерсон: идет в море, купальные трусы по-прежнему залипают у нее между ягодицами, а ее груди раскачиваются из стороны в сторону. И тут она начинает кричать: „Море! Я люблю тебя!“ — и бросается в воду, как сирена. Но вместо того, чтобы плыть, подняв голову, она начинает жестикулировать, указывая на полотенце. Купальные трусы она крутит в руках, чтобы все могли восхищаться ее чудными формами. И все парни на пляже, читающие газеты, искоса поглядывают на эту безумную русалку. Мама заставила всех, кто пришел на пляж, испытывать неловкость. Но этого мало — она продолжает кричать: „Фантастика! На мне совершенно ни чего нет! Давайте расслабляться! Это каникулы!“ Мой знакомый, который этим летом приехал вместе со мной, не мог прийти в себя от этого спектакля. А моя мать, выйдя из воды, сунула свои груди ему чуть ли не под нос. Потом она стала наносить крем на все тело. При этом она приоткрыла рот, и было похоже на то, что она начнет стонать от наслаждения... Я испугалась, что мой знакомый расстанется со мной...

На следующий день на пляже организовали пикник. Рядом с нами собралась группа подростков с гитарой, у которых были прыщавые лица и длинные волосы. Разглядывая этих милых мальчиков, моя мать тотчас начинает испытывать волнение. Ей приходит на ум очень необычная мысль: она поднимает большой арбуз, приобретенный в Испании как раз для этого случая, смотрит на мальчишек и кричит: „Внимание! Играем в футбол!“ — и бросает арбуз на другую половину пляжа; все игроки вынуждены передавать арбуз друг другу. Наконец он трескается. Мама приказывает: „Теперь все к столу!“ Мы подбираем треснутый арбуз, поскольку мама не выносит, когда выбрасывают продукты. „Мама, вы играли в футбол арбузом. Это стыдно!“ — говорю я. Она возражает: „Нет, не стыдно, они хотят быть такими же свободными, как и мы. Играть с арбузом — это здорово!“ Моя мать собирает мальчиков, использует их, а потом выбрасывает. При каждом разрыве она мне говорит: „Ты видишь, я была права, этот тоже оказался недостойным“. Так она разбила жизнь моему отцу, отчиму и многим другим. Кто следующий? (Жеральдина оглядывает посетителей кафе, сидящих за соседним столиком.) Моя мать — продукт поколения фастфуда, тейлоризации и свободного рынка, все ее фокусы сопровождаются неопацифистским фольклором, приправленным

соусом из эстетики хиппи и эзотеризма. Но это еще не все. Моя мать — как телепрограмма, она все время повторяет одну и ту же картинку — свою собственную.

С годами мама стала считать себя сложной личностью. Анализируя свой образ, она составила каталог женщин: интеллигентка, педагог, спортсменка, девчонка, истеричка. Индийская революционерка, покорительница, рабыня, экспериментатор, грубиянка, ласковая кошечка, зануда, сволочь, эгоистка... Она также может быть бабушкой: вечером она садится в кресло, принимается вязать и смотреть сериал „Комиссар Деррик“. Иногда она классно одевается, а на следующий день ходит чумакая; не моется несколько дней, а затем может облачиться в белое пончо и резиновые сапоги, но никогда не наденет ни юбки, ни костюма. Вот интересный объект изучения для социальных наук. И последний штрих: мама терпеть не может обручальных колец, то есть всего, что способно ее привязать. Она все время повторяет: „Я — дикая трава, люблю жить, как мне хочется...“».

Жеральдина излила душу. Я оказался ее случайным слушателем. Так случайно встречаются поезда и вода из одного сосуда переливается в другой. Сейчас девушка чувствует себя лучше. Она хочет, чтобы мы встретились вновь. Почему бы и нет... Я колеблюсь, но все-таки соглашаюсь. Погода прекрасная. Я мог бы руководить сердцем этого нежного цветка, поделиться частью моего опыта. Я отдамся ей, и мы будем заниматься любовью, поедим блинчиков в Мон-Сен-Мишель, а потом она бросит меня, как ее мать проделывала это со своими любовниками. И все же это будет любопытно. Благодаря нашей чудесной любви она десять лет сможет не посещать психоаналитика. Наши губы робко соприкасаются. Я кладу руку на ее шею, она отталкивает ее, потом улыбается мне. Мы расстаемся, а несколько дней спустя я звоню ей, чтобы рассказать о своих чувствах. «К сожалению, данного номера телефона не существует...»

В апартаментах на улице Тюрен

Звучит джаз. Раздаются голоса. Одна за другой приходят девушки, иногда они появляются группами. Вот уже третий раз я праздную новоселье в этом месяце. И я добился небольшого прогресса: получил десять номеров телефонов, договорился о четырех свиданиях, два из которых оказались неудавшимися. Нормальный результат. Во время первого свидания за ресторанным столиком мне удалось поговорить с Натали в течение двадцати пяти минут: тембр ее голоса и особенно то, что она говорила, настолько вывели меня из равновесия, что я расстался с ней, даже не дождавшись, пока принесут меню. Во время второго свидания дело дошло до постели на квартире у девушки. Не могу сказать, что мне действительно удалось кончить, во всяком случае, все произошло слишком быстро. Наши тела не нашли гармонии, мы стучались коленками. Она не хотела, чтобы я поласкал ее между ног (потому что, очевидно, не хотела делать минет). В половине двенадцатого я ушел, испытывая смущение. По возвращении домой мне пришлось заняться онанизмом, когда я услышал, как стенает от наслаждения моя соседка снизу. У нее вечер проходил хорошо — она нашла свое счастье под одеялом, не задавая никаких вопросов.

Ален, наш хозяин, приготовил мне пунш (в память о времени, когда он работал на Карибах). Он доволен: отбелил себе зубы, используя неизвестное мне стойкое вещество для получения столь блистательного результата, переехал на новую квартиру со своей молодой женой Шан. Она — китайка, убежавшая от нищеты из своей родной провинции. Их

идеальная любовь — результат глобализации — проста как мир. Чудом сбежавшая от порочного хозяина подпольной мастерской, Шан нанялась работать официанткой в один из ресторанов Бельвиля, где и познакомилась со своим европейским принцем. Оказалось, что на тот момент ее будущий супруг потерял всякий интерес к французским женщинам, утомленный их постоянной неудовлетворенностью. И тогда его взгляд в поисках послушной экзотики обратился на представительниц Востока. С тех пор как представился удобный случай, он надеялся на встречу. Десять раз Ален возвращался в ресторан и ел пекинскую утку, прежде чем осмелился заговорить со своей будущей женой, — похвальное усилие, если учесть, что он не выносит китайскую кухню.

В начале их отношений они общались при помощи жестов. Но это их не смущало, так как почти все время они проводили в постели. Затем Шан начала учить английский язык. А теперь все идет хорошо: они создали свой бизнес по импорту старинной азиатской мебели, что дает им некоторую самостоятельность и обеспечивает уровень жизни, соответствующий их идеалу.

Салон площадью сто квадратных метров (с лепниной на потолке и паркетом) заполнится с минуты на минуту. Гости прибывают, словно по сценарию. Порядок появления следующий: педантичные фанаты, воображалы, строящие из себя неизвестно что, наркоманы, живущие в другом временном измерении, опоздавшие интроверты, опасющиеся первых неловких моментов вечеринки.

Постепенно музыка создает непринужденную атмосферу, люди начинают перемещаться. Прекрасный кастинг: молодые и совсем молодые лица, высокий социальный уровень: рекламщики, продюсеры, новоиспеченные артисты, галеристы, гламурные стажерки...

Итак, у меня две мысли в голове: я устремляюсь вперед — жизнь вынуждает; надо действовать, побеждать, открывать неизведанные земли. Мое включение в общий разговор происходит очень деликатно. У меня создается впечатление, что на вечере встретились две подружки и теперь выясняют отношения. Они замолкают, ожидая, что мне наскучит эта ситуация, что мое тело примет необратимую позу, оставив о себе самое незначительное воспоминание. Тогда я, мило улыбаясь, пытаюсь найти повод для ухода, потом начинаю говорить банальности, стараюсь из них выпутаться, применяя неудачную игру слов. Они искривляют рот в виде улыбок, машут руками перед моим побледневшим лицом: «Привет, привет! *Воздушный поцелуй*. Лучше тебя больше не видеть».

Тут меня замечает Ален и подводит к странному существу, подруге своей жены, тоже китайке, но кривоглазой. («Она — класс!») — шепчет он мне на ухо. Интересно, откуда он это знает?) Меня представляют. Пытаюсь найти какую-нибудь тему для разговора, но ничего не идет в голову. Быть может, из-за физического недостатка девушки? У меня ступор или еще что-нибудь? Однако китайка как раз фигурирует в списке моих фантазий. Интересно, вход во влагище у азиаток более узкий, чем у европейек? Пока жив, надо это проверить. К тому же интуитивно чувствую, что китайки должны быть хорошими матерями. Но то, что она кривоглазая... хотя все-таки красивая, несмотря ни на что. Но мне понадобятся месяцы, чтобы к этому привыкнуть.

— Ее подвергали пыткам. Она писательница, как и ты, — сообщает мне Ален.

В это время за спиной моего собеседника появляется чудесная девушка, и она мне улыбается. Я прощаюсь с китайкой. Ничем не могу помочь делу глобализации и солидарности собратьев по перу. Останавливаюсь рядом с улыбающимся созданием.

Незнакомка, оказывается, меня знает.

— Здравствуй, меня зовут Корин. Изабель мне о тебе рассказывала.

— Изабель? Но...

— Да, она тоже здесь, посмотри туда.

Около стойки вижу знакомую фигуру — Изабель мне коротко кивает.

— Ты знаешь, она тебя очень любит. Ты ей здорово помог. Она сказала мне, что...

— Да ничего особенного. А как ее фильм?

— Она снова взялась за написание книги.

— Очень рад.

— Изабель послала меня к тебе, чтобы сказать... Сама она не осмеливается с тобой заговорить.

— Не стоит. Надо быть проще.

— Но она не одна.

Изабель вновь делает мне знак. Она пожимает плечами, указывая мне на какое-то неудобство. Рядом с ней мужчина зрелого возраста, у него волосы с проседью. Он смотрит на меня с мрачным видом.

— Что это за тип?

— Это ее муж.

— Ого!

Неужели Изабель рассказала ему о нашей тайне? Это объяснило бы его мрачный взгляд самца, который почувствовал конкуренцию. Физически ощущаю, как меня обдают волны его магнетического презрения. Черт! В курсе ли он, что я познакомился с его женой довольно странным образом? Хотелось бы поразмыслить над ситуацией, но Корин не дает мне на это ни секунды, забрасывая меня вопросами. Что я люблю, что читаю, каковы мои планы на будущее, каковы мои артистические пристрастия, какие у меня отношения с дочерью, как я определяю любовь, каковы мои политические убеждения? Можно ли еще изменить ход событий? Верю ли я в победу «зеленых»? Куда катится мир? Что я думаю по поводу трансгенных растений и животных? Является ли клонирование опасным для человека? Существует ли у бизнесменов коммерческая этика? Сможет ли человечество когда-нибудь освоить другие планеты? Являюсь ли я сторонником психоанализа Фрейда или Лакана^[12]? Осознаю ли я свое женское начало? Кого я предпочитаю, собак или кошек?

Она не так проста, эта Корин. Она в поиске. Пытаюсь понять, о чем она думает, разговариваю с ней, мы обмениваемся мнениями, и, находясь рядом с этой женщиной, которую волнуют глобальные проблемы человечества, я спрашиваю себя: смогу ли я в нее влюбиться? Смогу ли воспринять проблемы других людей и заинтересоваться ими, создавая новые отношения, снизойдет ли на меня эта благодать? Корин — автор документальных фильмов, она вернулась из Афганистана, откуда привезла снимки жен бойцов движения «Талибан». Вот почему ее так волнуют политические и общечеловеческие вопросы.

В центре зала появляются танцующие пары. Они движутся вперевалку, и каждый из партнеров претендует на какой-то стиль. Кажется, каждый танцующий словно говорит: «Я не такой, как другие. Я живу в своем собственном пространстве. У меня своя история. Я сочетаю движения твиста и элементы танца в стиле хип-хоп». Кто-то трогает меня за плечо.

— Абдель, какого черта ты здесь?..

— А ты?

— Меня пригласили друзья моих друзей. Да, мир тесен.

И вот неожиданность — он пришел не один, его сопровождает Фадела. Она здорова со мной, испытывая небольшое смущение; но Фадела по-прежнему активная, а в этот вечер еще больше, чем всегда. А два ее огромных снаряда готовы развязать тотальную войну гормонов с хирургическим посягательством на стратегические и интимные места. Ее глаза сверкают от любви к Абделю. Я завидую ему и хотел бы быть на его месте.

Тут же представляю себе позы, в которых они получают вожделенное наслаждение, причем практически одновременно. На устойчивом стуле, стоящем на краю балкона; стоя на одной ноге, в субботу, в кабинке для примерки магазина «Галери Лафайет» при полном скоплении народа. Как ему удалось завоевать сердце Фаделу? Он отводит меня в сторону и шепчет как заговорщик:

— Мы встретились как-то вечером. Она слишком красива, ты понимаешь? Я о многом с ней говорил. Больше всего вопросов вызвала история с ее братом. Оказалось, что он стал педерастом. Тогда ему оказали услугу, впрочем, он на все соглашался. Он переспал с одним моим приятелем, и тот его выдал. Ласки и алкоголь сделали свое дело. И это еще, как говорится, счастливый случай. Я так думаю. Так или иначе, прекращаю пить. Я был потрясен рассказом Фаделу, ее искренностью. Я даже не думал больше о том, чтобы завязать с ней романчик. Я хотел жениться на ней и иметь общих детей. Хотел стать отцом для ее отпрысков. Я изменил ей только два или три раза с тех пор, как мы вместе. Вот и все. Не надо на меня сердиться. Это сильнее меня. Мне нужно плохо себя вести. Я решил вместе с ней вступить в борьбу: ликвидировать религиозный фундаментализм, защитить прогрессивный ислам, объединить как можно больше представителей интеллигенции вокруг этого вопроса. С другой стороны, необходимо бороться с американским империализмом. Это — одна из форм фундаментализма. Все это неразрывно связано. Я на стороне палестинцев, ты понимаешь? На Израиле тоже большая вина: захватить чужие территории — это ужасно!

— Да, но арабские страны все еще не признали Израиль как самостоятельное государство, как быть?

— На это мне наплевать. Для меня, по сути, существуют лишь две вещи: секс и писательство. А остального я не понимаю.

— Ну, секс... почему бы и нет. А вот писательское дело...

Он вынимает из кармана пачку фотографий, сделанных «Поляроидом».

— Посмотри, вот что я люблю.

И показывает мне откровенные снимки своих любовных утех: он сам, переодетый в травести, вонзающий член в Фаделу. Она, обнаженная, опутанная веревками, ее лицо закрывают растрепанные волосы.

— Я фотографировал сам, — признается он. — Поэтому снимков так мало.

В нашу сторону направляются Корин и Фадела.

— Быстро, спрячь это.

Запихиваю фотографии в карман, смахиваю прядь волос, упавшую на лицо. Пытаюсь скрыть свое смущение.

Девушки, кажется, сразу прониклись симпатией друг к другу, у них обеих хорошее настроение. Они идут рука об руку и смотрят прямо в глаза друг другу. Так зарождается дружба...

Что думать об Абделе и его любовных приключениях? Быть может, он подражает герою культового фильма Паоло Пазолини^[13] «Теорема», сыгранному потрясающим актером

Теренсом Стэмпом. Он изображает вторгнувшегося в одну семью ангела-убийцу, который вызывает у ее членов сильнейшее сексуальное влечение к своей особе. В то же время он изобличает их в жестокости и неприглядности глубоко запрятанных желаний.

Вечеринка достигла своего апогея. Аплодисменты сопровождают звучание новых шлягеров. Складываются парочки. Возможно исполнение обещаний. Наутро намечается похмелье.

Присоединяюсь к танцующим и демонстрирую свои таланты. Муж Изабель несколько раз испепеляет меня взглядом. В ответ получает мою глупую улыбку.

Корин представляет Фаделу Изабель. Я на расстоянии наблюдаю за этой встречей.

Позже, на рассвете в коридоре, идущем по направлению к спальне, раздаются крики. Гости расступаются, освобождая место, и в тусклом свете появляются Абдель и муж Изабель, схватившиеся в драке, в разорванной одежде. Их потасовка выглядит как жалкое подобие петушинных боев, которые показывают в плохом качестве на кабельных каналах. Корин и Фадела пытаются разнять мужчин (Изабель пребывает в полной прострации), но им достаются только оплеухи. Бедные малышки! Я уйду, не попрощавшись. Иду по тротуару и ловлю такси.

Площадь Бастилии

Да, с этим не поспоришь: Элоди похожа на героиню культового фильма «Чужой» — лейтенанта Эллен Рипли в исполнении Сигурни Уивер. Особенно в той сцене, когда Рипли встречается нос к носу с монстром. Вспомнив эту сцену, я в порыве чувств иду на свидание с Элоди. Она высокая, утонченная, с ямочками на щеках, у нее взгляд, устремленный в межзвездное пространство.

— Ты знаешь, а меня не в первый раз сравнивают с Сигурни Уивер, — доверительно сообщает мне она, прежде чем сделать глоток экзотического бразильского напитка кайпиринья.

— И тебе это нравится?

— Сигурни — красивая женщина. А потом, я очень люблю кино, да и почему бы не пожить на космическом корабле.

После месяца мимолетных встреч, вмешательства общей знакомой (ее излюбленная манера — заставить меня ждать, поджаривая на медленном огне) Элоди подхватывает меня буквально в последний момент, когда я уже решаю отказаться от этой затеи. Когда ужин закончился, она приглашает меня в кафе на площади Бастилии. «Очень симпатичное, уютное местечко, где можно спокойно поговорить, понимаешь?» — спрашивает она. «Да, конечно», — отвечаю я.

— Ну что, закажем еще по кайпиринье, — предлагает Элоди.

— Давай, сегодня же пятница.

Она похожа на ребенка, который слишком рано полюбил простые желания, требуя их немедленного удовлетворения. Движения ее губ и ее намерения означают следующее: мир состоит из прямых и кривых линий, достаточно лавировать между ними, не задавая вопросов.

— Если ты пойдешь в туалет, то будешь удивлен, — предупреждает она.

— Это как-то связано с Сигурни Уивер?

— Ничего не скажу — сам увидишь.

— Ты довольна своей работой?

— Да, я могу распоряжаться своим временем как хочу. Моя профессия — специалист по компьютерной графике на телевидении — относительно спокойная. Я разрабатываю оформление программ.

Девушка, сидящая за соседним столиком, начинает на меня поглядывать. Что-то происходит. Я в этом уверен. Я в ее вкусе. Но мне нужно быть осторожным. Элоди замечает мои косые взгляды, бросаемые в направлении конкурентки. Рискую получить оплеуху прямо на глазах у публики. Что бы такое рассказать интересное?

— Дизайн изображения — это класс. Это требует таланта и технических знаний.

— В жизни все должно идти своим чередом. Мы развиваемся в мире изображений, носителей информации. Мы должны выделяться и осознавать себя в окружающем мире. Хотя я предпочитаю вести скрытую игру.

— Но скрытая игра это тоже код изображения, не так ли? — говорю я, стараясь сосредоточиться, и борюсь с неистребимым желанием посмотреть на мою соседку, хорошенькую брюнетку.

Она собиралась подвести черту под всем тем, что называется любовными глупостями. А теперь она увидела меня, и у нее появилась надежда. Она поняла, что ВСЕ еще возможно.

— А как твои писательские дела?

— Я этим почти не занимаюсь.

— Как так?

— У меня пропало желание писать.

— Так пиши для себя, для собственного удовольствия.

— Мне нужно найти какую-то новую форму, ниточку, за которую можно потянуть, светлую улыбку... я в поисках неуловимого мира.

— А пока ты все еще «негр», не так ли?

— В Париже писатели и издатели нагоняют на меня скуку. Мир изменился. А они все еще находятся под впечатлением от утопических мечтаний девятнадцатого века.

— Быть «негром» значит отказываться от авторства написанных тобой произведений.

Обескураженный таким точным определением, я колеблюсь. А я еще посчитал ее дурочкой. Она разгадала обратную сторону моего мужского начала!

— А что ты будешь теперь делать? — спрашивает Элоди.

— Черт возьми, вопрос бьет наповал. Ну, я хотел бы обосноваться в Рио и бороться за мир во всем мире.

— Тогда я еду с тобой!

— Да я сказал это просто так. Это символ, вариант возможной жизни...

— Ну, хорошо... А как твоя дочка?

— Пфф, не так-то легко быть объективным. Представь себе, она такая миленькая. Это правда. Мне повезло. Дочка растет.

— Ты меня с ней познакомишь?

— Хорошо, посмотрим... Во всяком случае, я делаю все, чтобы ее защитить.

— Ты душка...

Невероятно! Брюнетка за соседним столом снова бросает на меня взгляды. Мне выпал счастливый билет. А что если она... та, которую ждешь всю жизнь, не смея надеяться на удачу, та родственная душа, та женщина провидения, которая согреет мою постель, когда зимний холод пробирает до костей.

— Что для тебя значит быть отцом?

— А ты как думаешь?

— Не знаю, быть отцом тяжело...

— А ты знала отцов?

Элоди вдруг резко меняет тему разговора и начинает мне говорить «о радостях мирской жизни».

— Больше всего в жизни, — сообщает она, — я люблю ужинать с друзьями и подружками, посещать ночные клубы, гулять за городом, проводить выходные под теплым одеялом с возлюбленными, одновременно смотря по телевизору хороший американский сериал. Например, «Друзья», ты его знаешь? Идет по кабельному телевидению. Это история о молодых людях, которые живут в одной квартире.

— Да, я видел одну или две серии. Любопытно. (В действительности я посмотрел полсерии, чтобы иметь представление, о чем говорить, если в разговоре с девушкой возникнут «друзья».)

— Тебе понравилось?

Моя соседка буквально пронзает меня взглядом, она точно от меня без ума. Это хорошо... во всяком случае, она готова расстаться со своим дружкой. Бедняга, мне его жаль, ему даже трудно усидеть на стуле. Он сейчас упадет и подсядет на антидепрессанты. Эй, старик, да не напрягайся ты так.

— Эй, алло?

— Что? А да, «Друзья»! Конечно! Скажешь тоже. Диалоги прекрасно написаны. В Голливуде они на это мастера. А у нас, французов, хорошее вино. У американцев же лучшие сценаристы.

— Ты знаешь, я обожаю смотреть телевизор.

— Подождешь меня две минуты?

— О, ты не будешь разочарован...

Проходя к туалетной комнате, останавливаюсь у столика, за которым сидит прекрасная брюнетка. Я наклоняюсь, делаю вид, что завязываю шнурки. Но, черт побери, теперь эта дурочка меня совсем не замечает. Что это за история? Я тебя чем-нибудь обидел, дорогая? Ее парень буравит меня глазами, взгляд у него не то депрессивный, не то тупой. Подожди, голубчик, это еще не конец. Ничего страшного. Я тоже с подружкой. Она там... в пяти метрах. Ну наконец-то, туалет. Спускаюсь. Я уже там. Господи, что это за дикая музыка, сотрясающая стены? Ну и устал же я сегодня за вечер. Интересно, как все закончится с Элоди? Или, может, в последний момент она передумает? Все, привет, до скорой встречи. Хорошенькая девушка, быть может, немного манерная, но не более того. Немного глупая, но не более того. Черт, но кто же это говорит моим голосом? Заткнись, проклятое отродье!

Вхожу в туалетную комнату и обнаруживаю сюрприз, обещанный моей избранницей: стены, пахнувшие аммиаком, превращены в выставку гигантских пенисов, нарисованных от руки. Во всяком случае, я был предупрежден. Тон задан. О'кей, принято. погоди, лапочка, я доведу тебя до экстаза, сама не заметишь как.

Когда я возвращаюсь к столику, Элоди одаривает меня невинной улыбкой.

— Ну как, ты видел? Согласись, шикарно сделано.

— Да, занятно, — киваю я.

И тут вдруг опять вмешивается дурацкий внутренний голос: эй, дорогуша, не думай, что я сложен как бог, не думай, что я король в амурных делах. Мне просто хотелось бы

влюбиться, вот и все. Это не так сложно. Мне просто хотелось бы найти успокоение в компании с какой-нибудь женщиной. Мне хотелось бы просто войти в тебя, а потом приоткрыть твою душу. Мне просто хотелось бы сразить тебя наповал, и чтобы потом ты безумно страдала от своей страсти.

— У тебя задумчивый вид, — замечает Элоди.

— Может, пойдём подышать свежим воздухом?

Вечер теплый, хотя вот-вот пойдет мелкий дождь.

Несколько минут стоим перед зданием оперного театра на площади Бастилии. Ночь. Мы стоим напротив друг друга. Наши тела соприкасаются. Однако до нашего первого поцелуя еще очень далеко. Далеко и близко: это тот тип ощущений, которые могут волновать человека на протяжении всей жизни.

Мы дрожим. Возникает желание прильнуть друг к другу. В чувствительных местах начинает ощущаться покалывание. Но нужно держаться — терпеть. Один из нас готов броситься в холодную воду, не так ли? Ведь в этом и состоит обычная процедура.

— Как ты? Все хорошо?

— Да, а ты?

— Ну, я... я люблю гулять ночью по Парижу, — говорю я.

— Ах, вот как? Это хорошо. Просто, я хочу сказать... Это приятно.

Черт, что бы такое рассказать, чтобы выглядеть привлекательным?

— Да, забыл спросить: у тебя есть братья или сестры?

— Ты меня уже об этом спрашивал за ужином. Ты — славный...

Элоди странно смеется. Думаю, это хороший знак. Она поддается...

Мы пересекаем площадь.

Надеюсь, что мы направляемся к дому Элоди.

Проходя мимо вереницы лодок, думаю о своей судьбе: мне кажется, я самый непонятный парень во всей вселенной. Нет фотографии. Черт побери, теперь я должен спросить себя: а откуда я? Что я могу сказать в час «Ч»? Как мой отец, депортированный из Алжира француз, я сражен изгнанием и расставанием с родиной. Потерянная земля, несбыточная мечта о женщине, о любви, о творчестве. Как мой отец, я ищу новое эльдорадо, писатель-призрак, превращенный в «негра» — другое лицо изгнания. Наши судьбы. Наши понятия теории детерминизма...

В конце набережной замечаю темную массу: ворота шлюза, отделяющие Сену от канала.

— Люблю корабли, — подает голос Элоди. — Мне хотелось бы однажды совершить кругосветное путешествие на большом паруснике. Держу пари, что ты обожаешь романы Маргерит Дюрас^[14].

— Это верно.

— Ну, так давай воспользуемся случаем.

Приближаемся к шлюзу. Пересекаем мостик, доходим до противоположной стороны набережной. Вновь идем в направлении площади Бастилии, как если бы мы искали выход из создавшегося положения.

— Я думала, что можно выйти с этой стороны бульвара Бурдон, — беспокоится Элоди.

— Кажется, нет. Ворота закрыты. Ты читала «Бувар и Пекюше», неоконченный роман Флобера?

— Нет. А что?

— Встреча двух героев происходит как раз на скамейке бульвара Бурдон.

— Мне уже хочется его прочитать. Спасибо, Матье.

— Но ворота все-таки заперты.

И тогда мы идем назад, немного раздосадованные этой небольшой неудачей.

Выпитый алкоголь и страх перед любовным свиданием сковывают наши тела. Понемногу мелкий дождь начинает проникать сквозь одежду. Желание познать тело Элоди превращает меня в сумасшедшего. Желание и страх заставляют перейти границы дозволенного.

Я останавливаюсь и беру ее за руку. Самое время попытаться счастья. Элоди долго на меня смотрит. В ее глазах отражаются огни фонарей ночного города. И вдруг она набрасывается на меня. И я тоже кидаюсь к ней. Тепловой удар. Перегрев. Прислоняю ее к стене, стаскиваю брюки, лижу ее между ног. Затем она расстегивает молнию на моих брюках, и мой пенис оказывается у нее во рту. Мы растворяемся друг в друге и разрываемся на части. Мы — участники дуэли и стараемся как ненормальные.

— Пойдем! — кричит Элоди.

Бежим полуголые и подпрыгиваем, словно африканские козочки, напичканные амфетаминами.

Кидаемся в такси, потерявшиеся в водовороте поцелуев, покусываний, хрипов.

Шофер, старый развратник, начинает мастурбировать, но когда я выхожу из машины, то не удерживаюсь, чтобы не отвесить ему замечательную оплеуху. Это еще больше возбуждает Элоди. Ее глаза расширяются от удивления.

— Да ты ужасен, мой маленький боксер, — говорит она. — Иди ко мне.

Площадь Вогезов

Спектакль был отменен из-за короткого замыкания в сети. Сцена, погруженная в темноту, оттолкнула всех зрителей. Даже самые большие любители театра были вынуждены смириться: на устранение аварии уйдет несколько дней. Вот незадача, а я рассчитывал вздремнуть во время спектакля. У меня такая привычка — спать, несмотря на смех малышей. Большинство представлений для детей всегда приводили меня в замешательство. Сказки о волшебных феях, битвы в космическом пространстве, истерические крики войны, животные, которые говорят как мудрецы, куклы-марионетки со страдающими лицами — все это наводит на меня величайшую скуку.

Луна раздосадована. Она топает ногами.

— Папа, что же мы теперь будем делать?

Малышка права, не можем же мы оставаться на тротуаре, ожидая какого-нибудь необыкновенного события. Можно долго ждать, но ничего не произойдет. Проблема в том, что все подружки моей дочки разъехались на выходные к своим тетюшкам и дядюшкам, живущим за городом. Предложение пойти обедать домой повисает в воздухе.

— Может, навестим твоего крестного, Гийома?

— Хорошая мысль, папа. Я могла бы поиграть с Аристотелем.

Оставляем послание на автоответчике. Звонок не прошел. Сеть занята. Короткий разговор из-за неправильного набора номера. Кто-то пытался мне дозвониться, но номер скрыт, и для меня никакого послания. Боже мой, кто бы это мог быть? Одна из моих бывших, полная сожаления, стремящаяся получить прощение? Теряю целый час, чтобы раскрыть эту

тайну. Наконец, все проясняется: торговый агент моего поставщика хотел бы предложить мне новый продукт. Он признается, что это он хотел только что до меня дозвониться. Ненавижу такие методы. Кричу в трубку: «Мсье, это нарушение правил!» Мы ругаемся. Люди в автобусе начинают беспокоиться. Луна плачет. В жизни не все так просто.

Два часа спустя. Площадь Вогезов. Луна нашла детей, с которыми можно поиграть, недалеко от песочницы.

— Твоя дочурка действительно очень мила, — говорит Гийом, садясь рядом со мной на скамейку.

— По крайней мере, хоть в этом я преуспел.

Гийом выпрямляет спину; у него такие же широкие плечи, как у нападающего в регби. Он спокойный, крепкий и очень человечный. Он держит себя в отличной форме не для того, чтобы производить впечатление на проходящих девчонок. Гийом готовится к потенциальному концу света, чтобы суметь дать отпор горстке нападающих. При этом надо предвидеть все варианты. Если принять во внимание напряженность, существующую между народами, распространение мистических бредней, уловки средств массовой информации, потепление климата, то следует опасаться всевозможных конфликтов и к ним готовиться. Другая причина: по мнению Гийома, только стойкость при получении ударов и мощнейшая умственная концентрация могли бы способствовать полному преобразованию тела. Гийом занимается боевыми искусствами, цель которых — научиться не чувствовать боли.

Несколько месяцев назад я впервые увидел его после первого жесткого контакта с противником. Гийом находился в плачевном состоянии, он шел боком, сжав руки, на лице застыло выражение ошеломленного оцепенения, он сплевывал сгустки крови.

После нескольких месяцев тренировок его тело словно налилось свинцом. Отныне его рукопожатие заставляет стискивать зубы от боли, а его дружеское похлопывание по спине вызывает шоковую волну, которая распространяется по всему позвоночнику. Какая-то машина у пешеходного перехода внезапно изменила траекторию движения, обогнула Гийома, как будто перед ней оказался магнитный щит, и врезалась в витрину небольшого магазина. По другой версии, более рациональной и правдоподобной, у несчастного водителя, начальника отдела предприятия, где подрабатывает Гийом, случился сердечный приступ при виде своего подчиненного.

— Существует одно неудобство, — говорит Гийом, — в частности с девушками. Мне не удается завязать романтические отношения более чем на две недели. Либо девушка задыхается, когда я обнимаю ее, либо у нее случается растяжение мышц, либо она плачет без всякой причины. И так я все время терплю неудачу. Все они начинают меня бояться и убегают. Понимаешь?

— Ты больше сам не ощущаешь своей силы. Все дело в умеренности.

— Хотя мне кажется, что я очень нежен.

— Виной всему смещение силы и магнетического притяжения. Скажу тебе прямо: ты стараешься стать необычайно выносливым мужчиной нового типа — превратиться в нечто среднее между шаманом и атлетом Древней Греции. Не промахнись, парень. Ты станешь объектом для научного исследования. Твои действия будут изучаться в лабораториях.

— В том спортивном клубе, куда я хожу, я познакомился с симпатичной девушкой. Ее зовут Таня, и она русская. Вот уже месяц как мы встречаемся.

— Ты побил свой собственный рекорд.

— Думаю, мы просто нашли какое-то равновесие. Некий уровень стабильности. Таня —

загадочная женщина, такие мне нравятся. — Гийом оживляется. — Ее отец, Владимир, остался в России и тоже увлекается боевыми искусствами. Сначала мы даже боялись прикоснуться друг к другу. Сейчас все идет хорошо. Она сама сделала первый шаг. Таня попыталась нанести мне удар ногой прямо по лицу, как во французском боксе, но я сумел ловко отклониться. Потом она продемонстрировала удар с разворотом и предприняла серию атак, причем все это сопровождалось криками довольно редкого вида обезьян. Поверь мне, я в этом разбираюсь, но никогда прежде я не слышал таких звуков. Это было наше первое боевое и романтическое сражение: смесь греко-римской борьбы, капоэйро и карате и самых изощренных сексуальных поз. Иногда это бывает утомительно, но, тем не менее, мы любим друг друга. Не хочу жаловаться, мне ведь в первый раз удалось удержать девушку.

— Ты делаешь успехи, это очевидно.

Гийом вновь погружается в свои мысли.

— Однако существование моего пса Аристотеля пока еще не очень совместимо с другими сторонами моей жизни, — говорит он после паузы.

— Бульдог — источник неприятностей.

— Да хватит, я обожаю эту собаку. Аристотель очень забавный. Я огорчен, что Луна не смогла его увидеть, — это был час отдыха, и я не мог его разбудить.

— А Тане нравятся гладкошерстные собаки?

— Ей — да, а другие девушки пугались. Вчера этот шельмец сгрыз половину моего дивана. Таня долго смеялась. Надеюсь, наша семья из трех членов будет счастлива.

— Будь бдителен. Аристотель все-таки непростая собака, и у него такая огромная пасть...

— Это нормально, английские собаки были выведены путем скрещивания, специально, чтобы умирять быков.

— Но Аристотель не похож на других собак.

— Вот почему мне хочется провести с его участием новый опыт.

— Не вздумай!

— Да нет же, я просто хочу пожить на паласе и передвигаться на четвереньках, чтобы посмотреть на его реакцию.

— Думаю, ты много не добьешься, — говорю я.

— А у тебя сейчас странное выражение лица... Почему ты такой бледный?

— Я познакомился с девушкой и...

— И что?

— Ее зовут Элоди... она похожа на Сигурни Уивер.

— Элоди? Я ее знаю. Она занимается компьютерной графикой, не так ли?

— Ты спал с ней?

— Нет, мне не захотелось.

— Почему?

— Не знаю. Что-то в ней меня пугает.

— Да? Ты думаешь, что...

— Ну, говори, ты влюбился?

— Может быть. Скажем... Я сейчас где-то очень далеко, на краю рая, или... на краю пропасти.

— Ты должен понять, что с тобой происходит.

Наступает вечер. Мы уходим с площади Вогезов и возвращаемся домой. Луна держит

меня и Гийома за руки. Как будто у нее два папы. Помимо своего биологического отца, все девочки хотели бы иметь кучу других пап, будь то крестные, друзья, клоуны или танцоры.

Гийом отказывается с нами вместе поужинать. Он спешит — нужно выгулять Аристотеля. Луна обожает этого бульдога, она надеется скоро его увидеть. Мы договариваемся о встрече на завтра, чтобы она смогла поиграть с Аристотелем и вскарабкаться на его спину. Эта огромная собака всегда подчиняется, невозмутимо, отстраненно. По странному стечению обстоятельств Аристотель наделен теми чертами, которых не хватает его хозяину: он совершенно нечувствителен к боли. У него чисто рефлекторная реакция. И все. Гийом убежден, что его собака общается с миром, к которому человек, бедняга, доступа не имеет.

Большая квартира на улице Марэ

Дверь мне открыла Элоди, с улыбкой на губах; она надела короткую юбку и ажурные чулки в предвкушении сладких часов, которые мы проведем вместе. Я не осмелился страстно поцеловать ее в губы. Она сказала: «Налей себе виски, а я сейчас приду» — и закрылась в ванной.

В гостиной есть балкон, откуда открывается прекрасный обзор. В библиотеке не много книг и минимум полок. Но те книги, на которые сразу падает взгляд, говорят о желании хозяйки оставаться в курсе последних литературных новинок. Некоторые книги — это подарки к Рождеству, сделанные в последнюю минуту близкими родственниками, не имеющими богатого воображения. Имеются несколько Гонкуровских лауреатов, а также книги, получившие премию «Фемина»^[15]. Вижу, что Элоди подчеркнула некоторые места в моем романе. Чувствую, как кровь приливает к щекам. Значит, Элоди не обманула и прочитала мой роман. Я испытываю ощущение значительности. Нет большего болвана, чем автор, это надо понимать. Созидать — значит украсть, выпить всю кровь. А потом жаловаться. Вот, она подчеркнула красным карандашом те места, где говорится о сексуальных наклонностях моих персонажей, а также лирическое описание пейзажа, на фоне которого совокупаются животные-монстры. Мне стыдно, что я написал эту книгу. Лишь бы Элоди ничего не сказала мне об этом сегодня вечером.

Вообще-то, мы все — воришки и нытики.

Сияющая Элоди появляется в гостиной. Изящная, непринужденная и уверенная в себе. Почему же у меня дрожат ноги?

Ужин при свечах был намечен как минимум неделю назад. Меня поражает то, как тщательно к нему подготовилась хозяйка дома. Ее вопросы по поводу моей дочери и моих желаний построить новое будущее неизменно повторяются с разными оттенками одобрения моих ответов, уловок, ненавязчивых заключений. Погоди, моя козочка, я бы хотел, чтобы ты надела кольцо на мою плоть, но не на палец — я слишком дорожу свободой холостяка, своим одиночеством, своим «поражением» в семейной жизни. Хочу возделывать сам свое поле опустошенности, оставаться легковесным, имея минимум обязанностей и возможность каждый день менять свою жизнь, даже если это будет необдуманый поступок. Сходить с истинного пути, поднять на восстание угнетенные народы, ухаживать за прокаженными, способствовать хаотическому движению атомов, изобрести революционный налог, перевернуть мировую экономическую систему, возглавить добычу черного жемчуга на Таити, познать любовь миллионов неприкосновенных женщин, чувственных и наивных.

Изменить свою семейную несчастливую судьбу депортированного француза, пустить корни на обетованной земле, уйти в монастырь, чтобы создать шедевр, побороть условности, познать нищету и оказаться распятым на кресте, чтобы затмить славу Христа и объяснить ему, в чем он был неправ, предаться своему безумному воображению, но чтобы за это меня не заставляли мыть посуду или развешивать белье.

На десерт Элоди подает абрикосовый торт. Она включает медленную музыку, берет мою руку и целует между пальцами. Чувствую, что могу разочаровать ее, — я не контролирую ситуацию.

— Мне надо тебе кое-что рассказать, — говорит Элоди. — Ты помнишь, я просила тебя рассказать о твоей роли отца...

— Ты знаешь, этот абрикосовый торт очень вкусный.

То, что она собирается мне сообщить, предваряется несколькими вздохами и потупленным взглядом в поисках зацепки.

— Возможно, это покажется тебе неоригинальным... Мой отец ушел из дому, когда мне было семь лет. Никто не знает, что произошло. В один прекрасный день он исчез. И с тех пор не подал о себе ни единой весточки. Но я уверена, что он существует и где-то живет. Он живет в доме, во Франции или за ее пределами, например в своей родной деревне в Италии. Быть может, он за мной следит? Быть может, сожалеет о своем решении? Постепенно моя мать замкнулась в молчании. Долгие вечера мы проводили вместе, не произнося ни слова. Ее молчание превратилось в неизлечимую болезнь, которая, словно кислота, разъедала ей сердце. Сейчас моя мать живет в Каннах. Мы видимся на Рождество. Неужели все девушки переживают трагические истории, связанные с их отцами? Это происходит чаще, чем можно себе представить: люди исчезают без всякой причины. Некоторые утверждают, что были похищены пришельцами, как в сериале «Секретные материалы», который я обожаю. Я чувствую — мой отец где-то рядом, ощущаю его присутствие. Во мне как будто возникает какая-то вибрация.

— Бедняжка... как же ты настрадалась...

— Хуже всего то, что нет никакой информации.

Растерявшийся, смущенный, я неспособен подобрать нужных слов. Бормочу что-то невразумительное:

— Да... это так трудно... жить с призраком, трудно определить свое отношение к этому...

Элоди сильно сжимает мою руку. Она чего-то ждет от меня, наверное, утешительных слов.

— И что ты собираешься делать? — спрашиваю я.

— Я решила отправиться на поиски своего отца.

— А тебе не страшно?

— Уже нет. Я должна что-то сделать. Найти его и попытаться понять.

— В конце концов, у тебя нет выбора.

— Я тебя очень хочу, — вдруг шепчет она. — В нашем распоряжении вся ночь...

Возьми меня...

— Ты такая красивая... я смущен...

Мы встаем, смотрим друг на друга, словно два потерявшихся зверя, целуемся...

После долгих поцелуев идем дальше.

Постепенно наше дыхание учащается, спадающая с нас на пол одежда напоминает

кустики сорной травы, выросшие по всему коридору, ведущему в спальню. Кожа Элоди пахнет лесной земляникой и перцем. Ее соски твердеют, соприкасаясь с моей грудью. Она обнимает меня за шею и обвивает ногами мою талию; я ее приподнимаю, стискивая ее ягодицы.

Элоди всем своим видом словно бы говорит: «Я женщина свободная, великодушная, без комплексов и отдаюсь тому, кого люблю».

Мы ложимся в постель, Элоди стягивает с меня брюки, рассматривает мои гениталии, венчик волос, который окружает пенис.

— Ты красивый, — говорит она мне, — я тобой займусь.

Она гладит мои бедра, дотрагивается кончиками пальцев до мошонки. Элоди чудно улыбается, когда видит, как я вздыхаю от ее ласк. Дрожь моего тела наполняют ее радостью. Она понимает причину моих вздохов. Она совсем близко.

Элоди охватывает губами «наконечник» моего напрягшегося члена, опускается ниже, потом вновь достигает вершины и начинает ласкать мой пенис. Не знаю, что она делает, чтобы доставить мне такое удовольствие. Как будто ее губы нашли источник моих детских мечтаний, воспоминаний о первых ласках под одеялом: мои ягодицы методично приподнимаются над кроватью, мои вздохи сливаются с ее прерывистым дыханием.

Элоди поднимает голову, смотрит на меня. Ее губы подрагивают, она целует меня. Наши дыхания смешиваются.

Она садится на меня, и теперь я могу любоваться ее грудью. Она берет мой член и проводит им по своей розовой щелочке, влажность которой меня возбуждает и придает заряд сил. Элоди вводит в себя мою мужскую плоть, вскрикивает и делает несколько круговых движений бедрами, еще сильнее возбуждая меня. Она дрожит, слегка опускает бедра, и мой пенис проникает внутрь нее. Затем Элоди останавливается, смотрит на меня и улыбается.

Я целую ее пальцы, а она гладит меня по щеке как своего ребенка. Потом она сжимает ноги, и я полностью в нее вхожу.

— Вот так мне очень хорошо с тобой, — говорит она.

— Подождем немного, иначе я слишком быстро кончу.

— Не беспокойся, — успокаивает меня Элоди. — Мы получим оргазм одновременно: когда я почувствую, что ты кончаешь, я кончу с тобой вместе.

— Ты такая красивая, — говорю я. — Мне хотелось бы поиграть с тобой.

Она начинает прерывисто дышать, двигая бедрами. Потом берет мою руку и кладет ее на свой лобок.

— Ты чувствуешь, как движешься во мне? — спрашивает Элоди.

— Да, конечно, — отвечаю я; ощущать такой контакт — это огромное удовольствие.

Элоди отклоняется назад и упирается руками в мои колени. В этом положении она может изменять глубину проникновения пениса во влагалище.

Она убыстряет ритм движений и начинает без тени смущения стонать. Все естественно и утонченно. Ведь мы живем только один раз.

Элоди уже не контролирует себя, она все быстрее вращает своими прелестными ягодицами.

Ее разгоряченное влагалище сокращается один раз, еще раз... сокращения учащаются. Ручеек пота появляется между ее грудей; он блестит. Элоди издает громкий стон и падает рядом со мной в полубессознательном состоянии. Мы все взмокли.

Поворачиваю к ней голову и целую ее в губы.

Элоди открывает глаза.

— Что произошло? — спрашивает она.

— Не знаю, но все было очень хорошо.

— Ничего не понимаю.

— Все в порядке, не беспокойся.

— Обними меня, мне страшно.

Прижимаю ее к себе.

— Осторожно, Матье, я задыхаюсь.

— Извини, ты так прекрасна.

— Ты так считаешь? Я еще никогда так не кончала. Вся эта история с отцом сводит меня с ума. Я как будто увидела вспышку.

— Вспышку? Быть может, это было что-то космическое?

— Возможно. Мне немного стыдно.

— Да почему, ты просто не осознаешь...

— Что?

— Я хочу сказать, что у девушек так бывает... ну, ты понимаешь?

Она смотрит мне прямо в глаза и спрашивает:

— Ты меня любишь?

— Да... но ведь мы едва знакомы, не так ли?

Элоди вновь смотрит на меня в упор. И это длится целую вечность. Несколько раз смахиваю прядь волос, которая падает мне на лицо. Наконец Элоди говорит:

— Я устала, тебе лучше уйти, а мне нужно немного прийти в себя...

— Вот так, среди ночи? Ведь уже нет никаких такси.

— Пожалуйста...

— Ты так хочешь? Скажи что-нибудь. Ну, хорошо. Очень хорошо.

Я одеваюсь и ухожу.

В зале собраний

Элеонора покинула нашу группу, говорят, она совершает профессиональную поездку за границу... Мне кажется, у нее связи где-то в Антарктике. Но зачем ехать так далеко, чтобы переспать с каким-нибудь парнем? Или для чего-нибудь другого (нет никакой уверенности в информации). Ее заменяет молодая женщина по имени Надеж, стажер-психиатр, девица высшего класса с огромными ноздрями, из которых торчат пучки волос. Ты все предусмотрела, Элеонора! Когда ты вернешься к нам в группу холостяков, ты еще будешь котироваться.

Бернар, бывший заведующий отделом по человеческим ресурсам, ставший прогрессивным председателем нашего собрания, предлагает нам прочесть следующие книжные новинки: «Сексуальное разделение власти» Бриса Манена и «Неудовлетворенность, презрение, восстановление отношений» Тома Дэна. После чего говорит:

— Нужно также отметить путь, пройденный Жюльеном и Стефаном, которые на этой неделе уже приступили к шестому этапу программы.

Потом он делает сообщение практического и административного характера:

— Объявляю вам о создании нового профсоюза отцов-холостяков. Чтобы вступить в

профсоюз, вам достаточно обратиться к Пьеру, который находится среди нас и является одним из инициаторов этого профсоюза.

Пьер встает и говорит:

— Зачем нам нужен новый профсоюз отцов-холостяков? Это ведь не столько для того, чтобы защищать наши права, но чтобы реорганизовать диалог между мужчинами и женщинами на новой основе. Мне бы хотелось создать место для встречи, экспериментальную лабораторию. По своей сути профсоюз — это платформа для создания новых отношений, цель которых — способствовать пересмотру метафизики. Приглашаю вас в конце нашей встречи заполнить анкеты. Приятного вечера, друзья. Отопление не регулируется, и мы погибаем от духоты. А сегодня собралось около тридцати членов клуба.

— Здравствуйте, меня зовут Флориан. Прошло восемьдесят три дня, как я ушел от своей жены к другой женщине, Полине. Но, тем не менее, я чувствую себя одиноким. В тот момент, когда я нашел свою новую любовь, она меня покидает. Однако еще два дня назад она говорила мне о своей страсти. Для нее я был самым замечательным мужчиной на земле. Но она слишком долго ждала моего развода. Я консультировался с психологами из разных стран. По их мнению, все просто: поскольку мечта Полины была удовлетворена, она испытала разочарование. Нужно обязательно знать, что если система ожидания страсти хорошо работает, то все будет о'кей. Создается впечатление, что мозг вырабатывает дофамин, серотонин, гормоны действия, вещества-стимуляторы, понимаете? Как только желание осуществляется, уровень этих гормонов резко снижается. И желание исчезает, воля и внимания ослабевают. Это научно доказано. Я хочу вновь завоевать Полину. Мы переспали один или два раза. Но что-то произошло. Моя жизнь меня разочаровывает, но я все-таки стараюсь держаться.

В бассейне у Центрального рынка

Десять, двадцать, сорок, потом шестьдесят человек бороздят просторы бассейна. Мой кроль все больше походит на праздник скольжения. Я становлюсь безликим, теряюсь в массе людей, я машина, взбирающаяся по склону. Мои мускулы укрепляются, становятся более упругими. При каждом движении рук образ Элоди словно бьет меня по голове, от чего она раскаляется еще больше: вена, вздувшаяся у нее на шее, ее стон, содрогания тела, белесый ручеек, истекающий из ее разгоряченного влагалища. И все смущенные слова, которые последовали за этим неожиданным событием, ее отказ меня видеть, ее молчание, ее исчезновение. Занавес.

Отныне я должен привыкнуть жить с этим образом, потом он постепенно потускнеет, не будет причинять столько боли, рассыплется на куски и постепенно превратится в пыль. Жизнь это не раз подтверждала. Ищу нейтральную мысль, чтобы сконцентрировать на ней свое внимание и прогнать эротическое наваждение. Мне бы хотелось иметь одну или две минуты передышки. Только и всего. Время убежать от своего прошлого.

Я плаваю, делаю успехи, сам себя занимаю. Я поставил перед собой цель — производить движения, которые соответствовали бы стандартам качества всех основных институтов по контролю. Здесь, у Центрального рынка, длина бассейна составляет пятьдесят метров. Плавательные дорожки распределены между определенными группами пловцов, в отличие от традиций других бассейнов Парижа. Здесь плавают строго по правилам: одна дорожка предназначена только для быстрого кроля, вторая — для плавающих на спине,

третья — для брассистов, еще одна — для пловцов в ластах. В некоторые вечера, после окончания рабочего дня, пловцы почти сталкиваются нос к носу. При малейшей задержке вас обгоняют с некоторой долей презрения. Раздаются призывы поднажать, и всячески демонстрируется атлетическое превосходство.

Прежде чем войти в воду, пловцы разминаются — не только для того, чтобы достичь терапевтического эффекта и предупредить растяжения мышц и связок. Их движения похотливы, они адресованы другим мужчинам, истекающим потом. Бассейн у Центрального рынка — это место, где завязываются различные контакты. Сюда приходят в основном геи, как правило хорошо одетые, точные копии Мсье Аккуратность и Джеймса Дина^[16]. Так что здесь может случиться и растяжение мышц ануса.

Для гетеросексуальных мужчин прохождение в душ превращается в настоящее испытание. Здесь тебя вождельно рассматривают при полном молчании, поэтому приходится, стискивая зубы, сдерживаться, чтобы не удушить кого-нибудь из завсегдатаев. Теперь я лучше понимаю, что испытывают девушки при похотливых взглядах парней. Обещаю вам, мои подружки, я больше не буду раздевать вас взглядом. Вы можете быть спокойны. Я не хочу вас потерять, лучше оставаться с вами в контакте. Ну, разве что время от времени, беглый взгляд, походя — не сердитесь на меня за это, я все-таки не законченный негодяй.

На террасе кафе «Прогрэ»

Какая-то девушка, на первый взгляд даже миленькая, останавливается у нашего столика и спрашивает:

— А это английский бульдог?

Гордый за своего пса Гийом дает положительный ответ.

— Он симпатяга, — осмелев, произносит незнакомка. — Можно его погладить?

— Без всякого риска. Он добрый, как теленок.

Сердце Гийома наполняется радостью, когда он видит, с какой симпатией незнакомые люди относятся к его собаке. Ему кажется, что он сам отчасти является источником эмоционального энтузиазма, которое вызывает четвероногое чудо природы. Везде, где бы ни находились Аристотель и его хозяин, ласки и внимания удостоивается в первую очередь животное. Гийома любят из-за его пса. Эта опосредованная любовь, кажется, во многом способствовала его самоутверждению. Ну что же, пусть так. А не испытывает ли он определенной зависти к успеху своей собаки? В течение нескольких месяцев пес стал звездой. Его выбрали как модель для государственной рекламной кампании, и уже различные толки ходят по этому поводу. Кроме того, Аристотель провозглашается собакой, обладающей магической силой, излечивающей от депрессии.

— Я ничего не знаю о твоих проблемах с Элоди. Как тебе выкрутиться из этого положения?

— Я старался изо всех сил, ты это знаешь.

— Все-таки ее реакция довольно странная... нет, это невозможно, ты что-то от меня скрываешь.

— Думаю, я тебе все сказал: мы занимались любовью, а потом она вдруг неожиданно ушла. Вот и все.

— Гм... Ты, наверное, странно себя вел...

— Не более странно, чем обычно.

— Хорошо, попробую с ней связаться. Я сумею ее разговорить.

— Ну...

— Что еще?

— Ничего... Мне кажется, что Аристотель какой-то странный сейчас.

— Это настолько заметно? Ты прав, его половой инстинкт обострен как никогда...

Вид совершенно обычного предмета, сумка в руках или ранец регулярно вызывает у Аристотеля желание совокупляться. Он может взобраться на что угодно и раскромсать все, что оказалось у него в лапах. Его довольное рычание повергает в ужас.

— Может, дашь ему брома?

— Вообрази себе, я уже все перепробовал. Дело в том, что возникла дилемма... Мне кажется, что я начал лучше понимать Аристотеля. В первый вечер, когда я начал передвигаться на четвереньках, чтобы опуститься до уровня его мироощущения, я еще не заметил глубоких изменений в моих мыслях. А Аристотель сразу почувствовал себя лучше и обнюхал меня. На второй день я улегся на его подстилке, я подражал всем его движениям и заметил изменения на своем теле. Тогда я стал проводить целые дни, лежа на полу, я постарался вжиться в образ пса. Если смотреть с пола, то мир предстает под другим углом, ориентиры меняются. Аристотель стал продолжением моего тела. Я испугался и приостановил опыты. Временно.

— Это к лучшему. Твоя кожа изменилась. Ты научился лаять?

— Нет, предпочитаю над этим посмеяться. Продолжение оказалось более щекотливым. В тот вечер я был с Таней, моей воительницей. Мы занимались любовью. Таня, казалось, была на седьмом небе от счастья. Она лежала на кровати совершенно спокойно. Я был в кухне, когда раздался страшный крик. Я вбежал в комнату и увидел Аристотеля, который просунул голову между ног Тани. Он хотел ее изнасиловать! Напрасно несчастная пыталась отбиваться, используя свои боевые приемы. Аристотель не реагировал. Мне пришлось ударить его пряжкой от моего пояса, но он ничего не почувствовал. Наоборот, удары возбуждали его еще сильнее! Тогда я принял решительные меры: при помощи зажигалки я поджег ему уши. Наконец он оставил свою жертву. Таня плакала и была в сильнейшем шоке. В скобках замечу, что она все-таки хрупкая девушка. Я не решился вызвать врача, и она ушла от меня, не сказав ни слова, отказываясь от моей помощи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот не везет!

— Спустя две недели мы встретились вновь. Она все еще находилась в состоянии шока. Несколько минут мы просто смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Для меня это молчание было самым длинным в моей жизни. Таня четко дала понять, что я должен сделать выбор: или она, или Аристотель.

— Я ее понимаю.

— Аристотель — моя большая любовь.

— Хорошо, но с собакой ты далеко не продвинешься. Тогда как с Таней у тебя, возможно, могли бы сложиться интимные отношения.

— Я все еще не дал ответа.

— Что ты собираешься ей сказать?

— Если бы Аристотель умел говорить, мы бы обсудили эту проблему вместе.

— Ты очень сердечный парень.

— Попробую связаться с Элоди.

— Я бы очень этого хотел.

Аристотель кладет передние лапы на колени хозяина. Он сучит ими. Во взгляде животного одновременно читаются и радость, и грусть. Какой-то парадокс. Гийом треплет пса по загривку. Аристотель вновь ложится под стол и погружается в глубокий сон.

— Ты видишь, Аристотель вздрагивает, — говорит Гийом, — он мечтает, а это означает, что в его мозгу существует прообраз мысли.

Почтовый ящик

От кого: matieu.d@houla.fr

Кому: elodie.e@hotmail.fr

Дорогая Элоди!

Со времени последнего события, ты понимаешь, что я имею в виду, у меня нет от тебя никаких новостей. Или мне все приснилось? Нам надо поговорить. Мне нужно понять, что произошло. Ты должна ответить по крайней мере на один вопрос. Быть может, ты открыла для себя что-то новое? И в этом случае мне понятна твоя реакция. Кто ты? Ты все еще хочешь совершить кругосветное плавание на корабле? Ты по-прежнему полна решимости разыскать своего отца? Ты была разочарована моим поведением? Чего ты ждешь от политиков и от жизни в целом? Нравится ли тебе цвет рубашки, которая была на мне в тот вечер? Как ты думаешь, что принесет с собой компьютерная революция?

Знай, мне нравится твое простодушие, твоя беззаботность. Я люблю твою кожу, твои прекрасные ягодички, которые отлично отшлепаю при случае. Я никогда не забуду тех ощущений, которые ты во мне вызвала. Было бы жестоко так быстро их у меня отобрать. Вскоре все прояснится. Мне решительно надо все знать. Ни одно человеческое существо не в состоянии пережить такую недосказанность и такую пустоту. Испытываю потребность слышать тебя, слушать твой голос, умираю от желания проникнуть в тебя, прийти с открытой душой, раствориться в твоём существе. Твое отсутствие их у меня изматывает. Хочу заняться с тобой любовью, испить влагу твоего фонтана, умоляю, окропи меня, потому что я иссох, чувствую, что впадаю в депрессию. Я желаю застигнуть тебя врасплох и ярким светом осветить твою жизнь. Разреши мне в тебя войти. Уверяю тебя, я тоже люблю американские сериалы и также обожаю эфиопские сериалы, я люблю все, что ты любишь.

Я о многом передумал. Я хотел бы показать тебе мою дочь. Знаю, что ты хотела установить для нее кровать в своей гостиной. Знаю, ты хотела любить нас, как свою семью, ведь у тебя такое доброе сердце. Ты всегда мечтала о путешествиях и об уютном доме.

Понимаешь, в тот день, когда я пришел к тебе домой и позвонил в дверь, никто не ответил. Я прислушался. Ничего. Никакого шума. Я оставил около десятка посланий на твоем автоответчике. Ты их прослушала? Ты оценила все мои шутки? Надеюсь, что моя игра слов тебя позабавила. Я был совершенно подавлен и ждал тебя. Поскольку ты не приходила, я уснул на коврик, я оставался у твоей двери в течение нескольких дней, а ты так и не появилась. С нетерпением жду твоего ответа. Дай о себе знать, я снова скоро приду на твой коврик.

На углу предместья Тамиль и авеню Пармантье

Прошло три года. Теперь я живу в трехкомнатной квартире около станции метро «Гонкур». Я сказал себе: поскольку у меня нет этой знаменитой литературной премии, по крайней мере, я каждый день могу ездить со станции, носящей это название. Луна выросла; ей десять лет. И человеческие существа еще живут на Земле, несмотря на крушение башен-близнецов и то, что мир вокруг деградирует.

Из моих окон с южной стороны видны крыши Парижа. Наблюдаю за закатом солнца, как в кино. Прекрасная панорама. К тому же можно и солнечные ванны принимать, и заниматься созерцанием в самые сложные моменты жизни. Оживленные улицы, ресторан на берегу канала Сен-Мартен, полное смешение культур, открытые террасы, куда приходят молодые активисты, работающие на производстве, в кинематографе, временно где-либо занятые, журналисты, люди искусства, фотографы. В целом, бесконечная рутина. Но окружение симпатичное. Неплохо бы с кем-нибудь познакомиться.

Иногда я еще работаю в качестве «негра». Но не таким способом я хочу приблизиться к литературной премии. Просто нужно чем-то занять свое время. Кажется, что все остается в памяти людей. Маркс, Фрейд... Спасибо, друзья! Мы здорово повеселились. Во всяком случае, моя мать продолжает в меня верить, а это уже не так плохо. Вот так, но уже с меньшим рвением я мечтаю о женщине, возможно, идеальной. Но лучше просто о женщине, а не о женщине-матери или о женщине-сестре. К счастью, выбор остается за мной.

Я писал книгу за какую-то сумасшедшую любительницу экстрима, которая в одиночку пересекла Антарктику на лыжах; она рисковала жизнью, пересекая полярные расщелины и проходя сквозь снежные бури. Почему ей так нравится говорить об этих крайностях? «Мне хотелось испытать, на что я способна», — объяснила она. Зачем? Чтобы потом оказаться в пустоте? Вот загадка.

Эта концепция абсолютной границы достижимого стала очень модной в средствах массовой информации, которые одержимы новыми рекордами: нужно показывать свою исключительность, превозмогать себя, изгонять из себя страх до иступления. В этом — гарантия успеха.

В том же духе я пишу исповедь одного частного наблюдателя за героями реалити-шоу *Loft story*. Практически все они — холостяки, брошенные в яму со львами; за ними наблюдали миллионы телезрителей. В этой истории каждый участник действительно хотел «дойти до предела своих возможностей», но «оставаясь самим собой», — другой способ найти свой «аутентичный» образ.

Как-то мне довелось сотрудничать с Бернаром Тапи, бывшим президентом марсельского футбольного клуба «Олимпик», довольно известным во Франции человеком (найдите в поисковой программе Google). Рабочее собрание происходило в его частном особняке на улице Сен-Пэр. Этот тип просто сумасшедший, я таких обожаю. С самого начала он взял слово и больше его не отпускал. Существует прежде всего ОН, восседающий на троне, а вокруг все остальные, которые должны его в чем-то убедить. Он что-то выпаливает, рассказывает, становится на колени, жестикулирует: в течение нескольких секунд он проникает в сознание слушателя. Его собеседники просто замирают перед такой нарциссической силой подавления. Ему почти удалось выдавить у меня слезу рассказом о том, как он выходил из тюрьмы, а у ворот его ждала бабушка с цветком в руках. Она единственная согласилась его принять. Это было здорово. Можно сказать, его умело

использовали политики, когда он находился в зените славы, после победы «Олимпика» в финале Лиги чемпионов. Будучи претендентом на место хозяина Франции, он становился слишком влиятельным и неподвластным контролю. Суд признал Тапи взяточдателем, его отправили тюрьму — и до свидания политическая карьера!

В субботу, во второй половине дня, встречаюсь с Гийомом. Мы потеряли друг друга из виду. Он подходит к окну в моей квартире, чтобы подышать свежим воздухом, и наблюдает, как плывут светлые облака по сентябрьскому небу. После нескольких минут молчания он садится на диван:

— Ты исчез, и несколько лет о тебе ничего не было слышно, — говорит Гийом.

— Так ты это заметил?

— Ты вошел в четвертое измерение или что?

— В какой-то степени да.

— Ну, рассказывай.

— Во мне заговорил внутренний голос, он почти меня заменил. Было невозможно его побороть. Страшно неудобно в обычной жизни, можешь мне поверить. Один раз я видел Элоди среди толпы в магазине. Попытался протиснуться к ней, но она сбежала. Как? Сам не понимаю. Ей всегда удавалось от меня сбежать. А ты ее видел, Гийом?

— Ну... не помню.

— Ее нужно было защитить, ты так не считаешь?

— Возможно.

— Короче, все понеслось кувыркком, но ситуация прояснилась. Мне не удавалось сконцентрироваться на чем бы то ни было более десяти минут. У меня все время перед глазами стояли ягодицы Элоди и все, что с этим было связано. Я жил какими-то отрезками времени. Потерял адрес своего психоаналитика. Собрал сюжеты для сотни романов и даже написал первые страницы большинства из них. Написал сценарий для телесериала «Под солнцем». Я растратил все свои сбережения, отказался от женитьбы: девушка была слишком худой, я чувствовал ее кости; она была очень нервная, и к тому же перспектива создать семью... Боже мой, как это меня страшит! Я проплыл тысячи километров кролем, хотел заняться политикой, но это оказалось слишком скучно. Тем не менее я продолжаю развлекать свою дочь. Я научил ее танцевать и смеяться, давая ей прослушать различную музыку. И наконец — уф! — мне удалось победить этот чертов внутренний голос. Такова жизнь мужчины, понимаешь?

— Внутренний голос и пара ягодиц, это одно и то же?

— Да, в каком-то смысле. Что появилось раньше, курица или яйцо? Ты знаешь эту историю...

— Так что же, с этим покончено?

— Надеюсь.

Гийом поднимается и оборачивается к окну. На приятеля больно смотреть, сейчас я ясно это вижу. Перед встречей он сказал мне по телефону, что его пес Аристотель умер.

— Ты будешь его хоронить? — спрашиваю я.

— Не знаю, всем занимается ветеринар.

— Я любил эту собаку.

— Знаешь, что самое удивительное? У Аристотеля не было мозгов.

— Разве это возможно?

— Ветеринар сделал рентген, чтобы исследовать его опухоль. Побледнев, он сказал мне: «За тридцать лет работы впервые вижу такое! Ваша собака — объект для изучения. Я с трудом различаю наличие мозга. Вы видите небольшую белую зону размером с игольное ушко? Возможно, это его мозг, но я не уверен. Предполагаю, что ваша собака выжила, слишком рано приспособившись к основным рефлексам. Используя этот малюсенький мозг, она создала свою собственную систему выживания». Я был потрясен.

— Неудивительно.

— Со времени этого открытия я понял многие вещи.

— Тем лучше, это хотя бы принесет какую-то пользу.

— Аристотель был моим сыном.

— Доктор Франкенштейн, рад с вами познакомиться.

— Я — создатель этой собаки, я опустился до ее уровня и имитировал ее движения. Ей удалось развить чувство осязания только с помощью половины нейронов.

— Хорошенькое дельце. К тому же она изнасиловала твою подружку. Настоящий чемпион. Кстати, как поживает Таня?

— Скажешь тоже. Я попал в ловушку. Она вместе со своими подругами по карате напала на меня неожиданно. Я ничего не смог сделать. Пришлось признать полное поражение.

— Ты еще хорошо отделался.

— Три сломанных ребра и огромный счет от дантиста.

— Но ведь у тебя есть страховка, не так ли?

У издателя

В коридоре, ведущем к ксероксу, встречаю Флориана. Он выходит после переговоров из офиса главного редактора Гаэля Марена. На лбу Флориана блестят капельки пота, а по лицу его пошли красные пятна. Он еле стоит на ногах и приглашает меня пройти в свой кабинет. Когда мы входим один за другим, он поправляет пачку корректур на полке и тяжело вздыхает.

— Сейчас положение дел довольно сложное. Ты даже представить себе не можешь.

— Что, много неудач?

— В основном судебные иски за клевету.

— Черт побери!

— Кроме того, моя семейная жизнь разваливается.

— Как по закону подлости, одно цепляется за другое.

— Ты знаешь мою жену Каролину?

— Да, ты мне ее представлял на коктейле.

— Она хороша собой, не правда ли?

— Ну, не знаю... я не очень-то разбираюсь в женщинах.

— Я чувствую... она от меня ускользает.

— Послушай, мне нужен контракт, и срочно.

— А Каролина...

— Ты знаешь, это такая бумага, которую надо подписать и получить по ней деньги.

— Есть у меня одна штуковина, только...

— Ну, давай же, слушаю тебя!

— Нет. Это тебя не заинтересует.

— В любом случае я тебя слушаю...

— Единственное неудобство... книжка должна быть готова через три недели.

— А нет ничего уже написанного?

— Нет, мы начинаем с нуля.

— Пощади!

— Не ты ли специалист по невыполнимым миссиям?

— Уф! Так ты уже полгода ничего мне не даешь. А тут предлагаешь сделать работу за сумасшедшие сроки! Ты что, хочешь моей гибели?

— Этого требует рынок.

— А что значит для меня рынок? Каждый день объявлять о банкротстве?

— На этот раз я сразу тебе выплачу пятьдесят процентов аванса.

— То есть в перспективе у меня три недели бессонных ночей. Хорошенькое дельце.

— Я верю в тебя.

— Ну конечно.

— Ты справишься.

— О'кей, это что, история о...

На следующий день я встречаюсь у известного парижского адвоката с моим соавтором, бывшим *серийным убийцей*, признанным невиновным после нескольких лет пребывания в тюрьме. Сделка совершается очень быстро, и я тут же принимаюсь писать мемуары этого бедолаги. Рынок — это закон скорости и выживания.

Дискуссионный клуб

В пятницу после обеда я работаю в Сети: отправляю запросы на получение необходимой информацию и получаю данные через систему ADSL^[17]:

Мейлис

№ 791892

Пол: Смешанный.

Возраст: 36 лет.

Город: Париж (имеет водительские права категории Б).

Посещает сайты: Эротический диалог; 1x1 секс; Интимные отношения; Группа (3 и больше); Вуайеризм; Фетишизм.

Рост: 169 см.

Вес: 56 кг.

Происхождение: Смешение национальностей.

Телосложение: Нормальное.

Пристрастия: Различные (смотреть мой сайт www.maylishot.com).

Астрологический знак: Телец с сильным запахом.

Желает познакомиться: С мужчиной, с супружеской парой (можно с физическими недостатками).

Девиз: Основательно и долго!

Привет, парни. Я не ищу какого-нибудь Брэда Питта. Мне нужен нормальный мужик, который мог бы доставить мне удовольствие и которому на это потребуется больше пяти минут! Такое бывает или нет?

Розана

№ 771776

Пол: Женский.

Возраст: 25 лет.

Город: Париж.

Посещает сайты: Эротический диалог; 1x1 секс; Интимные отношения; Чета лесбиянок.

Рост: 178 см.

Вес: 62 кг.

Происхождение: Неясно.

Телосложение: Нормальное.

Увлечения: Музыка, картинг, покер.

Астрологический знак: Рыба (предпочитает соленую воду).

Желает познакомиться: С мужчиной, с группой, с комитетом предприятия.

Девиз: Прочитайте мою карточку!!!

Мне двадцать пять лет. Ищу нежного, ласкового мужчину, внимательного к моим прихотям, к моим желаниям, который не считает меня «дорогой вещью», которую иногда вынимают и разглядывают. Мне нужно заполнить БОЛЬШУЮ ПУСТОТУ. Вот почему я зарегистрировалась на этом сайте и хочу использовать свой шанс!!!

Зезеттофилия

№ 783644

Пол: Женщина (на грани срыва).

Возраст: 34 года.

Посещает сайты: Эротический диалог; 1x1 секс; Интимные отношения (в группе, в машине).

Рост: 164 см.

Вес: 56 кг.

Происхождение: Венера.

Телосложение: Жуткое.

Увлечения: Фотографии.

Астрологический знак: Дева.

Желает встретиться: С мужчинами, животными.

Девиз: Я люблю их всех...

Ну что вам сказать? Я люблю хвосты! Любые хвосты! Маленькие, большие, толстые, белые, черные, квадратные, крученые... Я коллекционирую все возможные виды хвостов, и один краше другого! Не хотели бы вы пополнить мою коллекцию?

Нью-Ева

№ 777943

Пол: Женский.

Возраст: 35 лет.

Город: Ниор.

Посещает сайты: Эротический диалог; Интимные отношения; Вуайеризм; Фетишизм (во всех комбинациях).

Рост: 155 см.

Вес: 55 кг.

Происхождение: Трудно сказать.

Телосложение: Достойна быть моделью для скульптора.

Увлечения: Пляж, море, солнце.

Астрологический знак: Падающая звезда.

Желает встретиться: С мужчиной.

Девиз: В поисках нового опыта.

Привет, шалуны! Я замужем, но у меня нет сексуальной жизни, и это грустно. И вот я здесь, чтобы изменить это положение. Хочу ярких впечатлений, возбуждающих поз, согласна даже на садомазохизм, но аккуратно. Итак, жду ваших предложений.

Дебютантка

№ 39645

Пол: Женский.

Возраст: 23 года.

Город: Сент-Этьен.

Посещает сайт: 1x1 секс.

Рост: 158 см.

Вес: 46 кг.

Происхождение: Азиатка.

Телосложение: Хрупкое.

Увлечения: Еще не знаю какие.

Астрологический знак: Козерог.

Желает встретиться: С каким-нибудь мужчиной.

Девиз: Очень нежно...

Привет, я похожа на куколку, но очень хорошо сложена. Я должна признаться, что у меня мало (совсем нет) сексуального опыта и меня интересует этот сайт, но в то же время пугает. То есть если бы мне удалось найти партнера, который бы нежно меня научил всем радостям тела, я была бы ему благодарна. Чистота и предохранение обязательны!

Маленькая попка

№ 231880

Пол: Женский.

Возраст: 26 лет.

Город: Рошфор.

Посещает сайты: 1x1 секс; Интимные отношения.

Рост: 169 см.

Вес: 56 кг.

Происхождение: Твои плавки.

Телосложение: Худощавая с веснушками.

Увлечение: Серфинг.

Астрологический знак: Лев.

Желает встретиться: С каким-нибудь мужчиной.

Девиз: Я так скоро становлюсь мо-о-ок-рой!

Признаюсь, господа, что я отношусь к типу легковозбудимых женщин, и в настоящий момент я хорошо разогрелась. Используйте ситуацию, пошлите мне свое фото.

Тифани

№ 5430987

Пол: Женский.

Возраст: 35 лет.

Город: Вьерзон.

Посещает сайты: 1x1 секс; Интимные отношения.

Рост: 165 см.

Вес: 60 кг.

Происхождение: Француженка.

Телосложение: Очень пропорциональное.

Увлечения: ТЫ.

Астрологический знак: Стрелец.

Желает встретиться: С одним мужчиной и даже больше.

Даже не знаю, что сказать. Сама удивляюсь, что зарегистрировалась на этом сайте. Неудачный брак с военным, почти всегда отсутствующим и неласковым. Хотела бы познакомиться с настоящим, оригинальным и забавным мужчиной. Люблю заниматься

любовью. Ему я бы отдала свое тело и свою душу. Хотела бы жить в согласии и иметь длительные и доверительные отношения. Не знаю, смогу ли найти свое счастье здесь, но попытка — не пытка. Будьте снисходительны, скажите, нравится или нет вам мое заявление. Спасибо. Обнимаю вас.

Выключаю компьютер и иду в душ. Вечером ко мне приезжает Луна с новой няней, студенткой химического факультета, настоящей красоткой. Я спрашиваю девушку, надеется ли она закончить докторантуру. Моя дочь хмурится: она поняла мою маленькую хитрость. После традиционных макарон с сырами четырех видов проводим чудесный вечер перед телевизором: смотрим передачу «Холостяк».

В Люксембургском саду

Теплые дни в апреле продолжают, и мы назначили свидание под деревьями в кафе на территории Люксембургского сада, как при нашей первой встрече. С тех пор прошло четыре года. Жеральдина окончила социологический факультет по специальности «Культурная коммуникация». Сегодня она занимается всякого рода стажировками и контрактами по первому найму. Но это мало что значит, она не изменила своего взгляда на мир.

— Я сохранила твой номер телефона, — говорит Жеральдина. — Я рассчитывала тебя увидеть в ближайшие дни.

— Но мне ты оставила неправильный номер.

— Вот как? Может, ты неправильно записал?

Потом она говорит мне комплименты относительно моей физической формы — это небольшая хитрость, которая всегда имеет успех и ни к чему не обязывает; конечно, я похорошел с возрастом, у меня появились мускулы, я стал более уверен в себе. Я тоже говорю ей комплимент. Потом мы оба приходим к одному и тому же выводу: «Многое с тех пор произошло...»

Как всегда с наступлением теплых дней после ужасной зимы, в Париж начинают съезжаться люди. Скорость движения толпы замедляется.

— Как продвигается твое исследование?

— Какое? У меня их несколько.

— Об отношениях матери и дочери. Помнишь, ты на этом меня поймал на выходе из здания факультета. Ты хотел, чтобы я тебе все рассказала о своей матери.

— И ты на это очень любезно согласилась. Как у нее дела?

— Она по-прежнему кладет зерна в салат под джутовым абажуром.

— А ее романтические похождения? Такие же сложные?

— Она выкачивает деньги из парней, а когда у них ничего не остается, она их просто бросает.

— То есть никаких изменений?

— Она пыталась наложить на себя руки, ее едва успели спасти.

— Мои сожаления.

— Так что же с этим исследованием?

— Планирую написать об этом роман.

— Прекрасная идея. Держи меня в курсе.

— Конечно, надеюсь, мы еще встретимся?

— Я тоже надеюсь...

— У тебя где-то есть друг?

— Где-то да, но я не знаю, где именно.

— Ты его найдешь.

— А ты?

Внезапно начинаю нервно ерзать на своем стуле и пускаюсь в невероятные рассуждения: мол, у меня нет времени, моя голова занята другим, я не готов к любви.

Рискую дать ей совет:

— Нужно научиться жить одному. Только так из этого можно выйти.

— Это печально.

— Напротив, свободная любовь — это гомосексуализм. А вообще, я люблю свинг и искусство.

— Что это значит? А как тогда быть с детьми?

— Вопрос в стадии разрешения...

— Но я нахожу тебя очень привлекательным...

— А ты, ты...

Вдруг я слышу смех и замолкаю, не закончив фразу. Поднимаю голову и замечаю Каролину, жену Флориана, в обнимку с Гаэлем Мареном, главным редактором. Этот осел лапает жену своего подчиненного! Черт побери, если он меня узнает, можно забыть о работе в качестве «негра»! Это стопроцентная безработица. Прячу лицо, прильнув к огромному бюсту Жеральдины, словно дикое животное, укrywшееся в траве при виде опасности.

— Матъе, что с тобой?

— Скажи, ты хочешь, чтобы мы поцеловались?

— Что, вот так, сразу?

— Ну... да.

Жеральдина встает, нахмутив брови.

— Увидимся в ближайшие дни, — говорит она.

— Может, сегодня вечером?

— Чао.

В зале собраний

Новый поток холостяков влился в ряды нашей ассоциации. В большинстве случаев это тридцатилетние мужчины, но есть и более молодые, неспособные к семейной жизни, неопределенные типы, мечтающие о мире, о котором они ничего не могут сказать и лишь только впустую жестикулируют. Стажерка Надеж с нами распрощалась. Элеонора нашла новую работу. Подозреваю, что у нее новая любовь. Счастье словно лучится из нее, особенно из глаз и губ. Это счастье можно собирать ложками. Возможно, она пережила бурную ночь любви и преодолела новый этап в познании плотских удовольствий? Теперь у нее есть материал, чтобы составить энциклопедию о метафизическом кризисе в любви. Бернар по-прежнему председательствует на нашем собрании, уверенный, но скромный.

На столе я обнаруживаю брошюру о деятельности профсоюза отцов-холостяков. Одно из положений, которое было опубликовано в глянцевоm журнале «Сингл», звучит следующим образом: «Движение отцов-холостяков в ярости, организованное в форме профсоюза нового типа, продолжает процветать, часто самым неожиданным образом.

Сегодня у него есть специальное военизированное подразделение, которое непосредственно вторгается в нашу жизнь, занимаясь скандальными акциями. Это и похищение топ-моделей во время демонстрации мод, и распространение чувственных ароматов или мужских гормонов в общественных местах, и продажа с аукциона супружеских пактов (которые предназначены для холостяков со специфической ориентацией)... Безусловно, движение создало и социальные структуры: кассу взаимопомощи для желающих поменять пол, агентство по изменению внешнего облика, проведению спортивных тренировок»...

— Здравствуйте, меня зовут Флориан. Я пришел сюда по совету Матье, который здесь присутствует. Не знаю, хватит ли у меня смелости пройти все шесть этапов программы. (Вынимает из кармана листок бумаги, на котором мы написали его речь.) Мне тридцать семь лет. Работаю в издательстве, надеюсь продолжать там работать... Люблю книги, люблю документы, запах бумаги, стресс, возникающий накануне публикации. В настоящий момент занимаюсь биографиями звезд и различными происшествиями. Когда-нибудь надеюсь опубликовать произведения великих авторов. Хотя бы одного. Считаю, что каждый мужчина обязан хотя бы раз в жизни совершить исключительный поступок. Нужно проживать день за днем, стремясь к этому исключительному действию, которое будет результатом терпения и настойчивости. В этом мое кредо. Я женился в возрасте тридцати лет. Я встретил Каролину, мою будущую жену, в книжном магазине. Она подошла ко мне и спросила, известны ли мне интересные аргентинские авторы. Я никогда так и не узнал, был ли это предлог, чтобы меня проверить или познакомиться. Я ей посоветовал почитать Хорхе Луиса Борхеса, который, вероятно, является величайшим писателем XIX века. Она знала с нем только по лестным отзывам. Каролина поблагодарила меня и оставила свою визитную карточку. В то время она проходила интернатуру. Никогда еще я не видел такой красивой женщины. Вечером я засыпал, думая о ней. Меня пробирала дрожь — это был верный признак того, что я влюбился. Через год мы поженились. Но в последнее время Каролина стала отдаляться от меня, она была всем недовольна, а во время любви ее движения стали механическими. Однажды утром я застал ее в ванной комнате всю в слезах, ее лицо было перепачкано губной помадой, как будто она хотела обезобразить свое отражение в зеркале. Две недели спустя она заявила, что уходит от меня. Каролина клялась мне, что у нее нет другого мужчины. Но известно, что беда никогда не приходит одна: мой литературный директор отстранил меня от работы. У меня были юридические сложности с одним автором, это оказалось последней каплей, и дирекция меня не поддержала. У меня нет привычки жаловаться, надеюсь выстоять. Однако признаюсь: меня это мучает, но не больше, чем кого-либо другого в подобной ситуации. И меня это успокаивает. Пока я в целом остаюсь на этом уровне, мне представляется, что моя жизнь протекает более или менее нормально. Я всегда знал, что чувство меры — это ключ к успеху, как в любви, так и в других делах. Я обычный мужчина и хочу таковым остаться. Это не мешает мне иногда мечтать, но я хотел бы существовать в общеустановленных профессиональных рамках. До скорой встречи, друзья, я не пропаду.

Квартира у станции метро «Гонкур»

Через пару минут Вероника должна постучать в дверь. Прозвучал сигнал домофона, и я ответил, потому что, в сущности, я воспитанный человек. Теперь я слышу, как движется лифт и как он останавливается на нашем этаже... Луна держит меня за руку. Переговоры

длились целый месяц. Впервые я буду знакомить свою подружку с дочерью. Вероника настояла: «Я хочу познакомиться с Луной, чтобы лучше узнать тебя».

Незадолго до этого друзья прожужжали мне все уши: «Осторожно, ты уверен, что у тебя серьезно с Вероникой? Подумай, прежде чем предпринять что бы то ни было». Я и сам не знаю, серьезно это или нет, ничего не понимаю в этой суете. И никто еще пока не придумал конкретного образа действия на тему «Хаос, объясненный невеждам».

Цель этой встречи незначительна по сравнению с глобальными проблемами, притаившимися за видимой стороной вещей. Но для меня, опытного отца, эта цель вполне оправданна: я хочу понять, каким образом могут сосуществовать близкие люди, как найти относительный компромисс, который впоследствии может быть пересмотрен.

Уже за два-три дня до встречи Луна начала задавать мне многочисленные коварные вопросы, например: «Скажи, папа, а как ты любишь Веронику, больше или меньше меня?» Напрасно я старался объяснить всю абсурдность такой иерархии в любви. Как доказать ребенку, что речь идет о чем-то неисчисляемом, что не может быть подвергнуто никакой классификации? Но теория часто оказывается бессильной перед эмоциями. Стоит лишь посмотреть на печальное личико моей дочурки при упоминании о Веронике, как мое сердце отца сжимается от боли.

Настойчиво звонят в дверь. Я открываю.

— Здравствуй, Вероника.

— Привет! Как дела? Ку-ку, Луна! Твой папа мне много о тебе рассказывал. Рада с тобой познакомиться. Как здесь жарко! Вы не хотите открыть окно? В метро было столько народа, и новые туфли мне жмут. Я натерла себе волдыри. Представляешь, у меня украли велосипед, который принадлежит моему бывшему. Он одолжил мне его на пару дней. Теперь впадет в истерику, когда я сообщу ему эту чудную новость. Но я же не виновата! Держи, Луна, вот твой подарок.

— Спасибо, — говорит Луна, ощупывая сверток.

Упаковка снята, и вот появляется обложка книги «Кирику и Колдунья».

— Тебе нравится?

— Да, я смотрела фильм.

— А песенку запомнила?

Луна начинает напевать:

— Кирику ростом не вышел, но зато смельчак...

— Здорово ты поешь, — замечает Вероника. (Это не так: у Луны совсем нет слуха.)

— Когда мой отец был маленький, — вдруг сообщает Луна, — он жил в Африке. Мой папа — африканец. Он очень сильный и занимается магией.

— Фантастика!

— И он уже купил мне книжку про Кирику.

Вероника бросает на меня мрачный взгляд. Кажется, она спрашивала моего совета, выбирая эту книгу, а я дал ей совершенно неверную рекомендацию. Мне была задана головоломка, да и церемония вручения подарка не удалась.

Луна уходит в свою комнату. Добрых пятнадцать минут уговариваю ее с нами поужинать.

За столом смущение усиливается. Стоит Веронике слегка приблизиться ко мне, как Луна расстреливает ее взглядом — реактивный снаряд с бронебойной головкой. Переход от дуэта к трио похож на маневр, требующий сложного стратегического плана. Вероника

удивлена, но она все-таки осмеливается поцеловать меня в губы на глазах у Луны. Потом она гладит меня по волосам и громко произносит:

— Он — мой любимый!

Луна краснеет. Ерзая на стуле, она пускается в нескончаемые рассуждения, ее бессознательное начало обнажается, она рассказывает о своей жизни, о своих страхах, своих мечтах, верованиях с необыкновенной поэтической интонацией. Но бессвязность ее речи, несмотря на красоту, меня обескураживает. Я принимаю ее в свои объятия, чтобы успокоить. Вероника прощается с нами, берет свою сумочку и уходит, больше не сказав ни слова. А на следующий день истерический разговор по телефону служит завершением нашей встречи. Вероника исчезает из моей жизни.

Недавно, движимый любопытством, после ревизии своих воспоминаний, я решаюсь ей позвонить. Оказывается, она беременна, без работы, живет в стесненных условиях с каким-то актером, который только что окончил курсы у Флориана.

Почтовый ящик

От: pgrandin@espacemonde.com

Кому: matieu.d@houla.fr

Здравствуй, Матье!

Ты, наверное, удивишься, обнаружив мое послание. Я узнал твой имейл в профсоюзе отцов-холостяков. Мое имя тебе ни о чем не скажет. Думаю, ты его давно забыл. Но, если я тебе скажу, что люблю носить розовые галстуки, ты меня вспомнишь.

У меня все характерные признаки психопата, но верь мне: я — здоров. Просто я сразу испытал по отношению к тебе симпатию. Я прочитал твои мысли. А я хороший читатель. Я больше могу прочитать в душе человека, чем в книге. Хотя, впрочем, это одно и то же.

Я никогда за тобой не следил. Просто наши пути пересеклись. Парк Монсо. Случайность тоже имеет свою логику. Я не желаю тебе ни добра, ни зла. Я просто сказал, что тебе надо заплатить должок. Моральный долг, самый деликатный из всех долгов. Это не религиозная рекомендация, тем более что я атеист.

Какой долг я имею в виду? Думаю, ты хотел бы это знать. Ты все еще не понял, а между тем это совсем просто. Как в «Похищенном письме» Эдгара По: вещь, которую ищешь, лежит на самом видном месте. Этот долг — цена, которую ты должен заплатить, чтобы почувствовать себя свободным и направить свою жизнь по пути к успеху. Речь идет об избавлении от балласта, об освобождении. Вероятно, тебе это кажется туманным. Это нормально. Иногда действительности требуется время, чтобы принять рациональную форму, во всяком случае, приемлемую. Мир изменяется в зависимости от того, каким мы хотим его видеть, не так ли?

Моя жена никогда не возвращалась. И я знаю, что она никогда не вернется. Я долго ждал, чтобы это понять. Потом мне удалось избавиться от этого груза. Тебе тоже надо отказаться от ловушки саморазрушения. Последние месяцы были для тебя нелегкими. Я встретился с Элоди. Она мне все рассказала. Извечный круг... тебе удалось из него выйти. Она была очень спокойная. Насколько я знаю, ей так и не удалось разыскать своего отца. Трудно предположить, что она еще долго будет жить с этой неопределенностью. Когда-

нибудь, возможно, мы об этом поговорим. До встречи.

В кабинете восстановительной терапии

Стою у входа в госпиталь Сен-Луи. Созерцаю черепичные крыши. Ослабляю мышцы рук, ног, захожу за ограду, опираясь на костыли. Потный как мышшь.

Во время матча по регби против команды надзирателей тюрьмы Френ три бугая врезались в меня с разбегу. Мое имя, наверное, стояло в начале составленного ими черного списка. Моя лодыжка сломалась, все остальное выдержало, мне чудом удалось избежать худшего, как и приезда машины «скорой помощи» с сиреной и мигалкой.

Я попал в команду врачей Парижа при помощи моего друга Жана-Франсуа С., невролога, артиста, коллекционера книг и редких предметов. Он сказал мне: «Приходи с нами поиграть, ты увидишь, будет здорово. Тебе это принесет только пользу. Мы тренируемся на стадионе „Сипаль“. К тому же я представлю тебя куче девушек, стажеров, медсестер, они такие пылкие и любят таких парней, как ты».

Я не играл в регби с юношеских лет. Несмотря на перелом, опыт оказался положительным. Я пережил незабываемые моменты во время игры. И еще больше окреп. За два года мои мышцы стали на пятнадцать килограммов тяжелее. Одно лишь огорчило: мне удалось заняться любовью только с одной будущей медсестрой. И то не по-настоящему. Продвинулся лишь на два сантиметра и только потому, что сильно настаивал. Покончено с мифом о медсестрах.

После двух месяцев хождения в гипсе я вновь увидел свою правую ногу ниже колена.

В конце коридора замечаю физиотерапевта, Лоранс. Она прекрасный профессионал.

Держа мою медицинскую карточку в руках, Лоранс приглашает меня войти в кабинет восстановительной терапии. Как происходит при каждом сеансе, снимаю все, кроме трусов, и ложусь на стол для массажа. Лоранс наносит крем на мою исхудавшую ногу. У нее простое и спокойное лицо. Самое главное, что она очень компетентна и обходительна. Мне кажется, ей нравится делать мне массаж. Она любит регбистов, а то, чем я занимаюсь, ее очаровывает. Так для кого вы пишете?

Массируя мне пальцы ноги, стопу и голеностоп, она говорит со мной о качествах спортсмена, о профессиональном уровне команд. Мы обсуждаем наши судьбы, дороговизну квартир в Париже, говорим о моей дочери, о моем положении отца на фоне современных событий в мире. Забавно, как много мы знаем о жизни.

Приступаем к упражнениям. Вытягиваем стопу вперед, поворачиваем влево, вправо. И так раз десять. Отдых. Дыхание. Начинаем все сначала. Потом Лоранс массирует мне икроножную мышцу и сгибает и разгибает ногу в колене. Мне нужно атрофировавшиеся под гипсом мышцы за два месяца привести к прежнему объему.

Змечаю, что Лоранс виден мой вялый половой орган через прорезь в трусах. Но мне плевать. Все так спокойно.

Во время последнего сеанса мы занимаемся любовью довольно грубо — прямо на массажном столе. Больше не было сил сдерживаться, ощущая прикосновение женских рук. Я, кажется, набираю очки среди медицинского персонала.

Телефонный разговор

— Алло? Это Матье?

— Да.

— Это Гаэль Марен. Вы меня слышите?

— Да, очень хорошо. Как ваши дела?

— Спасибо, все хорошо. Вы уже знаете о Флориане? Он от нас уходит.

— Он мне сказал.

— Что ж, пожелаем ему удачи, не так ли?

— Я уверен, он скоро найдет другую работу.

— Вы знаете, сейчас рынок полон...

— Ничего, все уладится, — говорю я. — Просто пройдет цикл...

— Вы оптимист, и это хорошо.

— Каждое утро приходится себя взбадривать. Это как спорт.

— Думаю, вы любите и другие виды спорта.

— Безусловно.

— Например, прогулки по Люксембургскому саду...

Пауза.

— Ну, иногда...

— Я тоже люблю это место, — замечает Гаэль Мартен.

— Оно... романтическое...

— Именно так.

— Девушка за вашим столиком была очень миленькая.

— Да, приходится как-то выходить из положения.

— Матье, каковы ваши рабочие планы?

— Хотелось бы более стабильного положения.

— Место Флориана вакантно. Вы бы не хотели у нас поработать? Зарплата каждый месяц. Это очень стабилизирует.

— Мне нужно подумать.

— Приходите завтра ко мне в кабинет, поговорим более конкретно.

— Хорошо.

— Шесть часов вечера вас устроит?

— Вполне.

— Тогда до завтра.

Ночной клуб

Мне удалось найти место среди танцующих пар. Опираясь на костыли, высоко поднимая ноги, импровизирую опасные па, бравирую. Эффект взлета. Обильное потоотделение под звуки музыки. Костыли придают мне вид циркового животного или солдата, возвратившегося с фронта. Любопытно, но девушки, кажется, заинтересованы моим танцем с костылями. Создается впечатление, что они питают слабость к раненым парням.

Живя некоторое время назад невольным затворником в своей комнате, я перечитал книгу Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!», историю несчастной любви американского добровольца и английской медсестры, работающей в военном госпитале. Странное совпадение. Суть вещей лишь скользит по поверхности сознания, в него не проникая.

Танцующие возбуждаются, среди них артисты, коллекционеры. Все переспали друг с

другом, и все в курсе. В этом столпотворении странным образом выделяется улыбка одной девушки. Она темноволосая, пухленькая, чудесная, непринужденная. К ней пробирается какой-то пижон. Мне удается его опередить. Это мой шанс, я это сразу почувствовал. Увлекаю девушку подальше от танцплощадки, но поближе к бару.

— Не знаю почему, но нам совершенно необходимо поговорить, — говорю я скороговоркой.

— Конечно, почему бы и нет.

— Что-нибудь выпьешь?

— С удовольствием. А костыли зачем? Спортивное достижение?

— Нет, травма во время матча по регби.

— Ты каскадер?

— Нет, писатель.

— А ты не думаешь, что это одно и то же?

— Возможно. Хотя я несколько лет для себя не писал. А тут снова сел за стол.

— Обидно. А что произошло?

— Легче всего было бы ответить так: послушай, малыш, это долгая история.

— Ну, так ты и поступил.

— А вообще-то я сказал себе: зачем добавлять еще одну книгу ко многим имеющимся?

— А теперь?

— Это зависит...

— От чего?

— Может, водки?

Потом, достаточно быстро, она начинает рассказывать мне о своей жизни посреди всей этой суеты. Ее зовут Мэрилин, она стажерка в галерее Марэ. Ей двадцать три года, и у нее полные, сочные и блестящие губы. Ее мечта — стать искусствоведом, размышлять об эстетических явлениях, организовывать выставки молодых перспективных художников. Осенью она пересечет Ла-Манш и поедет в Лондон, чтобы получить степень магистра.

— Это чудесно. Обязательно поезжай, никогда не останавливайся на полпути, иди до конца. Ты меня слышишь?

Она смотрит мне прямо в глаза, немного удивленная категоричностью моего совета.

На рассвете мы обмениваемся телефонами.

В ванной комнате

Мир, кажется, меняется, появляются новые фирмы, каждый день тысячи детей умирают от голода, одни войны кончаются, другие вспыхивают; обо всем об этом я думаю, когда чищу зубы. Тихонько приближается Луна — я слышу, как ее маленькие ноги скользят по плиточному полу.

— Скажи, папа, а у тебя уже была эрекция?

Полное смущение. Колебание. Я совсем не готов к таким вопросам в данной ситуации. Итак, надо быстро дать гениально простой ответ, не создавая табу, не нагромождая метафор, войти в роль мудрого и опытного отца. Я краснею, рот полон пены от зубной пасты, но все-таки бормочу:

— Эрекция? Конечно, и не один раз...

Полощу рот и пытаюсь сменить акцент разговора:

— Однажды, дочка, ты прочтешь труды таких великих философов, как Эпикур, Спиноза, Кант, Фуко, Делёз... и ты все поймешь.

— Конечно, папа, я их прочту. Но пока скажи мне, что такое фелляция?

— Ну, ты знаешь...

Внезапно мне приходит в голову гениальная мысль.

— Смотри, когда девочка ест рожок с мороженым, она облизывает его со всех сторон. Ей это нравится. Представь теперь, что она делает то же самое с пипиской мальчика. Очень похоже.

— Да? Но пиписка теплее, чем мороженое?

К счастью, звонит мобильный телефон. Чувствую себя жалким типом. Разговаривая по телефону с матерью, я одновременно включаю телевизор: на экране возникают полуголые девицы, танцующие в ритме хип-хоп и вертящие задницами. Да, действительно, сегодня вечером надо пораньше лечь спать.

На площади Святой Марты

Довольно часто жара, установившаяся в начале лета, кажется нескончаемой. И то, что казалось несбыточным еще несколько дней назад (намерение совершить судьбоносный поступок, поднять гору, переубедить строптивного человека, убраться в шкафу, постричь ногти на ногах), становится вполне реальным. Я решил броситься в холодную воду, и пригласил Мэрилин поужинать, дав ей понять, что я гений, с которым стоит ближе познакомиться. Она ответила согласием на мое предложение, практически не колеблясь. Мне понравилась ее манера говорить да. У нее тонкий голос, почти как у подростка, которого еще не омрачили ни тяготы жизни, ни ее крайности. Думаю, Мэрилин должна задавать себе вопрос: что это такое, мужчина сорока лет? Как он занимается любовью? Он злой, грубый или, наоборот, опытный и нежный? Что он предпочитает? Поможет ли мне его опыт? Будут ли меня смущать его морщины? Кто я такая в глазах этого мужчины?

Квартал площади Святой Марты. Туризм новой богемы. Обстановка, как в Бельвиле 1930-х годов, с привкусом неаполитанских впечатлений. Рассчитываю на псевдоэкзотику этого места, чтобы околдовать мою красавицу.

На открытой террасе ресторана больше не осталось ни одного свободного стула. Нам повезло, мы вовремя нашли незанятый столик: с первых же моментов нашей встречи удача нас не оставляет. Это добрый знак. И потом, я снова могу свободно двигаться, а мои костыли стоят в шкафу.

Я рассматриваю лицо Мэрилин. Мне нравятся ее зеленые глаза и губы насыщенного розово-коричневого цвета. Я так близок от ее красоты, как только можно быть близким к какой-нибудь травинке, к запаху, к неопределенному воспоминанию. Надеюсь существовать не только в духовной области, а на уровне инстинктов, животного восприятия, колдовства. Я надеюсь на это, так как нахожусь в ожидании открытия и неожиданного события. Квадратное декольте замечательно подчеркивает потрясающую грудь Мэрилин. Меня всегда привлекали пышные формы. Мэрилин, девушка среднего роста, обладает простодушной чувственностью, у нее пухленькая фигурка, и очень скоро в ней будет много шарма. При первом взгляде на нее хочется помять ее ягодички, обнять широкие бедра, прижать девушку к груди и прошептать на ухо: «Я — твой парень, никого больше не ищи, я войду в тебя, буду тебя ласкать, наполню своим соком, и ты почувствуешь себя заново родившейся».

Изучаем меню. Мэрилин замечает:

— Люблю хорошую еду и вино.

Я в порыве детской запальчивости говорю:

— Да, это то, что называется жить. Конечно, мы обязательно закажем вина... помимо всего прочего...

И мы начинаем смеяться глупо, но очень естественно.

Я себя убеждаю: больше не буду развлекать ее изысками стиля. Просто буду существовать рядом с ней, вот и все. Станным образом у меня пропадает навязчивая идея наблюдать за женщинами, сидящими поблизости.

Потом мы говорим о процессе написания книг, о творчестве, об искусствоведении, об изменении образа жизни и о комбинациях, которые могут возникнуть вследствие этого, о социальной мобильности. Мы рассуждаем о том, как воспользоваться представляющимися возможностями, заработать денег, занимаясь своим любимым делом, как вести переговоры, уступать, создавать новые отношения, и о том, как можно порвать со своей семьей, обрести свободу, выбрать город, в котором хочется жить, как расти, защищать свои идеи, как пережить любовное приключение, стать частицей огромного мира, короче говоря, создать что-либо... В конце концов мы приходим к выводу, что мы существа, сдерживаемые потоком, временные жители на этой земле, иногда объединяющиеся, а иногда, наоборот, одинокие, распыленные.

Темы наших разговоров приобретают более конкретный характер. Мэрилин упоминает о своих семейных проблемах, рассказывает о деде, которого обожает, о летних каникулах, проведенных в собственном доме на Корсике, который сегодня уже продан, обо всех песнях, что поют хором и которые связаны с воспоминаниями, о своих кузенах и кузинах, о лодке, плывущей по волнам Средиземного моря, и о чудесном дедушке у руля, о бухтах... И вдруг, как будто освобождаясь от бремени, заявляет:

— А моя мать — лесбиянка.

— Выходит, тебя нашли в капусте?

Шутка рискованная, почти убийственная, непонятная. Но Мэрилин продолжает, не смущаясь:

— Мой отец ушел незадолго перед моим рождением. Я не помню, чтобы мать и отец были вместе.

— Ты хочешь сказать, что любовь к женщинам у нее проявилась, когда ты еще была у нее в животе?

— Точно. Я никогда еще не смотрела на это под таким углом...

Мэрилин задумчиво пьет вино и вдруг вздрагивает, вновь окунаясь в свое прошлое.

— Во всяком случае, моя мать рассталась с отцом именно в это время.

— Смелый поступок...

— Да? Ты так думаешь?

— Так вот почему ты...

— Ну что, говори.

— ...такая чувствительная.

— Благодарю.

— Но ты уже научилась жить с этим... Ты далеко пойдешь...

— Мне очень рано пришлось защищаться. Моя старшая сестра уехала в Соединенные Штаты. Я осталась с младшим братом, матерью и ее подругой с дочкой.

— А как твой отец?

— Он переживает.

— К этому не скоро привыкнешь.

Мэрилин приподняла завесу над своим прошлым, и это меня буквально ошеломляет. Во мне пробуждается желание и дальше погружаться в интимные подробности жизни моей красавицы, я хотел бы знать о ней все. Хотел бы гладить ее кожу, слиться с ней, целовать ее глаза, чувствовать запах ее одежды, вместе с ней вновь пережить события детства, запечатлеть эпизоды ее огорчений и радостей, а потом спроецировать их на огромный экран и показать самым достойным людям в мире. Я желал бы поговорить с ее матерью и ее возлюбленной, написать пьесу для театра с участием всех этих женщин, которые любят друг друга, кидаясь в объятия страсти, желал бы стать их сыном, духовником. Я хотел бы чистить вместе с ними овощи, готовить барбекю, танцевать перед ними, обнажившись по пояс, пока они не начнут смеяться до слез от моих забавных выходок.

В конце ужина мы то и дело вскакиваем, чтобы бежать в туалет и опорожнить мочевой пузырь. И это тоже нас забавляет.

Использую паузу в разговоре и предлагаю:

— Может, пойдём ко мне? Приглашаю тебя на стаканчик вина.

Мой голос слегка дрожит, как будто мне стыдно за предложение. Обычно мне на это наплевать. Разве первый цивилизованный мужчина, предложивший женщине более близкие отношения, испытывал страх?

Примерно минуту Мэрилин смотрит на меня в упор. В ее голове отчаянно крутятся мысли. Замечаю панику в ее глазах. Сожалею, это вышло по-дурацки, надо было вовремя остановиться, мое предложение оказалось неуместным. Тщеславие. Напрасно потраченные усилия. Умиротворенность возможна только на расстоянии.

— Да, я бы хотела, — чуть слышно произносит она.

И вот мы уже на улице Сен-Мор, и нежное тепло опустившейся на город ночи словно говорит нам: «Все хорошо, я — с вами. Это ваше время». Идем, перепрыгивая с проезжей части улицы на тротуар. Только бы не допустить какого-нибудь резкого или компрометирующего движения. Осмеливаюсь положить руку на плечо Мэрилин, и она не возражает.

Настежь распахиваю окна в своей квартире. Вскоре, я это знаю, над соседним домом взойдет луна, потом она медленно поднимется к облакам.

После нескольких произведений Боба Аззама и его оркестра ставлю в проигрыватель диск с записью медленных песен Билли Холидей. Расслабленно-ленивое исполнение американской джазовой певицы, у которой было нищенское детство, напоминает нам о рабстве, унижении, и мы начинаем говорить вполголоса.

Опершись руками на подоконник, Мэрилин спрашивает меня о моем прошлом. Подхожу к ней и рассказываю о детстве, проведенном в Гвиане и на Мартинике, когда я жил в джунглях. Говорю ей, что я рос как дикое животное. Это забавляет ее, кажется, она понимает истинную суть этой фразы, глубоко запрятанную в песках воспоминаний. Затем я рассказываю Мэрилин о моих текущих проектах по написанию книги. Это будет история некоего Барри Д., певца без голоса и продюсера без артистов. Иллюстрирую его жизнь при помощи картинок, жестов, предметов.

Мэрилин устремляется мыслями в будущее не без некоторого волнения, вполне осознавая жестокость современного мира. Она знает, что выбрала нелегкий путь. Она могла

бы стать врачом, инженером в авиационной промышленности, адвокатом. Нет, она выбрала искусствоведение, писательство, мир, не вмещающийся в стандартные рамки. В ней есть решимость, вера в какие-то вещи, которые она еще не очень хорошо понимает, и это помогает ей преодолевать стереотипные сомнения и двигаться к намеченной цели.

Мэрилин говорит, что также любит верховую езду. Она с детства наблюдала за лошадьми, росла с ними рядом. Когда-нибудь она надеется пересечь степи Монголии на лошадях со своей подругой Галой, которая в настоящий момент руководит гуманитарной миссией в странах Восточной Европы.

— Я догадывался, что ты любишь верховую езду.

— Каким образом?

— Это тебе очень подходит. Ты любишь искусство, а я думаю, что искусство и лошади тесно связаны.

— На лошадях можно путешествовать, — говорит она. — Можно составлять карты. Ты это имеешь в виду?

— Лошадь — это животное, прирученное человеком, — отвечаю я, — животное для путешествий, для преодоления препятствий, для ведения войны. С помощью лошади можно передвигаться в пространстве, получить новые впечатления, бежать от прежней жизни. Это истоки искусства.

Мэрилин улыбается и кладет голову мне на плечо.

— Говорю всякую чепуху, — вздыхаю я.

— Это забавно, — улыбается Мэрилин. — Мы свободны и можем говорить о всякой чепухе.

— Ты мне нравишься.

Я поворачиваюсь к ней, несколько удивленный беспорядочным движением моих гормонов, касаюсь губами ее губ. Так начинается первый поцелуй, который длится бесконечно, прерываемый все более смелыми ласками. Продвигаемся к постели. Мэрилин меня раздевает, я ее раздеваю — время останавливается. Сидим по-турецки напротив друг друга, как йоги, собирающиеся войти в контакт с потусторонними силами. Снимаю с нее лифчик и вижу очаровательные груди, налитые, словно неземные фрукты. С нарастающим восхищением глажу ее шелковистую кожу.

Вытягиваюсь на кровати, сломленный интенсивностью нашего романтического опыта. Мое тело содрогается, и это похоже на эпилептические судороги, которые я не в силах больше контролировать. Мэрилин прильнула ко мне. Я чувствую тяжесть ее груди и жар лобка, прижатого к моим гениталиям. «Это ничего», — говорит она, и мы засыпаем, дрожащие, в объятиях друг друга, словно два атома, тепловые излучения которых возрождают былые страхи, прежде чем дать нам еще одну отсрочку.

У выхода из школы

Эти минуты ожидания у выхода из школы проходят довольно странно, ведь они последние — в начале сентября, после каникул, Луна начнет посещать колледж. Эти моменты одновременно радостные и печальные. Одно не бывает без другого. Сравнивая себя с другими родителями, я невольно задаюсь вопросом: являюсь ли я сексуальным отцом? Нужно ли мне изменить свой «имидж» в ближайшем будущем? Или же мне стоит остаться отцом-холостяком и закончить свои дни в одиночестве? Приходят мамы, одни усталые,

другие радостные. Этим парижским мамам смелости не занимать. Клодин сорок лет, она имеет двоих детей, а все-таки подала на развод. Я стал для нее чем-то вроде исповедника. Она думает, что я что-то могу для нее сделать. Она говорит себе: сначала развод для этого парня был настоящим шоком, но теперь у него все в порядке. Он проделал огромную работу над собой. Это здорово, я уверена. К тому же у него мускулистые ягодицы.

Муж Клодин — настоящий кретин, он не спит с ней и возвращается на рассвете как зомби. Детям не страшно наблюдать за тем, как отец валится на диван, ведь в этот час начинаются передачи «Утро на ТВ» или «Телепузики». Я соглашаюсь. Без денег невозможно снять квартиру, и Клодин начала писать роман, чтобы привести свою голову в порядок, помечтать и получить профессию: она сотрудничает с издателем, и ей нужен мой совет. Но не только, она хотела бы знать, свободен ли я в настоящий момент. С глупым видом я признаюсь ей, что влюбился в молоденькую девушку двадцати трех лет. Клодин краснеет и долго рассматривает свои туфли. К счастью, наши дети выходят из школы. Все обнимаются. Ощущаются неловкость, волнение, невысказанные обиды. Каждый надеется начать новую жизнь...

Площадь Сен-Сюльпис, на террасе заведения «Кафе де ля Мэри»

Флориан заказывает уже пятую чашку кофе. Его глаза, кажется, сейчас выскочат из орбит — он ими отчаянно вращает. Неужели это типичное поведение «среднестатистического мужчины» в его ситуации? Вопрос чуть было не срывается с моих губ.

— Посмотри на девушку за столом, она сидит позади тебя, — говорит Флориан, показывая пальцем.

Я незаметно поворачиваю голову, делаю вид, что ищу дорожную сумку под стулом.

— Она ничего, а что?

Флориан шепотом сообщает:

— Это сестра Каролины, моей бывшей.

— Да? Вот не везет.

— Мне кажется, она за мной следит.

— Тебе сейчас тяжело? — спрашиваю я.

— Ты не понимаешь, — стонет он.

— Нет, понимаю.

— Мне нужно измениться.

— Здесь на террасе по-прежнему уютно. А какой прекрасный памятник какому-то религиозному деятелю напротив, смотри! Похоже, скоро парни из Голливуда приедут сюда и начнут снимать большой сериал. В нем будут эзотерические и параноидальные сцены и эротическая история, которая опровергнет непорочность несчастной Святой Девы.

Отвлечь Флориана мне не удалось, он продолжал гнуть свое.

— Ты знаешь, я повсюду вижу Каролину. Даже пудель консьержки мне о ней напоминает.

— Чем, вьющейся шерстью?

Моя шутка его раздражает.

— Пожалуйста, не будь вульгарным.

— Даже не думал, — я пожимаю плечами.

— Ну о чем ты говоришь?

Необходимо поменять тему разговора, что я и делаю.

— В прошлый раз меня заинтересовала твоя теория о «среднестатистическом мужчине». В чем там собственно дело?

— Я думаю о механизме дозирования наших желаний, располагая их на шкале X, ни слишком высоко, ни слишком низко. Так жить спокойнее.

— Это интересная мысль, буддистское ограничение. Но, видишь ли, на практике все обстоит иначе. Кстати, большинство теорий рушатся при столкновении с действительностью. Вот что на самом деле забавно и грустно.

— Минутку, я еще не сказал последнего слова... Ну, хорошо... Самый худший вариант: я знаю, что Каролина кого-то встретила, но я не знаю кого.

— Понимаю.

Не буду же я ему рассказывать, что она спит с Гаэлем Мартеном. Надо соблюдать приличия. Если тебе наставляет рога тот же тип, который тебя уволил, — это уж чересчур.

Флориан погружается в глубокое молчание: рот открыт, взгляд неподвижен. И это длится две невыносимые минуты. Скоро у меня свидание с Мэрилин, и я весь сгораю от нетерпения. Наконец, я нарушаю тишину:

— Зачем ты хотел меня видеть?

— Не знаю, кто будет работать на моем месте, но я хотел бы оставить все инструкции, чтобы тебя сохранили в базе данных. Ты — хороший «негр».

— Не строю никаких иллюзий на этот счет и думаю, что твой преемник, вероятно, уже собрал свою команду.

— Наверное, ты прав.

— Во всяком случае, я перестану быть «негром», в некотором смысле...

— В конце концов, это неплохо.

— Я встретил молодую женщину...

— Счастливчик!

— Возможно. Использую благоприятный момент. Пока...

— Что пока?

— Пока она вдохновляет меня на творчество.

— И все-таки не сделай ошибки... Молоденькие девушки непостоянны.

— Поздно, я уже завяз по самые уши. Ведь живем один раз.

— Умираем тоже один раз.

— Это нетипичные слова для «среднестатистического мужчины».

— Извини. Я порчу тебе праздник.

За соседний столик садятся две хорошенькие девушки, но я предпочитаю не обращать на них внимания. Флориан — тем более. Он потерял то, что нашел я: безмятежность, связанную с телом, духом, запахом и цветом. Но это не конец. Сейчас у него переходный период. Поскольку, черт побери, можно сказать, что жизнь разыгрывает с нами старинную партию в покер, делая ставки на наши судьбы. В этой игре великий чемпион — это будущее. А известно, что *будущее длится долго*.

Флориан спрашивает, что я намерен предпринять по поводу работы. Говорю ему, что благодаря своим корсиканским друзьям я познакомился с молодым мексиканским режиссером. Его зовут Карлос Монтебелло. Неплохое имя! У него есть проекты, стратегия, талант и амбиции. Он подписал контракт с богатым колумбийским продюсером, живущим в

Меделлине.

— Ты думаешь, это серьезно?

— Меня наняли как сценариста. И я уже получил авансом кругленькую сумму. Не могу пожаловаться.

— Что сделано, то сделано.

— А ты? По-прежнему будешь работать в издательском деле?

— Да...

Флориан сосредотачивается, тяжело дыша, и рассказывает о своем новом проекте. Издатель *нового облика* желает отныне заниматься своей профессиональной деятельностью в Интернете, создать новаторский сайт, пользоваться чатами, блогами, использовать глобальное и интерактивное телевидение, чтобы создать Большую Книгу в цифровой версии.

— Скажи, разве это проект «среднестатистического мужчины»?

— Это новый этап, я должен изменить свою позицию и стать заметной личностью. Вспомни, это вполне соответствует моей теории «среднестатистического мужчины».

Тень нависает над нашим столом: сестра Каролины стоит перед нами и смотрит на своего бывшего родственника. Тот начинает дрожать. Намерения незваной гостьи кажутся агрессивными. Намечается пикировка. Сестра Каролины кладет конверт на стол.

— Это для тебя, — произносит она, прежде чем уйти.

Флориан открывает конверт и вытаскивает листок. Я не могу понять, что там: письмо, написанное от руки, рисунок или документ. Я только замечаю необыкновенную бледность Флориана, когда он видит эту бумагу.

— Я пойду, — говорю я. — Так будет лучше, не так ли?

Квартира у станции метро «Гонкур»

После секса Мэрилин идет наполнять ванну. Я слышу, как шумит вода. Уже несколько дней Мэрилин читает книгу «Американский психопат»^[18], которую выискала на полках моего книжного шкафа. А я пытаюсь писать новый роман на компьютере в соседней комнате. Условное название и сюжет истории заставляют меня поломать голову. «Оглядываясь назад» — это история про злоключения одного идиота, который неспособен удержаться на работе, такая эпопея в духе приключений Дон Кихота в современном мире. Заглавие было мне подсказано одним другом Жан-Ивом Ж., простодушным и загадочным человеком, который взялся за написание энциклопедии войны, — титанический труд, не имеющий границ.

Мэрилин слышит, как стучат мои пальцы по клавиатуре. Присутствие девушки меня вдохновляет...

Я слышу всплески, когда Мэрилин шевелит ногами, и эти звуки погружают меня в мечтания — источник впечатлений и воспоминаний. Представляю женщин, стирающих белье на берегу Амазонки, дождь, хлещущий по стеклам домов в деревне, плещущуюся в раковине рыбу...

Отвлекаюсь от компьютера и иду в ванную комнату к Мэрилин. Она улыбается, читая книгу, которую держит в руках над водой.

— Чего ты хочешь? — она хитро улыбается.

— Я? Ничего.

— Сколько страниц ты написал?

— Двадцать три.

— Неплохо...

Опускаюсь на колени и погружаю руку в воду.

— Нашла что-нибудь интересное в книге?

— Думаю, да...

— Гм...

Мягко раздвигаю ноги Мэрилин, ласкаю ее. Она откладывает книгу и вскоре выдыхает:

— Иди ко мне...

Продолжаю осторожно ее возбуждать. Она сжимает рукой мое плечо, приподнимает бедра, и волна наслаждения прокатывается по ее телу. После этого Мэрилин полностью расслабляется, словно впадает в летаргическое состояние, напоминая маленькую неподвижную куклу, плывущую по воде. Сбрасываю одежду, сажусь на край ванны и опускаю ноги в воду; намыливаю ноги Мэрилин, делаю ей точечный массаж ступней, обмываю ее и помогаю подняться.

Моя цель — доставить Мэрилин нескончаемое удовольствие, вознести ее на пик наслаждения и продлить это состояние как можно дольше. Вытираю ее полотенцем, беру на руки, несу в спальню и кладу на кровать. Ее тело напоминает мне череду сменяющихся первоначальных миров: разветвленную крону деревьев, пустые страницы книги, молочно-белую сердцевину дерева, чистое белье, только что вынутое из стиральной машины, семечки и розовую мякоть инжира, положенного на поджаренный хлебец, антропометрию Ива Кляйна^[19] и его «зоны нематериальной чувствительности», стакан с водой, опрокинутый на садовый столик, перила винтовой лестницы, пюре из красных фруктов, постепенно растворяющееся в греческом йогурте...

Прошу ее лечь на живот, сажусь на ее ягодицы, кладу руки ей на плечи. Делаю легкий массаж, идя вниз от затылка по всей спине, расслабляю ее мышцы, вызываю у нее ощущение спокойствия. Когда верхняя часть тела Мэрилин полностью расслабляется, скольжу вниз, глажу ягодицы, разминаю мышцы ног, глажу ступни, долго ласкаю пальцы ног, потом поворачиваю ее к себе лицом. Замечаю, какой у Мэрилин томный и нежный медленный взгляд; раздвигаю ее маленькие нижние губы, провожу языком по набухшему розовому бугорку. «Хочу, чтобы ты вошел в меня», — шепчет Мэрилин. Тогда я приподнимаю и обхватываю ее дрожащее тело, вхожу в нее, осторожно двигаюсь внутри нее; Мэрилин просит меня взять ее, двигаясь все резче и резче. Она издает тихий стон, очень нежный. Ее бедра сжимаются, и мы одновременно испытываем оргазм.

Когда мы приходим в себя, я говорю:

— Помнишь, я рассказывал тебе о фильме Серджио Леоне «Однажды в Америке». Я его обожаю, и видел его сто тысяч раз. Мне хотелось бы посмотреть вместе с тобой этот фильм. После этого мы еще лучше будем понимать друг друга.

Мы начинаем глупо смеяться, и это забавляет нас еще больше. Включаю плеер и телевизор, стоящий у кровати.

Я считаю Серджио Леоне изобретателем крупных планов в кинематографе, особенно когда он показывает обмен взглядами. А в этом фильме рассказывается о трагических приключениях друзей, встретившихся в начале двадцатого века в еврейском квартале Нью-Йорка и ставших королями воровского мира во времена «сухого закона»; заканчивается эта история во времена хиппи. Сценарий, постановка, актеры, операторская работа таковы, что от фильма невозможно оторваться, хотя он идет четыре с половиной часа. А музыкальное

сопровождение Эннио Морриконе просто великолепно.

Мэрилин прижалась к моей груди. Она окунулась в этот фильм, закутав ноги в простыню. В середине картины один из героев (его играет де Ниро) в машине насилует женщину, любовь всей своей жизни, предварительно продекламировав ей фрагмент из библейской книги «Песнь песней Соломона», которую они вместе читали подростками. Мне эта сцена крушения красивой любви кажется просто душераздирающей и почти невыносимой из-за чувственной жестокости. Мэрилин, тоже пораженная увиденным, вдруг принимается яростно меня возбуждать. Я налегаю на нее, проникаю в ее лоно, смотрю прямо в ее глаза и шепчу:

— Мне никогда не было так хорошо.

Она, отведя взгляд, спрашивает:

— Скажи, ты ведь никогда так не сделаешь? Ты никогда не причинишь мне зла?

— Конечно нет, любовь моя...

— Что с нами будет?

— Не думай об этом. Ты меня чувствуешь?

— Возьми меня грубо.

И тогда я убыстряю темп, еще и еще, взрываюсь в ее животе, задыхаюсь, электризуюсь...

Все, стоп, я падаю без сил рядом с Мэрилин, и мы засыпаем. При пробуждении снова следим за судьбой персонажей американской жизни, полных сил и желания узнать свое будущее. На улице сильная жара, а мы опять и опять занимаемся любовью и проводим все выходные в постели под шум вентилятора.

Стол для рисования

Я пригласил Луну поужинать. Поскольку она видит меня веселым и довольным, я объясняю ей, почему мне нравится Мэрилин. Какая она? Мэрилин полностью в моем вкусе. Я рада за тебя, папа. Но я немного ревную. Это нормально, малыш, но ты с ней подружишься. Да, она обожает детей, я уже показал ей твою фотографию. Она находит тебя очень симпатичной; кстати, у нее много двоюродных братьев и сестер твоего возраста. И она также любит искусство и лошадей. Ой, папа, я хотела бы покататься с ней на лошади. Спроси ее, сможем ли мы покататься на лошадях этим летом?

По возвращению домой Луна запирается в своей комнате. Через час она появляется и протягивает мне листок бумаги.

— Посмотри, папа, я нарисовала портрет Мэрилин. Это образ идеальной женщины. Ты помнишь моряка из фильма «Девушки из Рошфора», мы смотрели его вчера вместе? Этот моряк тоже нарисовал портрет идеальной женщины, он ищет ее всю жизнь. Ты тоже, папа, ищешь всю жизнь идеальную женщину, значит, ты — моряк.

— Похоже. Как ты догадалась, что у Мэрилин такое лицо?

— Ты сможешь от меня передать ей этот рисунок? Скажи, а потом я могу с ней познакомиться?

На пляже. Остров Рэ

Луна и Мэрилин бегут к воде, а я их догоняю. Теперь нас уже трое, и мы ничем не

отличаемся от других семей. На море шпиль. Как только Луна оказывается в воде, она прыгает в мои объятия, потом — очередь за Мэрилин.

Сначала ощущается некоторая неловкость, но потом игра принимает дружеский оборот. Мы выдумываем всякие шутки, новые слова и формулировки. Сегодня мы веселимся и не думаем о будущем. Мы стали первобытными существами.

Мэрилин была крайне растрогана рисунком Луны.

Ночью у Луны заболел живот. Мэрилин встала, зашла к ней в комнату и сделала ей массаж всего тела. Луна быстро заснула.

И вот мы лежим на полотенцах и ничего не делаем. Чтение, ветер, морская соль, крем от солнца. Время от времени обмениваемся взглядами.

Луна шепчет мне на ухо: «Мэрилин очень хорошая. Она красивая. Нет, она не красивая, но она мне нравится. Мы сейчас пойдём есть мороженое?»

Конный клуб в ля Гаретт, департамент Пуату. После крутого виража дорога начинает спускаться. Внизу мы видим площадку для выезда лошадей и песчаное углубление, образованное конскими копытами, новенькие конюшни (их строительство финансировалось муниципальным советом), а вокруг — лес, рощи и тенистые каналы.

Мэрилин помогает Луне подготовить снаряжение для верховой езды. В этом она хорошо разбирается.

Под присмотром инструктора группа наездников выезжает на поле, стартовую площадку для начала прогулки. Машу Луне рукой — ей страшно сидеть на таком крупном животном. «Я рядом», — успокаивает ее Мэрилин. Обмен таинственными, робкими, смущенными и веселыми улыбками. Посылаю воздушный поцелуй моей возлюбленной. «Жду вас в кафе, у пристани», — говорю я.

Они уезжают — лошади идут неспешным ходом. Луна оборачивается в последний раз, она что-то говорит мне, но я не разбираю слов из-за стука копыт.

Потом я устраиваюсь на открытой террасе кафе. Мне приносят бокал белого сухого вина. Достāju из кармана блокнот, пишу две или три фразы, рисую на полях какой-то абстрактный знак — такая привычка у меня появилась еще в школе. Вот и все. Лето закончится, и Мэрилин поедет в Лондон; мне удастся отогнать эту мысль лишь после третьего бокала вина.

Через час мои дорогие женщины ко мне возвращаются. Они идут, держась за руки, и смеются. Прогулка на лошадях оказалась чудесной. Луна пьет воду с мятой, Мэрилин — сухое вино со мной за компанию. Луна садится мне на колени и обнимает меня. Мэрилин закрывает глаза и откидывается на спинку стула.

Дорога в лесу

Вечером, после ужина у моих родителей, я и Мэрилин решаем прогуляться вдоль каналов. В воздухе чувствуется влажность, постепенно начинает темнеть. Квакают лягушки, раздаются и другие «голоса», природу которых определить невозможно. Мы слышим, как шумит насос, подающий воду на кукурузные поля. Мэрилин обнимает меня и гладит по голове. «Я весь в напряжении», — говорю я. Ее рука спускается ниже пояса моих брюк. «Ну надо же!» — «Не знаю почему, но с тобой у меня постоянная эрекция». — «Это любовь», — произносит она, расстегивая молнию на брюках и высвобождая мой член. Обнимаю и

приподнимаю Мэрилин; ее ноги обвиваются вокруг моих бедер. Я проникаю в нее, и она тут же становится влажной — из-за возможности того, что нас могут увидеть, она возбудилась больше обычного. И вдруг Мэрилин говорит:

— Мне страшно уезжать в Лондон, боюсь того, что может произойти... Ты, Луна... все это так быстро случилось, а я еще очень молода, мне нужно повзрослеть, понимаешь?

— Не беспокойся, все будет хорошо. Не будем об этом говорить. Тебе нужно уехать, тебе предстоит еще многое узнать в жизни, вот так, все просто.

Мэрилин обнимает меня и шепчет на ухо:

— Мне нравится, когда ты массируешь мои бедра, у тебя такие сильные руки. Люблю, когда ты называешь меня прелестной попкой. Ты знаешь, многим девушкам не нравится их зад. Но теперь я больше не стыжусь своих ягодиц.

Внезапно на повороте дороги возникает темная масса. Я опускаю Мэрилин на землю. Мы могли бы уйти другой дорогой — она совсем близко, — но нет, мы остаемся. Темная масса быстро приближается. Что это такое? Наконец, мы видим: четыре или пять крупных собак бегут прямо на нас, высунув языки, их глаза блестят как стекло. Совсем недавно мы слышали выстрелы — может, это имеет какое-то отношение к взбесившейся своре? Собаки уже в тридцати метрах и по-прежнему несутся на нас. Выступаю вперед, защищая мою любимую, громко кричу, надеясь испугать собак и показать им, кто хозяин в этих французских джунглях. Но собаки проносятся мимо плотной массой, словно огромный метеорит, равнодушные к нашему присутствию, направляясь к неведомому пристанищу.

В Италии

Начало августа. Мы ужинаем при свечах на балконе нашей квартиры на улице Дела Волпе. Цветы только что политы, запах торфа смешивается с запахом фруктов, лежащих в корзине, и это напоминает нам недавнее приключение в ночном лесу Пуату.

Крыши старого Рима. Театральные декорации, словно чешуйки, наложенные друг на друга. Мы в гостях, и нас чудесно принимают прекрасные друзья: Алехандро и его близкий друг Риккардо. Алехандро — красивый мужчина с длинными вьющимися волосами, зелеными глазами. Ему сорок лет, он фотограф, очень культурный человек, смешной, очаровательный. Алехандро все время путешествует. Риккардо же является культурным атташе при мексиканском посольстве. Там и живут их семьи. Я знаю Алехандро уже давно. Ночные дискуссии, верность дружбе и удовольствие, которое доставляет нам обмен мыслями, собранными по всему свету, — вот что меня с ним связывает.

Риккардо обожает лирическую музыку. Он живет совсем в другом, собственном мире. В этом году он везет Алехандро на фестиваль в Бейрут. Мэрилин пьет шампанское. Когда приходит ночь, мы курим опиум.

Утром Алехандро распечатывает последние снимки, сделанные им во время путешествия по Ближнему Востоку. Мэрилин охотно соглашается заняться любовью. Легкий запах влажной листвы приходит к нам из-за занавески.

Мои друзья уезжают в Бейрут, а я и Мэрилин неделю проводим в Риме как истинные влюбленные.

Мэрилин загорает на балконе, подставив солнцу обнаженные бедра. Неслышно подкрадываюсь, она поворачивает голову, и я фотографирую ее удивленную улыбку.

Эта улыбка напоминает мне об еще одном выражении ее лица — оно поразило меня до

нашего отъезда, — когда она взяла в руки новорожденного мальчика соседки. Тогда лицо Мэрилин озарилось улыбкой счастья. Никогда в жизни я не видел ничего подобного.

После обеда идем осматривать базилику Святого Петра, резиденцию папы римского. И вдруг луч солнца освещает рад скамеек, и мне чудесным образом удается сфотографировать Мэрилин, пересекающую поток света.

Вернувшись из Бейрута, Алехандро приглашает нас поехать на море на выходные. Мы делаем много фотоснимков во время поездки в машине, взятой напрокат. Неаполитанский залив. По дороге в горы покупаем фрукты и проезжаем Позитано. Когда город остается позади, спускаемся в бухту, чтобы искупаться. Здесь на пляже расположились несколько семей, у кромки воды резвятся дети. Средиземное море теплое и голубое. Волны мерно накатывают на берег. На воде небольшая рябь. Мы плаваем и загораем. Время медленно течет, отмеченное незначительными событиями.

Вытянувшись на полотенце, Мэрилин засыпает.

Мы с Алехандро дурачимся. Он смотрит на меня круглыми глазами, говорит: «Но, позвольте, мсье... что это значит?» — и прыгает в воду, словно его подтолкнула невидимая сила, совершая при этом акробатические и глупейшие трюки. Я бросаюсь следом за ним, и мы смеемся все громче и громче.

Разбуженная нашими криками, Мэрилин просыпается, тоже идет купаться и догоняет меня, двигаясь безукоризненным кролем. Мы подплываем к лодке, стоящей на якорю, и беремся за канат, уходящий под воду. Мэрилин обнимает меня и говорит: «Твои голубые глаза с отблесками моря кажутся хрустальными. Ты прекрасен, мой ангел». Иногда мы позволяем себе сказать друг другу такие искренние слова.

Вечером мы ужинаем в Прайано, в ресторане, расположенном на небольшом пляже, где в небо взмывают отвесные скалы. Там, на вершине одной скалы, я замечаю небольшой дом.

На постели

Сентябрь. Мэрилин кладет чемодан на кровать. Лежа на матрасе, смотрю, как она собирает вещи. Мысленно она уже пересекла Ла-Манш, а физически все еще находится у меня в квартире. Мэрилин опустошает полки, которые я специально выделил ей в моем книжном шкафу, отправляет несколько электронных посланий, чтобы подготовить свой приезд в Лондон. Время от времени она склоняется надо мной и целует меня. Потом запирается в ванной комнате и выходит оттуда со слезами на глазах.

Ложусь на живот прямо на паркет, уперев руки в пол и согнув их в локтях. Затем поднимаю голову, высовываю кончик языка, приподнимаю одну руку, имитируя движения варана, — эта поза пресмыкающегося очень нравится моим близким. Мэрилин сначала пугается, а потом начинает смеяться. И мы идем в последний раз принимать вместе душ.

Телефонный разговор

— Алло? Папа?

— Да, милая, как твои дела?

— Первый день занятий прошел очень хорошо. Но потом у меня сильно болел живот.

— Теперь тебе лучше?

— Немного лучше... А ты с Мэрилин?

— Нет, она навещает маму.

— Ах, вот как.

— Да.

— Я написала поэму о нашей прогулке на лошадях. А еще я нарисовала рисунок. Мне хотелось бы сделать ей подарок, пока она не уехала.

— Это очень мило с твоей стороны. Думаю, она будет довольна.

— Тогда, может, отошлем ей подарок по почте? Или когда она вернется в Париж?

— Посмотрим. У меня садится батарейка, малыш, боюсь, связь сейчас прервется.

— Крепко обнимаю тебя, папа. Я люблю тебя.

Северный вокзал в Париже

Отъезд в Лондон. Я везу Мэрилин на вокзал. Толпа народу, различные объявления по громкоговорителю. Чувство тревоги. В этот момент я уже перестаю что-либо понимать в людях.

В вестибюле вокзала наталкиваемся на группу возбужденных отъезжающих: они презрительно свистят на полицейских, которые проверяют билет у одного молодого человека, подозревая в нем мошенника. Некоторые прохожие заступаются за него, говоря, что он обычный парень из предместья. Полицейские превышают свои полномочия, они потеряли терпение. Обстановка накаляется. В толпе слышится недовольный ропот.

После проверки билетов идем на платформу, к головным вагонам. Поезд «Евростар» постепенно заполняется.

Мэрилин робко на меня смотрит.

Очень нежно беру ее за руку и говорю:

— Я хотел бы, чтоб у нас был ребенок.

Ее лицо озаряется.

— Правда? То, что ты говоришь... Это потрясающе!

— Желание иметь ребенка связано только с тобой. Ни с кем другим.

Она потеряна, растрогана. В этот момент мне хочется выразить чувства, которые я еще не могу четко сформулировать.

— Поезд сейчас отправится, моя дорогая.

— Разлука будет нелегкой. Возможно, мы совершаем ошибку.

— Нет никакой ошибки. Что в тебе хорошо, так это твой смех и твоя непосредственность. Что-то очень прозрачное и очевидное.

— С тобой я чувствую себя красавицей. Но не говори таких вещей — ты меня пугаешь.

— Каждый должен стремиться к *прозрачности*. Ты так не думаешь?

— Да, мой дорогой человечек.

— В идеале хотелось бы жить в мире с тысячью других измерений.

— Да... но ничего не кончено.

— Поезд уйдет.

— Я остаюсь. На этот раз все решено.

Она ставит чемодан, обнимает меня — ее глаза полны слез.

— Нет, тебе нужно ехать. Поднимайся в вагон, поезд сейчас отправится.

— Через две недели я снова буду в твоих объятиях.

— Конечно. Все будет хорошо.

Удерживаю ее за руку.

— Скажи, а ты не хотела бы отрастить волосы?

— Думаешь, стоит?

— Да, ты станешь еще красивее с длинными волосами.

— Хорошо, согласна. До скорой встречи, любимый.

Все кончено, она заходит в вагон. Я не хотел этого видеть. Не знаю, оглянулась ли Мэрилин.

«Евростар» трогается и набирает скорость, налегая на рельсы, а я получаю эсэмэску: «Люблю тебя! Будь со мной!»

В тот момент, когда я собираюсь ответить на послание моей любимой, чья-то рука ложится мне на плечо, и мой внутренний голос словно вопрошает: «Как? Мэрилин, ты все-таки осталась в Париже? Ты уверена, что так надо? Это твое решение?» Я оборачиваюсь и — о, ужас! — вижу лицо, которое успел почти полностью позабыть, ужасное лицо получеловека, полупризрака.

— Здравствуй, Матье, как дела?

— ?!

— Ты видишь, я уже не ношу розовых галстуков... Так лучше, правда?

— Черт! Парень, да ты просто невозможный тип!

— Я твой друг, — говорит он.

— Ты меня достал...

Испытывая напряжение, несусь к центральному выходу, смотря под ноги. Столько всего смешалось в моей голове! И вдруг, заглушая мой внутренний голос, раздаются бессвязные крики толпы. Поднимаю голову и вижу, как расступаются отъезжающие, чтобы пропустить бегущего изо всех сил человека. Я узнаю его — это недавний молодой «мошенник», которого я и Мэрилин совсем недавно видели внутри здания вокзала. Его преследуют полицейские. Паника на платформе! Одна старая женщина падает, поранив колено, какая-то мамаша с ребенком кричит, заметив, как полицейский достает оружие.

Беглец чуть было не сбивает меня с ног. Смотрю, как он мчится по перрону, а за ним бегут полицейские. В этот момент появляется поезд, он тормозит... Толпа продолжает расступаться, слышны отдельные выкрики, истерический визг. Беглец толкает человека, который носил розовые галстуки, и тот падает на рельсы прямо перед локомотивом. Кто-то пытается его спасти. Слишком поздно: его тело на какой-то момент исчезает под составом, а потом появляется в виде кровавого месива.

На обратном пути домой бесцельно бреду вдоль канала Сен-Мартен, в смятенных чувствах, сбитый с толку: ужасные картины смерти запечатлелись в моем сознании. Немного утешает то, что, если судьба мне улыбнется, скоро увижу свою любимую. Брожу, хожу по кругу по кварталу, и вспоминаю, как двадцать лет назад провожал Клару на самолет в Лондон. Потом она стала матерью Луны.

Оказавшись дома, слегка потерянный в круговороте чувств, в поисках хотя бы небольшой поддержки, набираю телефон своей бывшей жены.

— Как дела?

— Извини, я сейчас не одна.

— Понимаю. Как скажешь. Просто хотел с тобой поговорить.

— В другой раз.

Утратив обычное состояние из-за трагического происшествия на Северном вокзале,

думаю о Мэрилин, убеждаю себя, что она несколько раз приедет навестить меня, возможно, наши электронные послания сделаются более редкими. Потом она спокойно забудет меня. И будет искать в страстных воспоминаниях юности новую любовь в объятиях другого мужчины. Она будет счастлива, но иногда будет грустить и несколько раз вспомнит обо мне. И у всех мужчин, которых она полюбит, будет странный привкус.

Потом я замечаю на постели тоненькие трусики, которые Мэрилин любезно оставила мне перед отъездом и которые были на ней в последний день, когда мы занимались любовью. Беру их, провожу мягкой тканью по груди, лицу, целую их, вдыхаю пряный запах цветка и седла лошади, словно я опять маленький мальчик, который еще в детстве любил запах буйной растительности и компанию животных.

А потом включаю на полную громкость песню «Я хочу быть твоим псом» группы *The Stooges*. Танцую перед зеркалом в своей комнате и нахожу себя соблазнительным и желанным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хуже развода ничего нет? Как сказать. **Все имеет свою положительную сторону.** Ведь прощание с опостылевшим браком предоставляет мужчине то, чего он желает больше всего на свете, – вожделенную свободу. Именно так считает главный герой романа Кристофа Дюшатле – бывший муж и отец семейства, а теперь холостяк Матье.

И пусть он **не совсем доволен жизнью** и мало чего в ней достиг (Матье работает литературным «негром», то есть пишет за других), но уж своей свободой он намерен распорядиться со всей серьезностью.

Расстаться с надоевшей женой нужно для того, чтобы... **найти женщину своей мечты.** То есть ту, которая хороша в постели и несильно обременяет в остальное время. Матье тщательно разрабатывает свою стратегию соблазнения и начинает действовать.

Но жизнь вносит свои коррективы в игры новоявленного холостяка. **Появляется она.** Матье придется ответить на вопрос: что для него важнее – свобода или любовь?

«Удивительно **увлекательное чтение для женщин.** Особенно для тех, кто хочет разобраться, что такое холостяк и как с ним бороться».

Publishers Weekly

«С легкостью и изяществом настоящего профессионала **Кристоф Дюшатле** раскрывает нам **внутренний мир современного мужчины.** И когда спадают все маски, возникает понимание, что, сколько бы представители сильной половины человечества не убеждали себя в том, что обойдутся без любви, оказывается, что обойтись без нее еще никому не удавалось».

Time Magazine

ISBN 978-5-386-01824-5

РИПОЛ
КЛАССИК

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Не нервничай, парень! *(англ.)*

2

Магриб — регион Африки, включающий Мавританию, Западную Сахару, Марокко, Алжир, Тунис, Ливию.

3

Жак Одияр (р. 1954) — французский кинорежиссер, мастер «неонуара».

София Коппола (р. 1971) — американская актриса, режиссер, продюсер.

4

Эль-Махди (1844–1885) — суданский политический и религиозный деятель.

5

«Вэнити фэйр» (англ. Vanity Fair) — популярный американский журнал, известный по большей части благодаря своим обложкам с фотографиями звезд кино и других знаменитостей.

6

Французская буква «Н» произносится как «аш».

Лицензиат — ученая степень, принятая во французской системе высшего образования, а также в университетах Финляндии, Швейцарии и некоторых латиноамериканских стран; в современных французских университетах — первая ученая степень.

8

Французское имя Henri по-русски пишется и произносится как Анри.

9

«Биг базар» (англ. Big Bazar) — бродячая труппа, состоявшая из трех десятков актеров и музыкантов. Молодые люди колесили по Франции, выступая с представлениями в самых отдаленных уголках страны и создавая произведения, которые ныне считаются классикой французской музыки: «La Fete», «Fais comme un oiseau», «Tout va changer», «Les Acadiens». История «Биг базар» закончилась в 1977 году.

10

Жозе Бове (р. 1954) — французский фермер и общественный деятель, сторонник антиглобализма, активист профсоюза сельскохозяйственных работников Франции. Бове широко известен как «фермер, который снес бульдозером „Макдоналдс“».

11

Реблошон — савойский сыр.

12

Жак-Мари-Эмиль Лакан (1901–1981) — французский психоаналитик-фрейдист и философ.

13

Пьер Паоло Пазолини (1922–1975) — известный итальянский кинорежиссер, предпочитает снимать социальные драмы и рассматривает «прогнившую буржуазию» через сексуальное начало, используя высокоинтеллектуальную символику.

14

Маргерит Дюрас (1914–1996) — французская писательница, драматург и кинорежиссер. Главная тема ее творчества — бунт против бесцветности будничной жизни.

15

Премия «Фемина» — французская литературная премия, учрежденная в 1904 году двадцатью двумя сотрудницами журнала «Счастливая жизнь» (ныне «Фемина») во главе с Анной де Ноай. По замыслу основательниц, «Фемина» должна была составить альтернативу исключительно «мужской» Гонкуровской премии. В жюри премии входят только женщины.

16

Джеймс Дин (1931–1955) — американский актер.

17

ADSL (Asymmetric Digital Subscriber Line) — асимметричная цифровая абонентская линия.

18

«Американский психопат» — опубликованный в 1991 году роман американского писателя Брета Истона Эллиса (р. 1964).

19

Ив Кляйн (1928–1962) — французский живописец, считающийся основателем монохромной (одноцветной) живописи.